

Журнал издается с июня 1998 г.

№2 (6)

**Периодичность — 6 раз в год
Подписной индекс 29926**

Учредитель и издатель
Ю. Мандрика

РЕДКОЛЛЕГИЯ
Ю. Басков (*г. Надым*),
Т. Исламова,
Н. Коняев (*г. Ханты-Мансийск*),
Г. Куцев, Ю. Мандрика
(*главный редактор*),
А. Омельчук, С. Пархимович,
А. Петрушин, В. Рогачев,
С. Сарычев

Сдано в набор 10.12.98.
Подписано в печать 12.04.99.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «SchoolBook».
Офсетная печать.
Бумага офсетная №1.
Уч.-изд. л 9,2.
Усл.-печ. 9,3.
Тираж 300. Заказ №58.

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отпечатано с готовых
диапозитивов на ФГУИПП
«Уральский рабочий».
625219, г.Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень,
а/я 501.

Тел. (345-2) 25-12-84

Подписка — во *всех*
отделениях связи.
Цена на 2-е полугодие
(без доставки)
3 номера = **30 руб.**

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

К. Михайлов. Фотограф 3

ПРОЗА

В. Строгальщиков. Слои-3. Отрывок из романа 30

С. Бурова. Встречи с Леоновым 43

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

А. Чернышов. Путь к обретению истории 60

В. Рогачев. Разжать капакн 63

Ю. Мандрика. «Полуусмешка старого забора...» 67

КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. Н. РОГАЧЕВА.

Н. Рогачева. «Полуусмешка старого забора...» 67

КРАЕВЕДЕНИЕ

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

Ю. Мандрика. С.К. Патканов. Остяцкая молитва 3

К. Омельчук. Ямальский проект Константина Носилова 16

И. Словцов. Чудеса на Новой Земле, или Таинственное
у самоедов 19

К. Носилов. В защиту обских инородцев. Изыскание пути по
соединению Обского и Печорского бассейнов 22

ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛИСТА

Р. Гольдберг. «Объект Збарского» 58

ЧИТАЛКА «ЛУКИЧА»

Ю. Мандрика. Будут ли праздновать 60-летие Шишкина? 67

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

И. Словцов. Степан Иванович Гуляев 70

СЛОВО СПЕЦИАЛИСТА

С. Туров. Сибирский энциклопедист 126

СООБЩЕНИЯ

Е. Коновалова. История Тюменской книги 132

В. Копылов. Въездные, или парадные, ворота старой Тюмени 145

С. Кубочкин. Тюменская ярмарка. Взлет и падение 149

TRIVIA (мелочи) 160

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 160

Михайлов Константин Аголович. Родился в 1964 г. Окончил Тюменский мединститут. Врач-психиатр. Стихотворения печатались в периодической печати («Тюменские известия», «Наше время»), включены в сборник «Времена, в которые верю» (1989).

«Похититель икон» (1994) — первая книга поэта. За книгу «Стихи» (Тюмень: СофтДизайн, 1997) удостоен премии им. Н.М. Чукмалдина.

Фотограф

Атлантида

Этим городом некогда
правили ангелы —
Золотые,
в бесстыдно красивых мундирах.
Они кушали в рагуше
белую-белую манну,
Они изредка славили
доброе-доброе Бога.

Они гладили женщин —
и женщины тотчас рожали
Небывалых героев,
способных к далёким походам.
И герои вздымали
на гордые плечи скрижали
И носили их вдаль,
к повелителям диких народов.

Перед зверским вождём,
разрисованным охрой и сажей,
Ставил яркую медь
благородный герой-победитель.
И вождю объявлял,
что отныне он — подданный града.
Где весёлые ангелы
кушают сладкую манну.

А над гривой героя
вращались зелёные искры,
Громовой рок-н-ролл вылетал
из окрестностей мозга,
Рок-н-ролл, совершающий
блуд, грабежи и убийства,
Пока хитрый герой
имитировал нежность мимозы.

Так весь мир был охвачен
прямыми путями героев,
И на западном склоне земли
они создали пастбище сфинксов,
А на склоне восточном
они возвели пирамиду,
Чтобы видеть оттуда
и Север, и Юг, и все звёзды.

4.11.96

Бессмертие

Материя! Я умираю.
Последний виток или нет —
Без разницы. Солнышко с краю,
Я ритм движений теряю,
Я зреньё дневное меняю
На матовый западный свет.
Зачем мы при жизни гадали?

И корабль, одетый в хлопок,
А на нём — Капитана — Бога.

* * *

Страстями душу леденя,
Я грех считаю Божьим даром...
Ведь ангел завтрашнего дня
Живёт, как демон в мире старом.
Он смотрит в тысячи окон
С багово-красных стен рассвета,
Он гасит свечи у икон,
Чтоб дать пример

дневного света.

Воспринимаемая быт людей,
Как стон, как судорогу боли,
Он к ночи делается злей
И станет богом поневоле.
Уже не в силах отступить
От правды, принятой когда-то,
Он, чтобы ветхость искупить,
Вонзает в ладони крест заката.
И в смертной муке сотворит
Все существа и все предметы
И вновь взойдёт и озарит
Другую сторону планеты.

Дверь

Если б был я романтик и вор,
Я б красивую песню сложил
Про палаческий острый топор
И про кровь из распахнутых жил.

Если б был я монах и изгой,
Я бы спел что-нибудь о любви —
О покинутой, но дорогой,
Той, что верит в молитвы мои.

Но отсутствие Бога гнетёт.
Зеркала на меня не глядят.
Вся душа, запрокинувшись, пьёт
Пыль пустынную,
чувственный яд.

Бог ушёл. Сквозь
открытую дверь
Я теперь буду слышать всегда,
Как пульсирует раненый зверь,
Как кричит молодая звезда.

7.02.97

Троя

Немец Шлиман
выслеживал древнюю Трою.
Он ходил вдоль воды,
он стучал по камням и молился.
Запирался в Берлине,
всю ночь утомлялся мечтою,
Плавал в красных морях
и на чёрной гречанке женился.

Не пугало его
громыхание крупновских пушек,
Клокотанье иприта
в горячей утробе реторты,
Ему было плевать,
что мальтийский магистр задушен,
Что парижские комики
падают в липкие торты.

И однажды случайно,
открыв телефонную книгу,
Он узрел этот номер —
две точки напротив семёрки.
И он понял намёк
и признал Соломонову Лигу,
И отправил депешу
Ульянову-Ленину в Горки.

Немец Шлиман писал:
«Бога нет, уважаемый фюрер!
Кони бледные вышли
и скачут, и нюхают мёртвых.
Этот факт хорошо
отразил в своей графике Дюрер
Живший в смутное время
знамений и тайных аборт.

Его друг Парацельс — тот
 что пробовал трупное мясо,
 Тоже знал континент
 за пределами
 школьной программы...
 Атлантида видна
 в первый миг комендантского часа,
 Как зелёная искра
 на третьем луче пентаграммы».

Так закончил депешу
 подтянутый, чопорный Шлиман.
 Его взгляд засквозил,
 проникая всё глубже и глубже,
 Мимо первого Рима
 и мимо последнего Рима
 Через центр креста,
 через чакру и дальше — наружу.

Степь

Забавный Босх Иероним,
 Сторонник медленной работы,
 Однажды Богом был гоним
 В ту степь — за райские ворота.

Степной орёл над ним кружил,
 А Босх, присев на берег Волги,
 Костёр неяркий разложил,
 Пережидая вечер долгий.

Он, неподвижный, в ночь вошёл,
 И тени прожитых явлений
 Его овеяли, как шёлк,
 Как шевеленье поколений.

Разбужен утренним лучом,
 Он встретил Бога без поклона
 И, встав пред вечным палачом,
 Сказал в глубины небосклона:
 «Как римский авгур, я смеюсь
 Над тайной птичьего полёта,
 Но в глубине души — боюсь

Златых богов солнцеворота.
 Мне опостылел гений мой,
 Меня по терниям влекущий,
 Я так давно хочу Домой —
 Но схвачен Дланью Всемогущей.

И я прошу от всей души,
 Презрев и линию, и краску:

— Хоть что-то, Боже, соверши —
 Но без моей немой подсказки!
 Направь меня туда, где свет,
 Или туда, где копать Ада, —
 Но сделай так, чтоб я ослеп
 В момент вручения награды!
 Чтоб не пришлось мне выбирать
 Свой жребий, взвешивать
 и мерить...

А просто дай, как благодать,
 Всё то, во что я должен верить!».

И Бог ответил: «Тишина —
 Второе имя Откровенья.
 Твоя судьба завершена.
 Возможны только повторенья».

Тоска

Есть невозможная тоска
 В молчанье женщин и скотов.
 Она к пророчеству близка,
 И Бог принять её готов.
 Принять как веру, как мольбу
 И на свои кресты поднять,
 И утопить её в гробу
 Или на святость обменять.

30.04.97.

* * *

Бог — это самый сильный Зверь.
 Когда я был мёртвым
 в последний раз,
 Я видел Его золотые глаза
 Напротив моих закрытых глаз.

И Он соблазнял меня
 новым днём,
 К воротам рожденья меня толкал.
 И вот я в кровавый вошел проём,
 Лицом раздвигая мочу и кал.

Я видел, как Шива плясал
 на льду,
 Я видел, как Брахма дремал
 в цветке,

А Вишну был спрятан и на виду
 Оставил лишь тени в пустой руке.

И боги воскликнули:
 «Сва, Сварог!
 Довольно быть мёртвым,
 ты нужен нам!

Ты снова умрёшь
 после трёх дорог,
 Под северным небом
 оставив храм».

Они развернули мне явь годов,
 И снежное поле предстало в ней:
 Во всех направлениях тьма следов
 И нет целины для моих ступней.

Я семьдесят лет простоял в снегу,
 Невиданной йогой сжигая дух,
 И люди арья мне несли мольбу,
 И Солнце со мной говорило вслух.
 Как воды, сомкнулись
 любовь и боль.

И там, где я сгинул,
 впитавшись в твердь,
 Построили храм и зажгли огонь.
 На этом закончилась моя смерть
 12.05.97

* * *

Подвижный утренний ветер
 Не покинет нас до рассвета.
 Он станет воздухом ночи,
 Когда мы простимся с Солнцем.

Я сам собирал этот город
 Из белых бетонных блоков,
 Из гулких железных сосудов,
 Из стёкол и дальнего дыма.

Смотри сбереги мою Осень!
 Пусть многие мне подражают,
 Они повторить не сумеют
 Ни речи моей, ни молчанья.

Дожди их не будут живыми —
 Без запаха, без полёта,
 И снег их не будет так ярок,
 И след их — всего лишь слепок.

11.05.97

* * *

Осень — древнее пространство.
 Снег и дождь текут на дно,
 Князь, покрытый слоем пьянства,
 Смотрит в синее окно.

Он не плачет, он спокоен,
 Его череп в серебре,
 Золотая рана поет
 На святом его челе.

Озорной стрелою выбит
 Бирюзовый третий глаз,
 И теперь под веком зыбит
 Черный вычурный алмаз.

Молвит князь: «Далече море.
 Вся ладя моя сгнила,
 Красный червь под сердцем роет,
 Пёстрый пёс в подвале воет,
 И страна мне не мила.
 Вот уйду бесповоротно
 На чужую на звезду
 И оттуда беззаботно
 Осмею мою беду!».

Молвив так, он спину горбит,
 Ворошит печной огонь

И кладёт планету скорби,
Как державу, на ладонь.

28.07.97

* * *

Танцы на скрипучих кроватях,
Полёты на глубоких диванах —
Я сам прекратил этот праздник,
Я вернулся домой, мама.

И вот я на старой кухне,
Я пью молоко в полночь,
Не спирт, не кофе, не чай,
Я пью молоко в полночь.

Отпустили меня рок-н-роллы,
И мечты меня отпустили.
Хорошо, что мне сил хватило
До порога добраться, мама.

А ночные огни и город —
Тот, который встречает осень, —
Я ведь раньше любил всё это,
А теперь я всё это помню.

И вот я на старой кухне,
Я пью молоко в полночь,
Не спирт, не кофе, не чай,
Я пью молоко в полночь.

Мне не быть серебром,
Но я стану,
Стану медью — честное слово!

24.08.97

* * *

Я помню ту ночь, когда впервые
Потрогал женщину между ног.
Не знаю, был ли я понят...
Но — скверная ночь!
Как я приблизился к смерти!
Ведь там, у женщины между ног,
Текут все обратные реки —

Стикс, Эридан и Лета,
Коцит, Флегестон и Мара —
Так называли их греки.
А уж греки хлебнули смерти...
Они лазили за Гермесом
До Аида
И глубже — в Тартар.
А теперь —

в просвещённое время —
Этот путь знает всяк гинеколог.

Исайим

Я игрок. Никогда не поздно
Бросить жребий в последний раз...
Бог-то знает, что наши звёзды
Ни за что не обманут нас.
Говорят, что сначала мера,
А потом уже — через край...
Всё здесь вздор — и любовь, и вера.
Только боль переносит в Рай.

Я азартно играл, поверьте.
Я платил за любовь вперёд.
Но могу ли я ждать до смерти,
Что однажды любовь умрёт?
И могу ли я счесть потерей
То, что просто сходило с рук?

Но когда я гляжу на север,
Она вряд ли глядит на юг...

21.12.97

Эстрадная песня

Ах, когда мы были вместе,
Жизнь была — как будто песня...
Всё у нас для счастья было,
мой малыш.

Ты уехала далёко,
Без тебя мне одиноко
Ну а ты не пинешь, не звонишь.

Ты не пинешь, не звонишь,
День за днём проходят мимо,

Ты не пишешь, не звонишь,
А ты мне так необходима.
Я не в силах разлюбить,
Не могу тебя забыть,
Но не хочешь, ах, не хочешь
Ты моей любимой быть.

Тот, другой, с тобою рядом,
Но ему любви не надо.
Почему влюблённым взглядом
На него ты так глядишь?
Я люблю тебя, как прежде.
Я живу одной надеждой,
Что однажды ты напишешь
Или просто позвонишь.

Фотограф

Ночью кровь повернула вспять.
Время позднее — сон да пепел.
Мне приснилась

 блондинка-блядь,
Утонувшая в красном свете.

Злой фотограф её душил
Под своим фонарём угрюмым —
То ли суд он над ней вершил,
То ли просто о смерти думал.

Чёрно-белый, как домино,
Тайный родственник невидимки,
Он вплетал её то в кино,
То в газетные фотоснимки.

Он художник. Он жаждал мять
Её тело без всякой цели,
Но она, как любая блядь,
Допускала лишь до постели.

И тогда он её убил.
И, зажмурившись, к людям вышел.
Он стоял, как титан, и был
Всех судей и законов выше.
12.02.98.

Палитра №2

Корабли из чистой меди
Не участвуют в погоне,
Им достаточно остаться
На зелёно-синем фоне.

Бронебойные снаряды —
Золотые оболочки —
Спят в их трюмах, как наряды
Для парада звёздной ночью.

А когда летят ракеты,
Гром расходуя на искры,
Всё оранжевым задето,
В каждой точке тлеет выстрел.

Эти атомные войны —
Фиолетовые птицы —
Предвещают сон спокойный
За космической границей.

Ни Эзопу, ни Гомеру
Эта тема не давалась.
Но художник как манеру
Применил живую ярость.

Он почувствовал движение
За спиной, где взяли бритву,
И он спас изображенье
Рухнув грудью на палитру.

4.03.98

Эго

Психопат из меня неважный,
Потому что я добрый очень.
Но зато я в привычках влажный
И в телесных забавах точный.

Долго тянется день субботний!
К воскресенью я буду старым.
Я мораль умерщвляю плотью.
Чтобы жизнь не пропала даром.

Даже смерть не спасает чести —
Там, за зеркалом, есть дорога,
И Господь приступает к мести
Непосредственно за порогом.

Эх вы, мистики! Всё вы врёте.
Впрочем, слушать вас так отрадно:
Не умрёте, мол, не умрёте...
Смерти нету, мол!

Да уж...

Ладно.

10.03.98

Немецкая песня

В твой славный край, Мария,
В твой город у реки,
Я не вернусь, Мария.
Мои шаги легки.

Иду ли дальше, ближе...
Тебя не навещу.
Я слёз твоих не вижу,
А значит — не грущу.
Бывает день печальный.
Бывает день, как ночь.
Тогда с тобой, Мария,
Я встречу не прочь.

Тебе бы я поведал
О горестях моих...
Ведь ты одна на свете
Понять умеешь их.

Но переменчив ветер
Над волнами реки...
И снова день мой светел,
Мои шаги легки.

И счастлив я, что где-то
Меня Мария ждёт,
Что разлюбить не может
И горько слёзы льёт.

Последняя песня для Марины

Тишиной своей дорожа.
Ты не хочешь узнать мой миф.
Не дрожи. Это блик от ножа.
Нет ни слова. Один мотив.

Забываю я старый дом,
Тёмный мир забываю твой
И, печальным пройдя двором,
Выхожу я к реке иной.

— Гей ты, лодочник! Дело есть!
Самый раз мне уплыть туда,
Где мечта потеряет спесь
И отпустит меня тогда.

— Гей ты, лодочник! Вот он я!
Добровольно к воде пришел...
Разве это не та струя,
Что меня разлучит с душой?

Над рекой нерушим покой.
Держит Космос мою звезду...
Я касаюсь воды рукой,
И вдоль берега я иду.

19.03.98

* * *

Мы слишком поздно умираем,
Мы успеваем пережить
Игру, в которую играем,
Чтоб чувство ритма ублажить.

Уже охрипла наша совесть,
Уже закон исполнен наш,
Уже написана вся повесть,
И остановлен карандаш.

А мы упорствуем. Болеем,
Страдая плотью и душой,
Но каждый божий день жалеем,
О том, что день опять прошел.

Мне страшно. Вижу я границу:
 Ночную смертную кровать...
 НЕТ, Я НЕ БУДУ
 БОЛЬШЕ СПАТЬ!
 А ВДРУГ МНЕ СМЕРТЬ
 МОЯ ПРИСНИТСЯ!
 18.04.98

Собаки и волки

Собаки и волки умеют петь,
 Но волки поют смелей.
 В их медленном голосе
 Гнётся медь
 Подлунной изнанки дней.
 Собаки же видят не только нас.
 Их мир — как разъятый круг.
 И все существа параллельных рас
 В их песни вливают звук.
 Мне было отказано в тишине.
 Мой сон превратился в труд.
 И волчьи легенды
 стеклись ко мне
 Из чакр собачьих будд.
 Арийские звери! Я вас люблю.
 Когда я смотрю на вас,
 Я вижу, что вы сберегли зарю
 В глубинах премудрых глаз.
 Вы ждёте богов, и они придут —
 На ваш путеводный плач.
 Придут, чтоб навеки
 остаться тут —
 Кузнец, и Гончар, и Ткач.
 20.07.98

Дом осени

Вхожу в магазины, ищу стекло,
 Чтоб видеть его насквозь.
 Когда-то мне было
 мечтать легко,
 Теперь я стеснён, как гость.
 Слабеют видения, в красках дым,
 А в твердых предметах — дрожь.

Ночной никотин
 и ночной кофеин
 Рождают не бред, а ложь.
 Я жил в доме Осени.
 Спал с Луной.
 Я, видимо, заражён
 Её осторожностью и виной,
 Покорностью под ножом.
 Мой внутренний негр!
 Ударь в тамтам,
 Давай рок-н-ролл, родной!
 Иначе мы скоро очнёмся там,
 В лесах за Большой Рекой.
 Для Вечной Охоты
 я слишком юн,
 И вся моя плоть со мной,
 И женские запахи я ловлю
 В вечерних ветрах весной.
 Я всё ещё зверь. От святых даров
 Свободна моя рука.
 Потомок воителей и воров
 Я жизнь люблю... Пока.
 23.07.98

Блеск

Мой приятель — многобожник,
 Император Вавилона —
 Сам себе большой художник.
 Эту роспись вокруг трона
 Сделал он весёлой кистью,
 Разбросав по камню щедро
 Золотые — в осень — листья,
 Гор рубиновые недра.
 Две реки из лазурита,
 Океан аквамарина
 И янтарную орбиту
 Для Луны, летящей мимо.
 Сын халдейского народа,
 Он работал и в субботу
 И, чтоб кисти дать свободу,
 Напевал он за работой:
 «Будет ярк Божий Город,
 Хватит в нём воды и крови,

Чтоб вращать Небесный Ворот,
 Поливая солнцем кровли.
 Все сойдутся в Междуречье,
 Здесь Эдем и здесь начало,
 Здесь когда-то общей речью
 Слово Божие звучало.
 Бог разрушил нашу башню?
 Камни выложим полого.
 С башен виден день вчерашний,
 А мосты приводят к Богу.
 Архитектор будет славен,
 Коль поставит камень верно.
 Ибо Принцип Вере равен,
 Если зренье многомерно...
 Мне природа покорится,
 Став пространством
 на мольберте.
 Я заставлю сердце биться,
 Как живое, — после смерти».

13.08.98

ГЕНЕЗИС

(Западная Сибирь)

I

Я не люблю мою страну,
 Я не горжусь её объёмом.
 Не верю хлебу и вину,
 Плюю в святые водоёмы.
 Я не пытаюсь изменить
 Её порядок совершенный.
 Она не может доброй быть,
 Но и не просит
 подношений.
 Моя страна во сне кричит,
 Чтоб сон печальный
 прекратился.
 Но наяву она молчит,
 Когда бы к ней ни обратился.
 Она без Бога, без людей
 Сама собою управляет
 И в Космогонии своей
 Вакантных мест не оставляет.

2

Когда вращение прошло
 И Космос стал изображеньем,
 Всё материальное движенье
 В покой Идеи перешло.
 Потом возникли племена
 И заселили дыры в мире.
 И вот — тяжёлая весна
 Гноится в Западной Сибири.

4.10.98

* * *

Так странно —
 плотью смерти ждать,
 А духом верить
 в бесконечность,
 Переменяя тлен и вечность,
 На Высший Смысл уповать.

Мы ограниченно живём,
 Во всём стеснённом уставом.
 Потом приходим к перепадам
 И в неизвестное плывём.

Вдруг Бога нет? И что тогда?
 Закон становится насмешкой!
 Бери оружие, не мешкай,
 Ломай на камни города!

Под пеплом веры тлеет страх,
 И отрицающие это —
 Они лжецы, а не поэты
 Они — проказа в племенах.

Обманут ими, мой народ
 Всю жизнь любви
 Господней ищет,
 Всю жизнь — юродивый
 и нищий —
 Он ждёт у запертых Ворот.

Хозяин Мира видит нас,
 И он желает, чтоб мы встали,

Чтоб ждать и плакать перестали,
Чтобы исполнили Приказ.

Он повелел: «За вами — бой.
Последний бой на этом свете.
Одни на проклятой планете
Вы Бога явите собой!».

Путешествие в страну Востока

Памяти Германа Гессе

Хорошо мне нынче спится,
Дремлет дальний горный ветер.
Ничего во сне не снится,
Места нет дурной примете.
Просыпаюсь я и вижу —
Форма жизни изменилась,
Жрец металл замёрзший лижет,
Вымогая Божью милость.
Он желает малой кровью
Отвратить большие беды,
И горит под левой бровью
Красный Камень из Ригведы.

То ли жертвенник мигает,
То ли воздух гонит тени,
Но мне кажется — моргает
Око тайных наблюдений.
Повернётся — и заметит,
Как заметит — так запомнит.
Но Хозяин не ответит,
Сколько в этом Доме комнат.

Путешествуя на Север,
Видел я огни ночные,
Но, конечно, не поверил
В то, что звери здесь ручные.
Так и вышло — тигр белый
Разорвал мне сердце лапой,
И дракон — боец умелый
Лик мой когтем процарапал.
Зверь в оранжевой рубахе
Пил, как спирт, святую воду...

Побежал на Юг я в страхе,
Чтоб в песках найти свободу.

Там Осириса оазис,
Там фиванская дорога,
Есть гезиз там и стагиз,
И ещё загадок много.
Мавры там проводят время,
Создавая дым и яды.
Конопля цветное семя
Они курят для отрады.
Юг гораздо интересней...
Рыжей хной я красил тело,
Пел с берберами я песни,
Но душа моя не пела.
И однажды были пляски —
Греки, турки и этруски...
Плюнул я на хну и ласки
И пошел на Запад тусклый.

То Пьеро, то арлекины
Конфетти в меня кидали,
А вокруг валялись мины
И зелёные медали.
Гарпуны, противогазы,
Чётки чёрного монаха,
И король Людовик сразу
Трёх придворных
фрейлин трахал.

Скрылся я в тени Бастильи
От военных от кампаний,
Там меня и угостили
Цианидом из Шампаньи.
Подошёл масон опасный,
Глянул мне в глаза жестоко
И промолвил зло и властно:
«Мир — спасётся».

Свет — с Востока».
Вот восток забрезжил еле —
Свет там был, но очень жидкий...
Утро встало. Птицы пели.
Я собрал свои пожитки...

Сад

Абстракция на тему любви

Да, я умею убивать,
 Но никогда не убиваю.
 Я только мучаю. Я знаю —
 Объект любви не должен лгать.
 Всё это — свойства. Изучи
 Одну народную примету —
 Коль нет блестящего предмета,
 Не отражаются лучи.
 Любовь — абстракция. За ней
 Не различаю человека.
 Есть только список. Картотека
 рефлексов.

Перечень частей.
 Хочу, чтоб плакала она,
 Моя любимая, живая...
 И я свой бред в неё вживляю,
 Я подключаю провода!

В ней был лишь тлен —
 Мечты, заботы...
 Но как теперь она кричит!
 Ещё мгновенье — и звучит
 Почти божественная нота!
 Да, я её освободил,

Я сам собою упиваюсь,
 Себе молюсь и удивляюсь,
 Как без любви я прежде жил!

Я раньше хныкал, а не пел.
 Я прятал душу в дальней чаше.
 Теперь, как меч,
 сквозь плоть летящий,
 Мой голос сталью зазвенел!

И вот мы оба с ней звучим...
 Всё что угодно — умираем,
 Совокупляемся, рыдаем,
 Но не молчим — мы не молчим!

Она — лишь повод для любви.
 Она бессмертна — это точно...
 И зверем солнечным, восточным,
 Катаюсь я в её крови.

21.12.98.

* * *

Я так боюсь, что кончу путь в Аду
 И после смерти Бога не увижу,
 Что этим страхом, словно верой,
 движим,
 Я возношу Ему великую мольбу.

Виктор Леонидович Строгальщиков родился 29 мая 1950 года. Учился в Уральском и Тюменском университетах. Работал в «Тюменском комсомольце», редактором на телевидении, зав. отделом в «Тюменской правде». Был советником министра. Читатели знают В. Строгальщикова как автора политического триллера «Слой», вышедшего в двух томах.

СЛОЙ-3

Глава шестая

Однажды Лузгин уже сказал себе, что если он и бросит пить, то потому, что утром нестерпимо просыпаться. В последние годы голова странным образом перестала болеть после пьянки, если, конечно же, не «намышал»; изжогу удавалось погасить двумя таблетками «алка-зельцер», всегда носил с собою упаковку, и даже привычная похмельная виноватость пред всеми и во всем не так уже часто бередила душу. Но запахи! То было нестерпимо. Кошмарно обостряющийся нюх на первом, еще сонном, вдохе бил сразу по ноздрям похмельным потом, кислым стылым дымом, отвратно сладким запахом неиссякаемой струи, сырым железом зубной пасты, набухшим сеном испитого чая и (если был не дома) несвежим бельем и одеждой, как будто бы ношенной кем-то другим. Вот и сейчас, проснувшись запоздно на «дальней даче», он кое-как заставил себя выбраться из постели, ополоснул лицо, даванул на палец сантиметра два казенной пасты — зубной щетки не

было, — поелозил по зубам и деснам и, зажмурясь, проглотил немало: знал, что отбивает запах. Внизу на столике нашел бутылку минералки, потом вышел на крыльцо и закурил.

Повар Иван ковырялся под капотом синих «Жигулей». Было тихо и солнечно. У багажника машины стоял ящик с пустыми бутылками и два пакета явно мусорного вида.

— А где все? — тихо крикнул Лузгин.

Иван вынырнул из-под капота, убрал запястьем волосы со лба.

— С просыпаньем, Василич! Чаю, кофе или... как?

— Спасибо, Ваня, не хочу. Где все, куда все подевались?

— Так улетели уж. Поди, Виталич их в аэропорт увез. Мне вот велено вас дожидаться.

— Все, дождался, поехали, Ваня.

— Сей минут, — сказал повар Иван. — Щас вот хлам загрузу.

— Там... еще, — Лузгин махнул рукой на дверь.

— А, — сказал Иван, — уборщица приберет. А главный хлам-то я упаковал.

— Главный хлам, — повторил Лузгин. — Мудрец ты, Ваня. Главный хлам! Надо запомнить, сильно сказано...

Он вышел у гостиницы, поднялся в номер и не спеша привел себя в порядок. Ткнул кнопку автоответчика — никаких новых записей ни от Кротова, ни от нее, словно вдруг про него все забыли. «Ну и хорошо, — решил Лузгин, — будем действовать по собственному плану».

Первым делом следовало разобрататься с Мишаней Халиловым: уж больно противная морда была у него вчера вечером по телевизору, больно уж честная, больно уж правильная, озабоченная несправедливостью, и Кротов уже знал, что скажет правильному Мише и как полянет Мишина честная морда. Молодец, дружище Кротов: раскопал в два счета компромат на все ключевые фигуры в местной прессе — даванул слегка на Федорова, тот все и выложил на блюдечке, и даже с удовольствием, ибо журналистов тихо презирал, хотя работал с ними и подкармливал годами по причи-

не служебной надобности. По Халилову же не просто наступал, а выдал бумажки убойные, подлинники и копии с печатями, и бумаги эти лежали сейчас в лузгинском портфеле, закуполенные пластиковой папкой.

У ворот телестудии стояла знакомая репортерская машина, и не успел Лузгин подумать, что — она, как дверца откатилась, и на пыльный асфальт сошла Анечка Лялина в джинсах и кожаной курточке, посмотрела на него не без вопроса.

— Привет, — сказал Лузгин. — Ты извини, вчера не позвонил. Ну, знаешь, москвичи наехали...

— Да что вы, Владимир Васильевич, — сказала Анна. — Вы человек свободный.

— Я тебя когда-нибудь прибую, — сказал Лузгин.

— Какой у нас папочка строгий сегодня...

— Точно прибую, Анька.

— А хоть сейчас, — сказала Лялина.

— Ну, извини!... Ну, в самом деле!.. Халилов, кстати, здесь?

— Отсутствуют.

— Вот черт, — сказал Лузгин. — А ты куда?

— К Ивановым. Сегодня эфир, надо подснять кой-чего.

— Я с тобой. Ладно?

— Это еще зачем?

— Да не знаю, — брякнул Лузгин с раздражением. — Просто хочу с тобой поехать, вот и все.

— Мешать не будешь?
— Не буду.
— Учить тоже?
— Да не буду, не буду!..
— Тогда жди. Я подарки забрала.

Анна чмокнула губами и быстро пошла к студийному подъезду, чуть слышно трогая асфальт подошвами легких белых кроссовок, под которыми, он знал, надеты белые пушистые носки, всегда сводившие его банальным образом с ума. Лузгин хотел залезть в машину, но передумал и уселся у ворот на белый куб бетонной клумбы, в котором ничего не росло.

Тогда, в ту ночь, с пакетами в руках, со сбившимся дыханием и рвущимся сердцем, протрезвевший от страха и своей оголтелой решимости, он взобрался на нужный этаж и сразу нажал на звонок, потому что любая секунда раздумья погнала бы его отсюда вон. И тут же вспомнил, что ему сказали, рукой с пакетом опустил дверную ручку и толкнул дверь дрожащим коленом, шагнул внутрь, в неяркий свет прихожей, и начал пятиться назад, спиной и ниже затворяя дверь, толкал ее до тихого щелчка, до роковой мгновенной неотступности и замер, привалясь к двери, и слева, из другого света, раздались короткие шаги, из кухни выглянула Анна, сказала просто: «Это вы? Я здесь, входите», — полускрытое стеновым поворот-

ным углом плечо в оранжевом халате, амфора бедра, конец оранжевого, гладкое колено, вниз, вниз — и белый пушистый носок, и снова лиловый блес упавшей пряди, диагональный мах бровей, ночные посторонние глаза — и вдруг исчезла разом, и только белое внизу чуть-чуть, но задержалось, как будто там, за поворотом, она застыла на мгновение в полушаге, прежде чем исчезнуть насовсем. Лузгин вздохнул и начал без рук разуваться, уравнивая колыханье тела перемещающейся тяжестью пакетов.

Оглаживая скользкий пол носками, он прошел три шага до угла и повернул, и увидел ее в кухне всю, в полный профиль, у чистого стола, с кофейником и чашками в руках.

— К черту кофе, — произнес Лузгин, обнаглевший от полной растерянности. — Давайте пить и есть, и говорить.

— Вам еще не надоело?

— Что?

— Говорить, — сказала Анна, освободила руки и села, полускрывшись за столом. — Простите за грубость, но вы весь вечер...

— Только я? — спросил Лузгин, брякнув пакетами о стол.

— Да все вы.

— Норма вежливости. — Он принялся опорожнять пакеты. — Норма стадной вежливости.

— Поясните.

— Сойдися в стадо, принято мычать и бляеть. Это есть не-

кая форма совместного договора о ненападении. Молчащий субъект угрожающ. Говорящий субъект демонстрирует стадную солидарность. Зубы говорящего субъекта заняты артикуляцией, формированием различных звуков, следовательно, пока субъект говорит, он вас не укусит.

— Значит ли это, что пока ваши зубы заняты артикуляцией, вы меня не укусите? А что потом, когда вы замолчите?

— Мы будем пить из чашек? — спросил Лузгин.

Она выросла из-за стола, приблизилась к настенным шкафчикам, встала в носках на носочки и потянулась в стеклянную глубь. Лузгин увидел мягкую коленную изнанку и край оранжевого, медленно ползущий вверх, отвел глаза и принялся сворачивать порожние пакеты в ровные и плоские квадраты, а потом не знал, куда их подевать, сложил один на другой и придавил сверху пустой кофейной чашкой. Изпод чашки на верхнем пакете выползли буквы «скман», и Лузгин еще подумал тогда, что это за «кман» такой: Штукман, Дрюкман или Хрюкман?..

Сидеть на бетоне было холодно, он встал и отряхнул штаны ладонью, ладонь стала белая, он выругался; из студийных дверей вышли Анины джинсы и кроссовки, и кисти рук, обнимавшие большой картонный ящик. Лузгин помчался помогать, перехватил короби-

щу, оказавшуюся довольно маловесной, понес ее к машине, выглядывая сбоку.

— Памперсы, — сказала Анна. — У Ивановых двое мальшей. Близняшки! Такая прелесть!

— Когда успевают? — углом рта спросил Лузгин, щекой прижатый к ящику.

— Дурак вы, папочка, — сказала Анна.

Он захихнул коробку и влез сам; они поехали рывками: водитель, видно было, еще не привык к автоматической системе передач микроавтобуса «Мицубиси». Анна смотрела в окно, телеоператор смотрел на Лузгина, Лузгин смотрел на Анну и думал про Халилова. Так они и приехали к старой панельной пятиэтажке.

— Высоко тащить? — спросил Лузгин, присваивая ящик.

— Отдай, — сказала Анна, — а ты возьми штатив и фонари.

Их ждали у подъезда: папаша Иванов в трико от Малой Арнаутской, три девочки по пояс Иванову и мальчик до подмышки. Девчонки, словно по свистку, рванулись им навстречу и чуть не сбили Анну с ног, она не видела бегущих — мешала глупая коробка; ее обхватывали за ноги, мешали ей идти. Кое-как она доковыляла до крыльца, и папаша Иванов воздернул было руки, но замешкался, потом Анна сказала: «Здрасьте! Это вам, как обещали», — и тогда папаша ловко выхватил

коробку и устроил ее на плечо, а мальчик показал девочкам свой быстрый и острый кулак.

Жили Ивановы на первом этаже, квартира направо, и знакомый с юности с «хрущевками» Лузгин сразу понял, что двухкомнатная, сам жил в такой же посреди шестидесятых. Но их там было четверо, а здесь — детский дом: двое взрослых и шестеро детей, а теперь еще какие-то близняшки, с ума сойти. Куда же они прутся с фонарями и прочим железом!

Лузгин вошел последним, потоптался в короткой и узкой прихожей. Открылась дверь совмещенного — как все знакомо! — санузла и стукнула скобою ручки по штативу; высунулся новый мальчик, чуть старше первого, стрельнул глазами в Лузгина и юркнул в комнату. Лузгин на всякий случай заглянул в санузел — больше никого, прихлопнул дверь и шлепнул, не глядя, по выключателю. О Боже, как давно и как недавно любимый вредный младший брат закрылся от него в этом сортире, отдав лузгинские марки за фантик от импортной жвачки; Лузгин тогда выключил свет, брат заревел от страха темноты, но не открыл защелку, и только сейчас Лузгина резануло по сердцу: неужели брат боялся его больше, чем жути темного глухого одиночества, и вспомнил ли о нем, о старшем страшном брате, когда двадцать четыре года спустя

рушился с неба в болото вместе с горящим своим «Ми-шестым».

Вернулся оператор и забрал у него оборудование. Лузгин разулся и вошел в первую комнату. Когда-то, жизнь тому назад, у них стоял вот здесь диван, так и стоит, только цвета другого, и рядом гэдээровский сервант, и телевизор слева от окна, в углу, и коврик на полу — свихнуться можно! Вот только пианино у них не было, и двухъярусной детской кровати за аркой в простенке, и широкой качалки для двух головастиков, пугливо глядевших сейчас на лохматого дядьку.

— Вот они, наши красавицы! — пропела Анна. — Мож-но, я возьму!

— Возьмите, конечно, — сказала полная светлая женщина в выходной, не домашней какой-то, гипюровой кофточке. «Приоделась, — подумал Лузгин, — перед съемками», — и поздоровался. Женщина встала с дивана и протянула Лузгину мягкую ладошку.

— Это мой коллега, — сказала Анна, — журналист из Тюмени.

— Очень приятно, — сказала женщина. — Проходите, смотрите, как мы живем.

— Спасибо, — сказал Лузгин. — Конечно.

— Это кто у нас? — заворковала Анна, подымая из качалки нечто в белом, в чепчике, с подрагивающими криво-

ватыми ножками. — Это Катя или Маша?

— Это Маша, — подсказала женщина в гипюре, и Лузгин почувствовал ее неловкую боязнь и напряжение. — Маша тетю знает, тетя хорошая...

— Хочешь поддержать? — спросила Анна.

— Я... попозже, ладно? — сказал Лузгин, и женщина в гипюре посмотрела на него с виноватой благодарностью. Папаша Иванов появился в проеме межкомнатной двери и сказал:

— Проходите сюда.

Лузгин пересек напольный коврик, усеянный нецелыми игрушками. Да, спальня, в такой они с братом и жили: и письменный стол у окна, и два шкафа у дальней стенки, но здесь еще и нары с двух сторон из струганых досок под лаком, в переводных картинках про Бэтменов и прочую мальчишескую нечисть. Первый мальчик — с книжкой на левых нижних нарах, второй склонился над тетрадью за столом, косится на Лузгина, перо не движется, висит над свежей строчкой; девчонки на полу в межнаровом пространстве шевелят куклами. Лузгин пересчитал в уме, и вышел семь, кого-то не было. Он решил спросить, но папа Иванов его опередил, сказав: «Еще есть Даша, наша старшая, она уже ходит на курсы».

— Вы курите? — спросил Лузгин.

— Увы! Курю...

— Он скоро бросит, — сказал мальчик с книжкой.

— Ну, пока не бросили...

— И то правда, — вздохнул папаша Иванов. — Пойдемте на воздух. Надо будет — позовут.

В первой комнате женщина и Анна сидели на диване, держа близняшек веером, и оператор приноравливался с камерой.

— Мы это... — сказал папаша Иванов и ткнул пальцем за окно. Анна разрешающе кивнула, не отрывая глаз от объектива телекамеры; в ее правой руке, обнимающей ноги близняшки, несуразно торчал микрофон с набалдашником.

Обулись, вышли, сели на скамейку под бетонным козырьком подъездного крыльца.

— Вы к нам надолго? — спросил папаша Иванов. — Ну, в смысле в город.

— Да нет, конечно, — оборонил Лузгин. — Командировка.

— Понятно, — сказал Иванов. — Работа, значит. А мы, значит, так и живем.

— Угу, — сказал Лузгин.

В песочнице копались чьи-то дети, скрипели ржавые качели. В асфальтовом квадрате у мусорных баков стояли пыльные машины. Шофер студийного микроавтобуса дремал, завалясь головой к боковому стеклу.

— Что курите? — спросил Лузгин.

— «Родопи», что...

— Хотите «Мальборо»?

— Не, я с американских кашляю.

— Это поначалу. Надо привыкнуть.

— Не, мне уж лучше не привыкать, — усмехнулся Иванов. — Дороговато.

— Вы где работаете? — Лузгин посмотрел на папашу: худой, костлявый, усы враспырку.

— Как это — где? Здесь, дома, и работаю. Нас с женой гороно на ставке держит.

— И как, хватает?

— Да ты что! О, извините...

— Все нормально. Володя, — сказала Лузгин и подал руку.

— Тоже Володя, — улыбнулся усами Иванов. — Интересно как... А по отчеству?

Лузгин сказал.

— Не, я Степаныч, — извинительно произнес Иванов.

— И как же вы живете, если не хватает?

— Да тяжело живем, а как еще? На детей, конечно, деньги там... заложены, но дают не всегда и помалу. Ну, спонсоры бывают, такое дело... Живем, как видишь.

Слева из окна донесли три простых и несмелых аккорда, короткий смех и женский окрик, потом раскатилось не твердо, в перепальчики; сверху вниз по мажору.

— Это Лиза, — сказал Иванов. — Она стесняется сниматься, мать ее ругает.

Лузгин прислушался и спросил:

— Вам не мешает... ну, эти съемки, все такое...

— Неудобно бывает — это правда. Но ведь не сами же напросились. С другой стороны, польза есть. Эй! — вдруг громко крикнул Иванов. — Васька, брось! Брось, я тебе сказал! Соседский, — пояснил он, кивнув на песочницу.

— Польза в чем?

— Польза? В чем?... Люди знают теперь, помогают. Как-то... вроде не одни уже.

— А вы кто по профессии?

— Я? Я учитель по труду. А жена из детсада, замдиректором была, диплом имеется.

— И эти все... не ваши?

— Почему же все? Почему не наши? Все теперь наши, — сказал Иванов; за время разговора он ни разу не посмотрел на Лузгина. Докурив сигарету, Лузгин потыкал тлеющий чинарик в бетонную ножку скамейки и посмотрел, куда бы выбросить.

— Когда Даша рожалась, — донесся голос Иванова, — так резали, и что-то неудачно. Сказали, что больше не будет. А нам очень сына хотелось. Пошли в дом ребенка и взяли.

— Сразу пошли и взяли?

— Да нет же, почему... Думали: а вдруг? Могут же и врачи ошибаться? Раз ошиблись, почему и другой раз не могут? Ждали... Сколько? Четыре года ждали. Потом пошли и взяли. Сразу двух.

— Так это... братья?

— Парни-то? Конечно, братья, по ним же видно. Погодки. Мать одного сдала, через год родила и снова сдала.

— Вы знаете, кто мать?

— Да кто ж ее у нас не знает, эту... мать, прости Господи!

— Но здесь же есть настоящий детский дом, и, я слышал, довольно хороший.

— Ну и что?

— Может, шли бы туда и работали. Здесь же тесно и вам, и детям.

Папаша Иванов повернул голову и глянул в глаза Лузгину.

— Извини, Василич, у тебя у самого дети есть?

— Нет, — сказал Лузгин.

— Оно и видно, — проговорил Иванов с укоризной. — Там — дом сиротский, а у нас — семья. Чуешь разницу?

— Извини, Степаныч, не подумал.

— Да брось ты окуроч, вон в кустики брось! Погниет — удобрение будет... Квартину бы, конечно, не такую...

— Так почему не требуете? Обратились бы к депутату.

— Я тут сам депутат, — невесело усмехнулся Степаныч. — Сам в комиссии по деньгам заседаю. Нету денег, строим мало... Решение-то есть, года два еще назад подписали. Вот ждем. Дадут, конечно, надо подождать.

Лузгин вдруг вспомнил про бумаги и портфель, оставшийся в машине, и даже испугался: шофер задрых, сопрут озорни-

ки! — и уже подтянул ноги, чтобы встать, как Иванов спросил:

— А сам-то ты, Василийч, бездетный почему? Холостякуешь, что ли?

— Женат. А так... Так получилось.

— Бывает. Извини. С другой стороны, без детей нынче как-то попроще. Ты вот не поймешь...

— Ну почему же?

— Да не поймешь... — Мимо прошли две старухи с авоськами, и Степаныч кивнул им раздельно. — Ты вот как покупаешь — на вес?

— Что — на вес?

— Ну да все, из еды... А мы — штуками. Шесть пряников, двенадцать карамелек, шесть яблоков... Колбасу покупаем — нам восемь кусочков отрежут и свесят; в магазине уже знают и режут хорошо... Ровно режут, без обид каждому. Ну, крупу — там понятно, там сразу на всех.

— Черт возьми! — Лузгин помотал головой. — И зачем вам это надо? Ну ладно, были бы богатые — взяли бы сироток... от щедрот, так сказать, от широты души...

— А где ты это видел? — Степаныч поморщился, и усы встали ежиком. — Где ты видел, чтоб богатые, значит, от широты души... Какой души? Хотя б от широты кармана! Эх, Василич, а еще журналист... Ни хрена ты, брат, жизни не знаешь.

— Ну, не скажи, — обиделся Лузгин. — Я, брат Степаныч,

такого навидался — тебе и не снилось.

— Не того ты, значит, навидался. А вот скажи, — Иванов наклонил к нему голову, но глаз не повернул, смотрел на егзюню в песочнице. — Ты сам не бедный? Вижу, что не бедный. И нет детей... По медицине?

— Ну, — сказал Лузгин.

— А ты сходи и посмотри, кого бросают, Господи! Какие дети! Сердце тает, как в руки возьмешь! Есть же дуры, есть же... прости Господи!..

— Не все так просто, Степаныч, — сказал Лузгин. — Жизнь заставит — и бросишь.

— Неправда, — сказал Иванов. И еще раз сказал: — Неправда.

Он замолчал, и молчал долго, как будто что-то вырешил про Лузгина и тут же потерял к нему внимание. Слева с пробочным звуком откупорилась форточка, детский голос позвал: «Папа, иди, твоя очередь!». Степаныч поднялся, пригладил усы и спросил:

— Идете?

— Лучше здесь посижу, — ответил Лузгин. — Нечего мне там толкаться. Еще близняшек напугаю.

— Не напугаете, — добродушно молвил Иванов. — У нас Машка как увидит чужого, орет страшным голосом, а вы вошли — и ничего.

— Я знаю, — сказал Лузгин. — Дети и собаки меня любят.

— Вот видите! — с непонятной радостью воскликнул Ива-

нов и вошел в подъезд, потом вернулся и сказал: — Вот говоришь: зачем? А ты подумай!

— Хорошо, я подумаю, — ответил Лузгин, но думал совсем про другое.

В последние годы, когда все вокруг завертелось стремительно и затряслось, как у дизеля, который пошел вразнос (видел такое в кино), и люди забегали или легли — те и другие от непонимания происходящего, от надвигавшегося чего-то неизвестного и безысходного, Лузгин стал ощущать в себе искушающую потребность запечатлеть это висение над обрывом в чем-то объемлющем: ну, не романе, конечно, на это силенок не хватит, хотя едкая мысль о грядущем писательстве точит душу любому, кто вяжет слова по профессии; не роман, но... книгу разговоров с самыми разными людьми — такими, как Степаныч, и Вайнберг, и Кротов, и Слесаренко, и тот же Рокецкий или мэр тюменский Киричук, или бандит Андрей и нефтяник Зырянов, и Анна, и прошедшие старухи с авоськами... Что думают, что видят, на что надеются, куда плывём и где же вынырнем, любовь и ненависть, наивность и расчет — все вместе, в диалогах, сложить и под обложку; а как случится, то достать и посмотреть, что совпало, что нет, где увидели, где проморгали: нечто вроде живого фотоснимка времени, как оно есть сегодня и

как уже не будет завтра и больше никогда.

Он умел беседовать с людьми, «разговорить» их, как принято выражаться в журналистской среде. Проблема была в другом — в диктофоне. Стоит положить его на стол, и реальная жизнь изменяется, и как бы ни был откровенен и раскован собеседник, все равно получается лжизнь, ибо вот он, лежит на столе, некто третий в любом разговоре, крутит своими колесиками. С телевидением было еще хуже: штативы, свет, перемещения камеры, присядьте здесь, эта кофта гипюровая... Скрытая камера, потайной микрофон? Еще хуже — как в дырочку в бане. Писать по памяти? Опять же изложение, исчезнет нерв, особенности речи. И — стыд корыстного обмана: ведь ты же не сказала папаше Иванову, когда присели на скамье и закурили, что разговор фиксируется памятью и может быть использован, записан и раскрыт.

Лузгина давно уже смешили и печалили наивные призывы к журналистам писать лишь правду, правду и ничего, кроме правды. Одним своим вторжением, первым же вопросом журналист изменяет реальность, и правда, даже так называемая условная и приближенная людская жизненная правда, превращается в название газеты.

Так что же, полный крах профессии? Не в большей сте-

пени, чем крах других понятий: любовь, свобода, справедливость... Люди — не судьи себе и другим, это понял Лузгин, пусть не сразу и без радости открытия, ибо старые, жившие ранее, знали об этом веками, потому и выбрали себе судью со стороны — оттуда, сверху, необходимость коего не без сопротивления уже воспринималась Лузгиным, но головой — не сердцем, не душой.

Короче говоря, идея книги прокисала в расточительных сомнениях, а время шло, и время изменялось, и Лузгин все чаще сознавал, что просто не успеет: все очень близко, очень скоро...

— Ты не замерз? — спросила Анна. Порозовевшая, с блестящими глазами, она стояла на крыльце и вся дышала под тонким, цвета кофе с молоком, Лузгиным ей подаренным свитером. — Нас приглашают чай попить.

— Это лишнее, — сказал Лузгин.

— Я тоже думаю, что лишнее, — сказала Анна. — Я сейчас куртку заберу и попрощаюсь. Так здорово все получилось!

В машине сели рядом, и Лузгин похвалил всех далеких заморских японцев — за то, что делают такие узкие сиденья, и он чувствует сейчас Анино плечо и плотную ногу под джинсами, и, что совсем уж удивительно, ему было вполне дос-

таточно для счастья вот этого прилюдного касания.

— Послушай, есть идея, — сказал Лузгин. — У тебя сегодня передача будет полностью в записи или немножко живьем?

— А что такое?

— Да так, авантюра пригрезилась...

— Давай договаривай!

— Только выслушай сначала, не кричи сразу «Нет!», ты это любишь... Любишь-любишь, не спорь! Так вот, Ивановым нужна новая квартира.

— Открыл Америку!

— Покажи в начале передачи весь этот ужас, эти нары деревянные, и предложи порядочным и добрым горожанам, у кого есть излишки жилплощади, поменяться квартирами с семьей Ивановых.

— Ты с ума сошел, Володя, — разочарованно сказала Анна. — Я верила, он что-то дельное придумал.

— А ты рискни. Хочешь, я тебе статистику подброшу? Сколько в этом городе людей живет в огромных хоромах. С фамилиями, адресами... ну, ладно, даже без фамилий! Просто скажи, что, допустим, двадцать восемь человек живут в трехкомнатных квартирах по одному, а семей двадцать — по три человека в пятикомнатных. Обнародуешь цифры, а потом дашь номер телефона.

— Никто не позвонит.

— Пусть даже так. Тогда своей передачей ты просто дашь

по ханжеской умильной морде всему этому славному городу великих первопроходцев. Разве этого мало?

— Неси статистику, — сказала Анна и ткнула ему в щеку теплыми губами. — Ты еще можешь, папочка.

— А то! — фыркнул Лузгин. — Между прочим, близняшек еще не крестили? Вот и скажи в передаче: тот добрый христианин, кто квартирой поделится, станет крестным отцом... Ну, этой Маши и...

— Кати!

— Маши и Кати.

— Какие крошечки! Ну прелесть, а не девочки! Ты почему их на руки не взял? Детей боишься?

— Себя боюсь, — сказал Лузгин.

— А ты вообще-то, папочка, — она смотрела на него с комсorghовским прищуром, — когда-нибудь держал ребенка на руках?

— Вот так и спроси в передаче: «Вы когда-нибудь держали ребенка на руках? И если да, то позвоните! Сейчас, сегодня, сей секунд!».

— Подонок ты, Лузгин, — вздохнула Анна.

— Ты не закончила фразу: «...И за что я тебя вот такого люблю?». — Он сказал и получил острым локтем под ребра; Анна сделала движение, отстраняясь, но умные люди японцы, они знают, как строить машины.

Он всё помнил то ночное, ворованное первое касание, ког-

да она пошла за сигаретами, и он поймал ее левой рукой — оранжеевое, выше локтя, и придержал: его пальцы почти сомкнулись, насытились оранжевой прохладой, он сказал: «Не надо, сигареты есть, сейчас достану», — и правой зашуршал в кармане, а левой проводил ее обратно, испытал не кистью, а плечом некое приятное сопротивление, податливую неподатливость ее перемещения, первый телесный контакт, насколько хватило руки, и выпустил ее из пальцев и незаметно — для кого? — сунул под стол и вытер о штанину постыдно повлажневшую ладонь.

— Так вы зачем пришли? — сказала Анна.

— Вы знаете, зачем, — сказал Лузгин.

— Сбросить пар? Есть у мужчин такое выражение: сбросить пар. — Потом, со временем, он выловит и заключит в реестр ее манеру никогда не употреблять слова «мужик», но это все потом, а тогда он не придал тому никакого значения, пропустит мимо ушей, задетый за живое разоблачительным термином «пар».

— Давайте выпьем, Аня. И ешьте, пожалуйста, вы же голодны, сами сказали, я помню.

— Давайте.

— Противный стол, — сказал он через время. — Он мне мешает видеть вас. Люблю стеклянные столы.

— А как же тайна? Тайна слаще. Все мужчины так говорят.

— Вы меня убиваете, Анна, — сказал Лузгин, закусывая дымом. — Вы ставите меня последним в ужасный ряд каких-то «всех» мужчин.

— Почти стихи, — сказала Анна. — «Ужасный ряд каких-то всех мужчин...». Вы пишете стихи? — Словечко «всех» прозвучало у нее без кавычек; Лузгин же, говоря, навесил их железно, как крючья строгого ошейника.

— Не все ли вам равно?.. Есенин уже написал: «Любимая! Меня вы не любили...». На этой строке лирика закончилась. Все остальное — многократно пережеванное эхо. Пять слов! Одна строка! И сто веков любовной лирики. Зачем?

— Скажите, вы женаты?

— Да, — вымолвил Лузгин, слегка оторопев.

— Одно слово. Одна жена. Зачем же вы ко мне явились. За этим... многократным эхом?

— Простите, Анна, я пошел, — Лузгин налил себе побольше и выпил, как в подъезде. — На посошок, — сказал он, переводя дыхание.

— Почему? — спросила Анна.

— Вы знаете, когда-то много лет назад я дал себе зарок: никогда не ложиться в постель с женщиной, которая вдвое умнее меня.

— И вдвое моложе.

— Ну, скажем, не вдвое.

— Грубите?

— Да что вы! Мне ли вам грубить... А вы вообще не верь-

те, когда вам говорят, что зрелых мужиков так и тянет на молодых и глупых.

— А на кого же вас тянет?

— На очень молодых и очень глупых.

— Ну, этого за деньги — сколько пожелаете.

— Поверите ли? В жизни не платил!

— Вам только кажется, что не платили, — сказала Анна без улыбки. Пальцы Лузгина самопроизвольно оформились в бутылочный захват, как у киборга в голливудских фильмах, и уже двинулись вперед, но Анна вдруг вторым — сработал счетчик — порывистым касанием — но первым от нее, ура! — оставила их на перехвате.

— Не пейте больше, хорошо? Вам... не надо.

Лузгин расслабился и сник, отдернув руку, утвердил локоть на столе и уронил подбородок в подушечью мякоть ладони.

— Вот так и сидите, — сказала Анна. — А я поем. Не люблю быть голодной.

— Вас разнесет, — сказал Лузгин сквозь зубы и пальцы.

— Не разнесет. Сидите и молчите. С умным видом.

— Слушаюсь. Только не ешьте много, — выдал сдачу Лузгин, — а то мне вас не унести... потом.

Он не мог сидеть просто так и смотреть на нее. Надо было чем-то занять себя: пить, курить или разговаривать — три составляющие выживания в душевной

маяте. Лузгин развернул подбородок ладонью и принялся осматривать кухню. Небогато, пусто и, шепнул ему опыт давнего, как-то не слишком убого. Он бы не сказал, что здесь нечисто, а именно — неухожено. Шкафы протерты, раковина без потеков, пол свеж, но — пальчики на холодильниковой дверце, судки и банки на столе, а не в шкафу, прокуренная занавеска... Было видно, что женщина хозяйничала здесь не из любви к устроенному быту, а просто из необходимости, санорма молодой и незамужней. «Что ты здесь делаешь?» — спросил себя Лузгин и зажмурился.

— Вы не заснете? — спросила Анна.

— Я теперь никогда не засну. Анна усмехнулась и отпила немного из бокала.

— Идите-ка в душ, — сказала она. — Вам надо бы... слегка приободриться.

— А вам? — спросил Лузгин и покраснел.

— Идите, идите... — Она опустила глаза и расправила пальцем салфетку.

«Вова, ты посмешище...». Он поднялся, едва не уронив табуретку, развернулся и вышел из кухни. Туфли и куртка были прямо и налево, дверь ванной комнаты — прямо и направо. Он сделал два больших шага и повернул направо. Сквозь дверную неровную щель был виден ужас приготовленного света.

Лузгин ступил на влажный кафель, закрылся на крючок и попытался снять носки. «Надо было бы выпить еще», — решил он и присел на край ванны. Отвинтил левый кран смесителя, брызнуло коричневым, потом пошло светлее и светлее, до белого, в горячей мути... Сейчас он уже и не помнил, сколько же так просидел на краю, помнил только, что белая прежде рубашка стала серой и влажной от пара, он спохватился и стащил ее через голову, а затем уже снял все другое и сложил в углу, на крышке стиральной машины.

Он вздрогнул — в дверь стучали.

— Але, вам плохо? — спросил голос Анны.

— Мне хорошо, — сказал Лузгин.

Наверное, с этого стука в фанерную дверь все настоящее и началось. Для него.

— Хочешь посмотреть, что написали? — спросила Анна, когда приехали на студию.

— Попозже. Мне Халилов нужен.

Он видел, что Анна немножко обиделась, и понимал ее нутром профессионала-телевизионщика: такое снято — просто блеск, а он не хочет посмотреть, спешит зачем-то по начальству, куда же денется Халилов? «Уж точно, никуда, — подумал саркастически Лузгин, — пусть только попробует, сволочь...».

Директор телестудии Халилов, казалось, ждал его и был готов, как пионер к линейке.

— Здравствуй, Васильич, — сказал он Лузгину, как равному, привстал и даже руку протянул. — Видел нас вчера в эфире?

— Конечно, видел.

— По-моему, достойно получилось.

— Достойно мусорного бака.

— Ах, вот как ты? — воскликнул Халилов, и Лузгин догадался по Мишкиному торопливому негодованию, что тот и рассчитывал именно на такое начало. — Я думал, ты умнее, Вова. А если так, то и говорить не о чем.

— А я и не собирался говорить с тобой о вчерашнем продажном дерьме.

— Поосторожнее, Вова. Ты на себя бы посмотрел со стороны.

Лузгин подвинул стул и сел напротив, растолкав локтями на столе халиловские побрякушки и бумаги.

— Я с тобой, Миша, о другом хочу поговорить.

— Да ну? Я весь внимание. — В лице директора мешалось облегчение с настороженностью.

— Ты знаешь семью Ивановых? Ну, этих, многодетных.

— Конечно, знаю, — сказал Халилов с гордостью в голосе. — Наша студия взяла над ними шефство. Анна... Вячеславовна, — он сделал ударение на

отчестве, — ведет про них цикл передач. Сегодня, кстати...

— Именно сегодня!

— Да... Я не понял, и что ты имеешь в виду?

— Ты был в квартире, где они живут?

— Конечно, был. Мы им вручали телевизор.

— Ты считаешь, это нормально — десять человек в двухкомнатной квартире?

— Уже десять? — удивился Халилов.

— Да, они взяли двойняшек из дома ребенка.

— Какие люди! — произнес директор. — Ты согласен?

— Как насчет квартиры?

— Мы боремся, мы регулярно обращаемся к общественности, к городским властям... Но ты же знаешь, — сказал он вдруг с нормальной интонацией, — какое там болото, какая бюрократия!

— Вот именно, — согласился Лузгин. — Поэтому сегодня вечером в прямом эфире Анна обратится к горожанам — ну, к тем, у кого излишки жилплощади, — с просьбой поменяться квартирами с семьей Ивановых.

— Да ну, — сказал Халилов и посмотрел на Лузгина с оттенком сожаления. — А впрочем... Хороший журналистский ход. Ты подсказал? Узнаю руку мастера. Толку, конечно, не будет, но резонанс...

— Будет толк, — сказал Лузгин.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Можно спросить: почему? Откуда такая уверенность? Ты еще что-то придумал, да?

— Придумал, — кивнул головой Лузгин. — Есть хорошая идея: ты, Халилов Митхат Идрисович, отдашь свою квартиру Ивановым.

Директор студии вначале рассмеялся, потом спросил:

— А почему?

Лузгин не смог удержаться от удовольствия медленно достать из кармана сигареты, вытрясти из пачки неровный ряд торчащих фильтров, зубами прикусить и вытащить самый прыткий, отшелкнуть крышку зажигалки «зиппо», крутнуть колесико, подпалить табак на краешке огня, вдохнуть и выдохнуть, защелкнуть и убрать в карман.

— Пепельницу дай, — сказал Лузгин.

— Ну говори, я слушаю, Васильч.

— Ты отдашь свою квартиру Ивановым, потому что ты не хочешь сесть в тюрьму, Мишаня.

— Ну, хватит, перестань, — всем лицом покривился Халилов. — При чем тут тюрьма и квартира?

— Я думал, ты мне сам расскажешь.

— Мне нечего рассказывать.

— Тогда уж я тебе, Мишаня, расскажу.

Он раскрыл портфель, достал оттуда пластиковую папку, положил ее на стол и придавил

локтем. Он заметил, как дрогнули глаза директора и как засуетились пальцы.

— В прошлом году ты, Мишаня, получил от города пятикомнатную квартиру. До этого проживал в двухкомнатной с женой и дочерью. Я правильно говорю? Ты предъявил справку о том, что твои родители, проживавшие в Тюмени с находящейся на их иждивении внучкой, дочерью твоей сестры, по причине старости намерены переехать к тебе и что они уже сдали тюменскому муниципалитету свою квартиру. Так? Я ничего не путаю?

— Послушай, Вова...

— Я не закончил. На основании этой справки и твоего заявления мэра Воронцов и генеральный директор «Севернефтегаза» Лукоянов подписали и провели через комиссию постановление о выделении тебе на семью из шести человек пятикомнатной квартиры в новом элитном доме, построенном городом на паях с нефтяниками. Эта справка? — Он достал из папки лист бумаги с грифом и печатью. — Узнаешь?

— Откуда она у тебя?

— От верблюда, естественно... Руки, руки попросу!

Не суетись, Мишаня, не надо рвать и жевать бумагу, это копия... Продолжим? Итак, перед нами справка. С подписью и печатью домоуправления. А почему не комитета по жилью? Я сейчас объясню, почему.

Дом, в котором жили и живут твои родители...

— Чего ты хочешь, Вова?

— Я хочу, чтобы ты меня выслушал, Миша... Итак, дом этот ведомственный, а не муниципальный. Таким образом, квартира родителей никак не могла быть передана на баланс городским властям. Она и не была передана — никому. Вот еще интересная справка из комитета по жилью, вот из комитета по госимуществу, вот справка из милиции о прописке... Один вопрос: ты сколько заплатил той бабе из домоуправления? По-моему, мало заплатил, поэтому она тебя и подставила, Миша. Ты посмотри сам: печать размыта, а подпись? Ты прочти фамилию, которая напечатана! И сравни подпись рядом. Там даже буквы не совпадают! Калябушка простая, а не роспись! И где, простите, исходящий номер? Выходит, справка не была зарегистрирована? Где номер акта о приеме? Ведь есть же установленная процедура...

— А я при чем? — вскричал Халилов. — Какую мне справку дали, такую я и представил!

— Побойся Бога, Миша! — Лузгин осуждающе покачал головой. — Ты что, родителей подставить хочешь? Они тебе дали фальшивую справку? Что, думаешь, по старости их не заперут в СИЗО?

— Ты меня не пугай! Какое СИЗО? Да сплошь и рядом!..

— Погоди, Мишаня. Тут два варианта. Или баба, что делала справку, расколется и будет топить тебя, как котенка, или выйдет, что ты эту справку подделал, бланк выкрал и текст напечатал, а печать... Есть такой набор, называется «Юный гравер». Никогда в руках не держал? И вот в итоге с помощью липовой справки ты завладел государственной собственностью — подчеркиваю: государственной, выстроенной на средства налогоплательщиков, стоимостью этак миллиарда в полтора старых рублей. Ну, миллионов двести тебе скостят за двухкомнатную, ты ее сдал, хотя и пробоval замылить.

— Кто пробоval?

— Да ты, Мишаня! Тебе до сей поры неясно, откуда у меня все эти справочки? И смог бы я, сидючи здесь, за две недели размотать тюменский «хвост»?

— Вот сука грёбаная, — сказал Халилов. — Это глядь Федоров, я так и знал...

— А если знал — зачем полез, Мишаня? Ведь на крючок полез... Ты думаешь, Федоров этой бумаженции поверил? Он на нее глаза закрыл, потому что начальство так решило, а сам на тебя целый год потихоньку компру собирал. И собрал, как видишь, листик к листику. И мне передал самолично.

— Хрен бы он тебе передал, — презрительно выплюнул фразу Халилов. — Это все Кротов, твой дружок, он здесь всех на

уши поставил. Потом, не видяте, я занят! — Позади Лузгина захлопнулась дверь, а как открывалась — он не слышал, увлекся, надо было внимательней.

— Хорошо, — сказал директор студии. — Чего ты хочешь?

— Отдай квартиру Ивановым. Красивый жест, тебя народ возлюбит. А с Федоровым разберешься сам.

— Ты что, серьезно?

— Более чем.

— Пошел ты на хрен, Вова, — лениво произнес Халилов. — Я думал, что ты серьезный человек.

— Серьезней не бывает.

— Бери свои бумаги и уматывай. Куда ты с ними побежишь? В прокуратуру? Поди попробуй. В округ поедешь? Давай, я посмотрю... Ты здесь — никто, ты понял? И в округе — никто! С тобой и разговаривать не станут. Понаехали тут, понимаешь, всякие гляди тюменские, и нам, северянам, еще права качают!

— Это ты — северянин, Мишаня?

— Да, Вова, я северянин, я свой, а ты говно приезжее! Иди пробуй, мне даже интересно! Да, пожалуйста! — Он помахал рукою перед Лузгиным. — Давай, уматывай!..

— Два последних штриха, если будет позволено. — Лузгин не торопясь собрал бумаги и сунул папочку в портфель. — Штрих первый. Фальшивый документ произведен в Тюмени;

следовательно, есть юридические основания возбудить дело именно там. А там, ты знаешь, я очень много что могу. Особенно если меня разозлит. Штрих второй: борьба за расхищением бюджетных средств. Москва требует от регионов конкретных результатов, конкретных цифр. А тут сразу полтора миллиарда! И кем пожертвовать? Нечестным журналистом! Старик, это очень понравится. Какой резонанс! И загремишь ты на нары за милую душу. Тот же Федоров первым отрапортует: я всегда подзревал, я провел свое собственное расследование!.. А теперь я пойду, Михаил Борисыч, и буду с нетерпением ждать вечернего эфира.

— Постой, а как же я? — вскочил Халилов. — Мне что, в трущобу эту ехать?

— Не бзди, Мишаня, — ласково сказал Лузгин. — Ты мальчик не бедный. Добавишь своих и купишь хорошую трехкомнатную квартиру. Тебе хватит. И за свои, Мишаня, за свои!

— Постой! Ведь можно как-то по-другому, по-нормальному...

— С тобой? Исключено. Ты нехороший человек, Мишаня.

— А ты?

Лузгин замешкался у двери, потом достал двумя пальцами из нагрудного кармана пиджака маленькую плоскую коробку немецкого спецдиктофона марки «Ухер», повертел ее немного, как бы удивляясь стран-

ному наличию, сунул обратно в карман и сказал:

— Я очень нехороший. При этом настолько нехороший, что если ты вдруг очастливишь Ивановых, я плюну на все и забуду, и даже стану тобой публично восхищаться. Глядишь, тебя еще в Госдуму выберут, Мишаня. А что? Чем ты хуже... других?

И ушел. А когда шел по коридору, представилось вдруг, как неслышными шагами его настигает Халилов и бьет между лопаток тупым и твердым. Во цвете лет погиб за справедливость...

В желудке вызревал пожар. «Нагрюну к Шурику — первым делом потреть кофе. Или нет — чаю, крепкого и очень сладкого, как учил один специалист по абстинентному синдрому, хотя какой синдром, вполне прилично себя ощущаю...».

Романовский отвечивал лысиной и стариковскими очками. Увидев Лузгина, он выронил на стол дешевую шариковую ручку и произнес сердито:

— Старый, у нас несладушки.

— Сначала чаю, потом проблемы.

— Ты когда пьянствовать бросишь, Вовка?

— Я брошу — ты начнешь, а тебе нельзя.

— На подоконнике, свежий, бери и наливай... Слышь, я всю ночь просидел, интервью со Слесаренко расшифровывал.

— Ну и как?

— А никак. Теперь никак — после вчерашнего.

— А что такое?

— Ну как что? Все к черту, вся беседа псу под хвост.

— Э, не гони, — сказал Лузгин. — Плохое интервью?

— Интервью классное, мужик раскрылся: умный, опытный, людей понимает, но... после Кротова, вчерашнего... все это не звучит! Кротов бомбу взорвал, а мы... мы кашу по столу размазываем. Кому теперь все это интересно? «Проблемы, поиски, решения...». И хоть бы намекнули в воскресенье, что в понедельник устройте эту бучу в эфире, я бы... пристрелялся, флажки навесил.

— Мы сами ни черта не знали.

— Вы? Не знали?

— Да, Шурик, не знали. К стыду своему, но — увы... Пришлось импровизировать.

— Вы проморгали депутатский бунт?

— Ага, — сказал Лузгин.

— Дела-а, — промолвил Шурик Романовский. — И что теперь? Куда мне все это девать?

— Печатай.

— Так ведь глупо получится! Позавчерашний день!

— Печатай все как есть. И комментарий припиши: так, мол, и так, когда беседа с мэром была готова к публикации, а сам он уехал в Москву по делам, в городе случился бунт, и команде Слесаренко пришлось

прибегнуть к контратаке без его ведома. Пошли взаимные наскоки, борьба компроматов, и есть опасность — грозная опасность! — что под обломками скандала будет похоронено главное, о чем говорит в своем интервью уважаемый Виктор Александрович: кропотливая и трудная ежедневная работа по наведению порядка в городском хозяйстве, по улучшению качества жизни горожан; подготовка к зиме, северный завоз и все прочее, о чем говорит в беседе с тобой мудрый городской начальник.

— Ты серьезно?

— Вполне. Ведь так оно и есть на самом деле. Не согласен? А ты поразмысли и не спеши.

— Ну почему, звучит логично... Погоди, погоди... Ты что же, Вова, предлагаешь мне лягнуть в газете твоего друга Кротова? Все знал, молчал, а как приспичило — вылез в телевизор с обвинениями?

— Зачем так грубо? Можно сформулировать поэlegantнее.

— Хитришь, Володя. — Редактор газеты надул худые щеки и засопел. — Или я опять чего-то недопонимаю. Кротов тебе друг?

— Конечно.

— И ты его... сдаешь?

— Ни в коем случае.

— Ничего не понимаю, — вздохнул Шурик. — Объясни.

— Мы с тобой кого в мэры проталкиваем?

— Лично я — никого.

— Ладно, Шурик, хочешь изображать святую деву — продолжай, пока не надоест. Отвечай сам на свой вопрос: Слесаренко. А не Кротова. Усек?

— И Кротов, значит... грудью на амбразуру?

— Угу, — сказал Лузгин.

— Ну хорошо, допустим... Но сам-то, сам! Тоже, выходит, знал и молчал?

— Почему молчал? Не лез на публику — это правильно, а что молчал... Хочешь получить копии запросов Слесаренко в окружную прокуратуру, в Счетную палату по поводу бюджетных денег? Они есть, я тебе передам.

— А ответы есть?

— Ответов нет. Поэтому он и не вякал раньше времени.

Романовский задумался, пожевал губами.

— Послушай, но это же совершенно другая картина...

— А я что тебе говорю? Чистый текст когда будет готов? Дашь посмотреть?

— Дам, конечно...

— Вот и ладно. Дерзай, Николаич!

Лузгин порылся в портфеле, достал и положил на стол два одинаковых листа бумаги с буквами и цифрами.

— Что такое? — спросил Романовский, поправляя очки.

— Договор.

— С кем договор?

— С тобой договор. На интервью с кандидатом. Со вчерашнего дня Слесаренко впол-

не официально ведет сбор подписей для регистрации в качестве кандидата. Теперь мы обязаны за все платить, иначе будут неприятности с избиркомом. Читай и подписывай.

Романовский наклонился и поводит носом над бумагой.

— Сумма большая, Володя. У нас таких гонораров не бывает. Это неприлично.

— У вас не бывает, у нас — бывает. Ты посмотри на бланк: всероссийский фонд, московская контора. Ты знаешь, какие в Москве гонорары? Там меньше чем за штуку баксов никто и ручки в руки не возьмет. Давай подписывай. Деньги со мной, получишь сразу.

— Так просто? — изумился Романовский.

— Давай, давай... Когда газета выйдет — об считаешь занятую площадь и выпишешь счет по рекламным расценкам: газете тоже денежки нужны. И вообще, в свете предстоящих выборов: издай-ка ты сегодня же приказ о повышении расценок на рекламу. Грядет путина, брат, грех будет не воспользоваться. Ты давно своим людям премию не выплачивал?

— Да я уже забыл, как она выглядит — премия...

— Хорошо она выглядит, Шурик.

Лысый и очкастый Романовский сопел, ерзал на стуле, вертел в пальцах ручку, тестировал штрих на каком-то отрывке бумаги.

— Счет я, конечно, выпишу, — сказал он наконец, — но договор подписывать не буду.

— Ну и хрен с ним, с договором, — сказал Лузгин. — Я тебе просто так деньги выдам, без росписи.

— Ты что, сдурел? — шепотом выкрикнул Шурик. — Как ты мог подумать, Вова!

— Ну, извини, — сказал Лузгин. — И в самом деле... Я ведь без умысла, старик... Ну что ты жмешься! Это же не взятка, это плата за труд. Ты работаешь — мы платим. Так везде.

— Я понимаю, — сказал Шурик. — С деньгами в самом деле плохо... Первое сентября на носу... Одно, другое... И как в прорву... И ведь не пью, не курю — куда все девается? И так пробуем, и так... Я уж не помню, когда себе что из одежды покупал. Год копим — все за лето улетает. А как иначе? Если месяц ребятишек на море не прогреть, они всю зиму болеют, здесь же климат, сам знаешь... Говорят, кислороду не хватает...

Лузгин достал из кармана конверт, двинул его по столу.

— Подписывай. Все правильно, Шурик. Подписывай.

— Но как я дома объясню?

— Кому?

— Жене! У нас... Откуда деньги, она спросит. У нас... Мы друг другу всегда...

— Ты договор внимательно читал? Что там написано? «Се-

рия публикаций о социально-экономических проблемах...». Там есть хоть слово про выборы, про Слесаренко? И договор ведь не на день — до конца года. Если спросит — покажи ей договор.

— Ты думаешь, поверит?

— Деньгам — поверит. И спрячь конверт, чего он тут лежит...

Он представил себе, как вечером очкастый лысый Шурик, конфузясь и потея, вытащит на свет весоменький пакетик, как испугается жена — они всегда пугаются вначале, ненадолго, — потом до ночи в тесном убежище кухни будут прикидывать, тасовать и делить, и Романовский, постепенно напиваясь гордостью добытчика, кормильца, станет решать, соглашаться и спорить: это — да, это — нет, подождет, а вот это — немедленно, я же сказал, — и с царапающей душу печальной теплотой Лузгин еще подумал о Шурике: сделает ли он заначку, отложит ли немного на мужицкий черный день или отдаст жене все?

— Так, один экземпляр мне, другой — тебе. И не забудь после Нового года продекларировать доход и доплатить налоги: мы ведь граждане честные, не так ли? Честные и бедные...

Шурик принялся засовывать конверт в левый внутренний карман пиджака, но у него не получалось — мешали головки дрянных авторучек, коих

графоман (в хорошем смысле) Романовский таскал с собой не меньше дюжины, он чертыхнулся, засунул в правый и тут же одернул пиджак, будто поклажа его скособочила. Ну почему, спросил себя Лузгин, в этой долбаной жизни слова «честный» и «бедный» — всегда синонимы? Почему зарплата журналиста в этом обществе, да и в любом другом, всегда намного ниже порога искушения? Он вспомнил гаденькую шутку: «Честный журналист продается только один раз...».

— А знаешь, — сказал Лузгин, — не надо мне ни хрена показывать. Как напишешь, так и печатай. Некогда мне, дел по горло. Ну, бывай. Да, еще: не пропусти сегодня лялинский эфир, ну, про семейку Ивановых. Возможны разные сюрпризы.

— Ты что-то знаешь? — насторожился Романовский. — Опять сюрпризы, опять хитрости?

— Все, я ушел, меня нет! — сказал Лузгин.

Надо было найти Сергею Кротова и обмозговать с ним вчерашние идеи Валерия Павловича. Нельзя сказать, что предложенный московским профессором столбовой тезис избирательной кампании явился Лузгину как откровение. Он и сам ощущал, что в народе растет недовольство особого сорта, знакомое по ранешней русской истории, да разве только русской? Всей мировой. И что те-

зис войдет в резонанс с настроением масс — в этом не было сомнений. Сам Лузгин открыл в себе недавно поразившую его способность «резонировать». Воспитанный в традициях советского интернационализма, готовый в детстве бить американцев, чтобы они не били бедных негров, читавший в юности Вальрафа об ужасах турецких гетто в ФРГ, готовый умереть с оружием в руках за худеньких вьетнамцев, наивных арабов и тех же печальных евреев Трешлипки и Майданека, хотя потом они напали на арабов, а потом арабы напали на них, или наоборот, здесь он немного запутывался, — так вот, слегка разбогатев, поездив по миру и все увидев своими собственными глазами, испытав на самом себе обстоятельства дружбы народов, Лузгин вдруг понял, что он (как и большинство странствовавших параллельно с ним соотечественников) есть самый натуральный шовинист.

Ему не понравилась гигиеническая вежливость англичан, презрительное высокомерие французов, вороватое радушие итальянцев, арабское наглое попрошайничество, тупость немцев, цыганская крикливость турок в европейских строгих городах... Он осознал, чего Америка «добилась»: если белый нынче стукнет негра, то его посадят, а если негр ударит белого и белый извинится, то белому ничего не будет. И что

худенькие вьетнамцы полагают себя самым первым народом среди прочих и величайшими воинами в мире, а кишашие индусы, которым всю жизнь помогали, строили им разные Бхилаи, отрывая от себя, — те и вовсе не считают русских за людей: так, северные варвары...

А тут еще в родных своих пределах, пусть и распавшихся формально на «самое настоящее Г», вечные братья-украинцы принялись носить «москалей», из дружественного Казахстана поехали русские беженцы, потом Чечня, война и трупы, позор бессилия и безнаказанности, тысячи и тысячи погибших и сгнивших, зарытых в ямы, который год лежащих в ростовских вагонах-рефрижераторах, не нужных никому в родной стране; и Масхадов, колесящий по столицам, и дружный вой всемирной прессы по поводу пропавшей журналистки, и премия за мужество в плену у тех, чьим благородством восторгалась ранее; сто лет возни с ирландцами, взрывающими женщин и детей; закрытые глаза на бойню турок против курдов — мол, внутреннее дело; и моментальная готовность бомбить и рвать на части Югославию для горстки косовских бандитов; и марш национальной гвардии в Техас, где двадцать пять болванов рискнули вспомнить, что когда-то Техас не был американским... Какая, к черту, мировая спра-

ведливость? Какое, на хрен, мировое общественное мнение? Какой там друг Билл или Гельмут? Собачий цирк, маханье дирижерской палочкой... Ну, а внутри? Внутри своей страны? Татария с первым ханом своего обкома давно уже независимей Чечни, договорились без стрельбы: живите, как хотите, но на выборах президента исправно голосуйте за того, кто вам все это разрешил! Теперь еще и область развалилась. Тюмень без Севера — столица деревень, вот и вернулась вековая поговорка.

И, как грибы, растут землячества, общины, требуют денег и зданий, представительства и там и сям; профессор маркизма-ленинизма из сибирских родовых татар взыскуют у Москвы национальной автономии; и все это под видом избавления от гнета, восстановления исторической справедливости, компенсации за русское имперское владычество. И бесконечное мелькание специфических фамилий в числе банкиров, скупщиков, министров. Лузгин читал, как Маяковский на дискуссии однажды Айхенвальда назвал Коганом. «Я не Коган», — сказал Айхенвальд. «Все вы Коганы», — ответил Маяковский. Лузгин не верил никогда, что нужно бить жидов, чтобы спасти Россию, бить никого не надо, это глупости и грех, но, ненавидя коммунизм, как идеологию счастливого осмысленного раб-

ства, он не мог не признать, что коммунисты отнюдь не из дурости ковали семь десятилетий понятие советского народа. Недаром же старинный американский президент — Лузгин не помнил кто: Линкольн или Вашингтон, — когда делили территорию на штаты, сказал: «По национальному признаку? Только через мой труп!». А ведь в Америке народов было понаместано не меньше, чем в России, чего уж про индейцев поминать.

Не так давно в каком-то университетском споре, когда плели, плели и приплели национальный все-таки вопрос, Лузгин заметил: нормальный русский человек никогда не заявит: «Я русский», пока рядом с ним не станут говорить: «Я еврей, я чечен, я татарин!». Но рядом говорили все громче и назойливей, и вот приехал московский профессор, и Лузгин срезонировал внутренне, а словами ругался и спорил, и вертелся, как девка под натиском, и понимал это, и злился на себя.

Серегу Кротова он нашел в слесаренковском кабинете. Тот сидел за столом без пиджака, обложенный бумагами, с сигаретой в зубах и кучей окурков в пепельнице.

— Висканьч приедет, он тебе задаст, — сказал Лузгин. — Весь кабинет ему провоняешь, Серега.

— Перебьется, — отмахнулся Кротов. — На войне как на войне.

— Соляник был?

— А то как же! С утра завился расставлять акценты. Завтра проводят экстренное заседание Думы, приглашают меня, чтобы выступил, ответил на вопросы депутатов.

— Приглашают или вызывают?

— Ну-ну, меня вызовешь, а как же! Нашли пацана... Тебе чего? Говори сразу, через полчаса ко мне КРУшники придут, а я еще не разобрался до конца.

— С Гаджиевым договор подписал?

— О продаже завода? Еще вчера подписал, сегодня деньги должны получить, начнем выплачивать долги бюджетникам.

— А что Моржухин? Неужели сдался? Никогда не поверю. Таковую кормушку теряет!

— Не помрет твой Моржухин. Я за ним немецкую кредитно-бартерную оставил.

— Ты что, Серега! — изумленно воскликнул Лузгин. — Вы же с Висканьчем хотели гнать его в три шеи с немецкой линии! Он же ворюга и махинатор...

— Не шуми, — поморщился Кротов. — Уж больно ты грозен, как я погляжу. Ну, поставим мы нового... Во-первых, кого? Потом учить, вводить в проблемы... А как научиться, начнет мышковать... Зачем? Моржухина мы припугнули, штаны который день отстирывает, теперь мы его пальчиком

помним — прибежит на полусогнутых и служить будет, как Бобик. Создадим ему дирекцию — официально, со штатом и планом работы; пусть вкальвает, пусть трясет немчурю.

— И все дочки и племяннички с женами спокойно перекочуют из заводской конторы в новую дирекцию?

— Да хрен с ними, пусть кормятся. Не в лесу ведь живем, как без этого. По сравнению с теми убытками, которые город имел от моржухинской газировки, весь фонд зарплаты у дирекции — плюнуть и растереть. Так что ты, дружище, рожу не криви, мы денежки считать умеем.

— А я думал, ты всерьез открылся, — сказал Лузгин. — Вчера в эфире ты выглядел бойцовски.

— Ты, Володечка, так и не понял, что такое аппарат. — Кротов поглядел на Лузгина с усталым сожалением. — Если аппарат объединится, он провалит на выборах любого кандидата, будь даже у него такие имиджмейкеры, как господин Лузгин. За сутки до выборов отключат воду под видом аварии — и привет. Или снюхаются со связистами, и те вырубят трансляцию московских телеканалов — сколько город денежек связистам задолжал? Кто виноват? Власть виновата, а кто нынче власть? То-то, братец... Чиновника в угол загонять нельзя! Бить его можно и нужно, чтоб служба медом не каза-

лась, но в угол загонять опасно — загрызет. Каждый отдельный Бобик — собака маленькая, но стаей они и слона до костей закусуют. А теперь выкладывай, зачем пожаловал.

— Ты наш вчерашний разговор с Валерием Павловичем не слышал?

— Так, с пятого на десятое. Что-то о патриотизме, как я понял.

— Не что-то, а главный предвыборный лозунг. И даже не лозунг — платформа. Обещает поддержку на всех уровнях: Госдума, правительство Москвы, часть Совета Федерации, «афганцы», генерал Лебедь... Короче: русские, объединяйтесь!

— Против кого?

— Хороший вопрос... Против всех остальных.

— Да ну, это несерьезно.

— В том-то и дело, что как раз наоборот: очень серьезно.

— Ты еще баркашовцев сюда приплети или Эдика Лимонова.

— Послушай, Вовян, не надо упрощать. Политический выбор сегодня каков? Или демократы, или коммунисты. Первые умудрились обгадить и себя, и идею; вторые... и говорить нечего. Остается так называемый третий путь: русский патриотизм, русская национальная идея.

— Другими словами — великорусский шовинизм. И что это за идея? Ты можешь сфор-

мулировать ее в двух-трех понятных фразах?

— Я же просил тебя: не надо упрощать...

— Ладно, вечером дотолкуем. — Кротов сверился с часами. — Приходи ко мне часов в восемь, раньше я не выкручусь.

— Слесаренко звонил?

— Звонил.

— Ну и что?

— Лучше не спрашивай...

Да, Вовян, ты подумай на досуге, как бы нам через прессу Соляника немножечко... покрутить. Что это за должность такая — председатель Думы, и вообще, нужны ли нам «освобожденные» депутаты, не отрываются ли они от народа, бросив работу и сев на казенные харчи? Не пересмотреть ли в целом структуру местного самоуправления?

— Подумать можно, но мне не нравится, рога торчат. Люди ведь поймут: копаем под Соляника, потому что он против мэрии пошел.

— Вот ты и придумай, как «рога» убрать. Это же твоя работа, Вова. Ты же у нас ведущий специалист по охмурению общественности. Давай топай, увидимся вечером. А мы здесь пока порулим, мы здесь такого нарулим... Не страшно, Вовка? — неожиданно спросил Кротов. — Хочешь, дам тебе охранника? Здесь ребята бородатого остались, дел пока особых нет, ходит кто-нибудь с тобой — так, для страховки.

— Нет, это глупо, — сказал Лузгин. — Что же он, везде со мной таскаться будет, людей пугать? Больше вреда, чем пользы.

— Как знаешь, — пожал плечами Кротов. — Но ты, это вообще... поосторожнее. И пьяным по ночам по городу не бегай.

— А кто бегаёт?

— Ты бегаешь. Ты уж лучше... там ночуй, Вовян.

— Где — там?

— Да брось ты... Мне же докладывают.

— Ты сюда не суйся, понял? — Лузгин свирепо глянул на товарища и пошел прочь из кабинета. «Отслеживают, блин», — ругательски подумал он, шагая по ковру приемной, и увидел то, чего не заметил на входе: в углу, за створкой приоткрытой двери — так, чтобы не было видно из коридора, — сидел в пятнистой форме автоматчик с оружием на широко расставленных коленях.

Он перекусил внизу в столовке и снова подался на студию, где два часа мешал монтировать сюжеты к вечернему эфиру; в аппаратную трижды заглядывал мрачный Халилов, молча оглядывал всех и исчезал за дверью; Анна нервничала и в конце концов вытолкала Лузгина вон. Договорились, что он придет попозже, часам к десяти, и принесет чего-нибудь из гостиничной кухни; он обещал не пить и не опаздывать.

В гостинице он выпил кофеечку — ничего другого в холлодильнике и баре не осталось, надо было звякнуть в службу сервиса, пускать татарят, — и улегся на диван читать оставленные Юрием Дмитриевичем документы о таинственной московской организации под названием «Система». Читал он с интересом, документы были круче детектива, а потому он несказанно удивился, когда проснулся в полумраке, весь усеянный секретными листами, половина документов на ковре — измял, пока ворочался во сне, и уже восемь без пяти, сейчас начнется передача! Он кое-как собрал бумаги, впишал их ворохом в портфель, хлебнул воды из горлышка графина и побежал по коридору в номер к Кротову.

— Серега, врубай шестой канал! — крикнул он, вламываясь в гостиную. Кротов полужелезал в кресле, прикрыв глаза ладонью, и лишь махнул рукой на столик у дивана, где чернел пенальчик «панасониковской» дистанционки.

Уже шли первые титры, на экране появилась Анна, улыбалась и шевелила губами.

— Где звук? — вскричал Лузгин. — Где долбаный звук на этом долбаном пульте?

— Не ори, — сказал Кротов. — И так башка трещит.

— Ты давай просыпайся и смотри. В конце передачи увидишь хорошенький фокус.

Кротов вздохнул со стоном и убрал руку со лба. Как только Анна объявила о задуманном, Кротов скептически хмыкнул, но уселся прямее и уже не отрывался от экрана.

Телефон на столе у ведущей зазвонил почти сразу, как только титром сообщили номер, и звонил уже без перерыва; горожане выражали сочувствие несчастным Ивановым, ругали Ельцина и демократов, возмущались ценами на рынке и задержками зарплаты; звук шел в эфир, и Лузгин ждал не без озорства, когда же кто-нибудь не выдержит и сматерится — вот будет завтра Анне на орехи!

— А почему квартир никто не предлагает? — издевательски поинтересовался Кротов, когда время эфира покатилося к концу. — Или есть заготовка?

— Не спеши, — сказал Лузгин. — Все может быть...

Из-за кадра Анне подали записку, она прочла ее и поглядела в камеру счастливыми глазами. «Хотя бы раз, — подумал Кротов. — Если бы один-единственный раз она так посмотрела на меня».

— У нас сюрприз, — произнесла Анна дрогнувшим голосом. — К нам на передачу прибыл гость. Сейчас вы его увидите. Подайте стул, пожалуйста.

— Рояль в кустах? — ухмыльнулся Кротов. — Твоя идея?

— Ты смотри, смотри...

Рядом с Анной появился стул, и спустя мгновение в кадр вдвинулась и там уселась фигура в джинсах и вязаной кофте на пуговицах, в рубашке с отложным воротником.

— Что происходит? — сказал Кротов.

— Представляю вам, уважаемые телезрители, — прошебетала Анна, улыбаясь, — председателя нашей городской Думы...

— Не надо меня представлять, — мягко перебил ее Соляник, — позвольте лучше извиниться за появление в студии в таком, как бы сказать, домашнем виде. Мы всей семьей смотрели вашу передачу, Анна Вячеславовна, и я должен сказать откровенно...

Минуты три Соляник распинался на темы социальной справедливости, измусолил Анну комплиментами — так

захватило, даже не поужинал! — поведал о заседании жилищной комиссии, состоявшемся ныне под вечер, о принятом решении; хотели проинформировать завтра, в торжественной обстановке, но передача так разбередила душу...

— Дорогие наши земляки, Дарья Михайловна и Владимир Степанович! — Гладкая морда Соляника так и светилась от гордости. — Решением жилищной комиссии городской Думы вам выделена четырехкомнатная квартира в новом доме. Чтобы вы и другие граждане не подумали, что это розыгрыш, сообщаю вам точный адрес...

С танковой грацией Кротов развернулся в кресле и пристально глянул на помертвевшего Лузгина.

— Ты на кого работаешь, дружище?

Серафима Николаевна Булова закончила филологический факультет Тюменского госуниверситета. Работает на кафедре русской литературы. Кандидат филологических наук, доцент.

В местном издательстве вышла ее книга «Советская классика в новом прочтении» (СофтДизайн, 1997). Данная публикация — дебют в новом для литературоведа жанре.

Встреча с Леоновым

Всякий, кому случалось прикоснуться с событиями или личностями, представляющими безусловно большое значение для истории нашей культуры, не только будет с нежностью пушкинского скупого хранить драгоценное воспоминание в своей душе, но и, возвращаясь к нему, всякий раз чувствовать себя не только счастливым, но и безответственным должником. И рассказать об этом непросто. *Во-первых*, необходимо рассчитать время, потому что повествование о великом *весьма несолидной свидетельницы* создает фамильярное, панибратское отношение к великому у слушателей, а повествование свидетеля, увенчанного сединами, изборожденного глубокими морщинами, создает у слушателя ощущение уважительного, но холодного отношения к *чужой, прошлой* и потому скучной жизни. *Во-вторых*, если удастся вовремя нарушить молчание, то как избежать утомительных под-

робностей, избыток которых подрывает у слушателей доверие к рассказчику, а недостаток — интерес?

Леонов не изучался в средней школе, поэтому его авторитет в отечественной среде невелик, и он не так широко известен, как Горький, Маяковский, Шолохов... Его последний роман «Пирамида» — по существу, духовное завещание писателя, подписанное к публикации за несколько месяцев до смерти в 1994 году, — прочитан только специалистами. А вначале я так же расценивала публикации отрывков из «незавершенного» как самостоятельные тексты особой жанровой («фрагменты») формы. Я ошиблась. Последний роман был, и теперь это очевидно, главной книгой художника. Я читала его долго и радовалась, что он такой «длинный». Я живу с желанием когда-нибудь написать о «Пирамиде».

А сейчас о встрече.

Я была в доме Л. Леонова два раза. Первый визит оставил совершенно фантастическое ощущение счастья. Несколько дней после этого я рассказывала о встрече с Леонидом Максимовичем коллегам-филологам, которые, как и я, повышали квалификацию в МГУ. Каждый раз, когда выяснялось, что кто-то еще *не слышал*, как все произошло, меня вытаскивали в холл, и я в который раз все по новой выкладывала. Выяснилось, что я хороший рассказчик: некоторые приходили слушать по несколько раз. Думаю, что не привирала, и интерес к моему рассказу объяснялся не столько обновляющимися подробностями, сколько моей энергетической заряженностью после встречи с Леоновым. Я и сейчас еще ношу в глубине души свет и память этой встречи, но мне жалко и боязно выпускать это наружу. Поэтому начну с записей, сделанных в поезде, когда я возвращалась из Москвы в Тюмень. Они начинались так...

О том, как я была у Леонова

На кафедре советской литературы в МГУ мне дали номер телефона с пометкой «служебный». Это было что-то вроде телефона секретаря. Я не уточняла.

Женщина, выслушав самое начало моих объяснений, бесстрастно произносит: «Записывайте». — «Что?». — «Номер

телефона». Я записываю. «Чей это номер?». — «Его домашний».

Тут же набираю номер (только чтобы проверить!). В трубке раздается мужской голос. Вежливо произношу: «Доброе утро», — и, побряхтев и помычав (во-первых, потому что это очень трудно — произнести «Будьте добры, пригласите к телефону Леонова» или этак по-свойски «Леонида Максимыча будьте любезны!», во-вторых, мычу и кряхчу, чтобы в затянувшуюся паузу не решились на том конце провода, что я хулигаю и не повесили бы трубку), прошу-таки пригласить к телефону Леонида Максимыча (все это произношу с какой-то лакейской интонацией и — *тыфу!* — как имя какого-нибудь среднестатистического родственника).

— Кто спрашивает?

Ну как я объясню («Вы не знаете. И он тоже не знает»). Очень неловко. Говорю:

— Серафима Николаевна (*пауза*) Бурова.

На другом конце провода прокряхтело. Очевидно, меня попытались вспомнить, но ничего не вышло.

— Я вас слушаю.

— Леонид Максимович?

— Да.

Говорю про то, как мне дали его домашний телефон, про то, что приехала из Тюмени, про то, что (наконец-то добралась до дела!) научная работа моя связана с изучением его творчества

и что я хотела бы увидеть его и задать ему несколько вопросов.

— Когда вы уезжаете?

— Двадцать девятого.

— Позвоните мне в понедельник. Утром. И мы договоримся с вами.

— Утром — это во сколько?

— Ну, что-нибудь в это же время — так, в половине десятого.

— Хорошо. Спасибо. До свидания.

Это было в пятницу. В понедельник ровно в десять тридцать и ни минутой раньше или позже звоню. Трубку поднимает женщина. Объясняюсь. Просят подождать. «Он подойдет сам». Через несколько секунд подходит.

— Здравствуйте.

— Вы *просили* (!) позвонить в понедельник, чтобы договориться о встрече.

— (Коротко). Приходите сегодня в пять часов. (И все?! Я чуть не повесила трубку). Записывайте адрес.

Я говорю «Спасибо» и вешаю трубку, не дождавшись ответа.

* * *

К дому, где он живет, подхожу без десяти минут четыре. Сажусь на скамейку около памятника А. Толстому и начинаю репетировать свою партию. Повторяю вопросы, одновременно сортируя их: если выгонит через десять минут, то спрашиваю об *этом*, если даст еще пять минут, то спрошу и об *этом*... Не забыть передать привет (тьфу! — ведь уже

исправляла — *поклон!!!*), вернее, *поклон* от кафедры советской литературы МГУ и ФПК. С этого и начать? Нет, сначала учтиво: «Простите, каким я располагаю временем?». Потом быстренько передаю привет (тьфу, поклон!) и задаю только обмысленные вопросы, каждый из которых — чемодан с двойным дном. «Какие спектакли «Золотой кареты»... Чтобы сказал — «никакие». «Есть точка зрения...». Чтобы грубо и прямо сказал о всех *ковалевых*.

Все обдумав еще раз, замерзнув (конец декабря), я обошла дом, внимательно изучив все входы, и неожиданно оказалась перед дверью в его квартиру. До пяти оставалось десять минут. Встала в углу и жду, трепеща при мысли, что кто-то из соседей или их знакомых обнаружит меня и спросит: «Что вы здесь торчите?». Стою в углу. Держу себя в руках. Репетирую варианты диалога. Без одной минуты пять нажимаю на звонок. Жду. Никто не подходит. Через три минуты (окончательно деморализованная) звоню, чтобы уйти, и понимаю, что первый раз у меня просто не хватило силы надавить.

Еще за два дня до этой встречи я себе представляла ее довольно ярко. Я вполне допускала, что не смогу выдать из себя и слова и только уставлюсь на живого классика, последнего работающего классика, на эту *историю*, на человека, который запечатлен в свободной позе на фотографии рядом с Есениным...

С самим Есениным, который хоть и «всегда с нами», но Бог знает, когда похоронен. Да только ли с Есениным! А Горький? Это уже совершенно из глубины веков, ведь Горький *беседовал* с самим Толстым. Со Львом!

Я вполне ожидала от себя онемения и столбняка, но больше того боялась экзальтации. Вдруг я зарыдаю или начну, увидев Леонова, декламировать стихи о бессмертии и творчестве. А они, эти проклятые строчки, как поганки после дождя, выскакивали на поверхность сознания. Я боялась, что начну хватать Леонова за руки... О, Господи! Ведь классик же! Все может случиться...

Мне открыла совершенно прозаическая женщина и буднично крикнула в глубь квартиры: «Леонид Максимович, это к вам». Как будто в эту же квартиру могли приходиться и *к ней*?! ...А ведь могли, наверное. Когда я уходила, она бодро и весело болтала с кем-то по телефону, кокетливо и независимо смеялась. Могли приходиться и *к ней*, но ни возраста ее, ни тем более лица я не помню. Помню только это удивившее меня своей *коммунальностью*: «Леонид Максимыч, это к вам, вы встретите?..».

Бывают яркие личности, которым случается преодолевать недостатки своего маленького роста. Примеров не привожу, их много. Леонов по фотографиям воспринимается как человек невысокого, в лучшем случае

среднего роста. Только рядом с Горьким на Капри он кажется высоким, потому что не уступает в росте высокому старику. Поэтому когда я увидела в «Литературной газете» фотографию Леонова, сделанную к юбилею, на которой юбиляр расположился в прямоугольнике дверного проема, рассекая его фигурой наискось, я подумала, что двери дачного дома писателя необычной формы, невысокие. На самом деле у Леонова высокий рост. Загадочно неяркость его фотографических изображений. Сейчас, когда я перепечатаваю старые записи, когда уже прочла его последний роман, я, вероятно, могла бы более точно выразить впечатление, которое оставляла внешность Леонова.

Есть талантливость, которая как бы прожигает внешность человека, вырываясь наружу, как свет сквозь щели. У Леонова все не так. Он подобен не свету, а щели, всасывающей свет, черной дыре... Все, что он вбирает в себя, выплескивается даже не на бумагу. Страницы его книг «вязки», фразы двусмысленны. Он совсем не старается понравиться своему читателю, не ищет своего читателя, но с любопытством выслушает всякого, кто скажет ему: «Я ваш читатель». Свет, который втягивает в себя душа этого писателя, пройдя сквозь бумагу, согреет и осветит душу *его читателя*. Вот поэтому внешность Леонова — «голограмма». И текст его книг во многом

такой же. И настоящих читателей у него немного, гораздо меньше, чем *специалистов* по его литературному творчеству.

Итак, в дверях, соединяющих прихожую с ближайшей комнатой, возник высокий, но неяркий немолодой мужчина. И я, подобно механизму, бесстрастно устанавливающему идентичность явлений, допустила мысль, что этот человек мог быть рядом с Есениным и Горьким. Допустила. Когда я, приглашенная его жестом, перешагнула порог кабинета, он протянул мне руку, и я бесчувственно пожала руку классика. Он предложил мне кресло. Мы сели напротив и несколько секунд рассматривали друг друга.

Не знаю, видел ли он что-нибудь во мне, или это была дань приличию, ритуал, отработанный за долгие годы общения с леоноведами, — дать леоноведу возможность осмотреть Леонова. Я же впилась (ты ли, ты ли, великий государь?), впилась в глаза, где же еще искать *государя*? Впилась со всей силой. А он совершенно спокойно вытягивает длинные ноги в коротких валенках, скрещивает длинные пальцы рук на своем аскетически сухом и стройном туловище и тихо улыбается. Думаю в этот миг, что если бы мне как леоноведу(!) пришлось вдруг в голову рассмотреть Леонова со спины и я попросила бы его встать и повернуться, он встал бы и повернулся, выполняющая правила игры, вместо того

чтобы крикнуть: «Пошла вон, дура». К леоноведению Леонов относится с уважением и осторожностью. А странно.

Итак, впилась глазами, ищу великого государя и понимаю, что есть в глазах, усмехающихся и вежливых, что-то независимое и ускользающее и от нашего стереотипного представления о «государе», и от самого государя, который мог бы встать по просьбе леоноведа и повернуться, а они, эти глаза, все запоминали бы и все усмехались... И тут я пытаюсь встать на заранее продуманный путь.

— Каким я располагаю временем? — спрашиваю.

— Да что вы... — любезно успокаивает меня он.

Значит, минут тридцать у меня есть, думаю я.

«Какая у вас тема?» — интересуется он. Я говорю, что изучение новых редакций, созданных в конце пятидесятых годов, требует от меня достаточно хорошего знания и самого раннего периода творчества писателя (в конце пятидесятых годов Леонов по-новому посмотрел на проблемы, волновавшие его в начале — середине двадцатых, чем и объясняется появление новых редакций, не печатавшихся в течение довольно долгого времени).

Он понимающе кивает и, вытянувшись поудобнее в кресле, начинает озвучивать свой сценарный вариант нашей встречи. При этом совершенно очевидно, что тема моей диссериа-

пии не произвела на него ровным счетом никакого впечатления (а я-то надеялась!), он лишь установил для себя, какой именно из кусков проверенного десятилетиями сценария полагается озвучить в моем присутствии.

«Мы начинали в двадцатые годы, будучи людьми молодыми. Нам надо было многому учиться. Многим не хватало элементарного образования. У меня, правда, была за плечами гимназия, которую я кончил с медалью. Правда, учили нас тогда серьезно. Но в университет я не попал...». Я слушаю и узнаю родные места из родного леоноведения, читанное и перечитанное помногу раз. Слушаю и думаю: что же это? «Ты ли, ты ли...» в свое время внушил леоноведам этот стиль и этот текст, или, наоборот, они приучили к своему стилю, к этому эпическому и стереотипному «...мы вошли в литературу», где Я уже неотделимо от МЫ. А от этого МЫ в восьмидесятые только ТЫ и остался из пишущих!.. Сижую, делая крайне заинтересованное лицо, разочарованная до последней степени.

Тут он прерывает *слово* и замечает: «Если вам нужно что-то записать, то вы не стесняйтесь и записывайте!». А я и вправду выгляжу, видимо, нелепо: сижую, сцепив под сумкой пальцы. Выражение лица заинтересованное, но поза праздная: ни бумаги, ни ручки в руках. Благодарю за разрешение записывать. Открываю

сумку, извлекаю блокнот с вопросами и тяжелую трехгранную заповедную эбонитовую ручку с костяным наконечником... А что записывать? Я этот текст раз пять встречала и помню. Совершенно идиотская мысль приходит вдруг в голову. Наверное, от растерянности и разочарования. Терять-то, собственно, нечего. И я срываюсь с кресла и кидаюсь в сторону классика с ручкой в вытянутой руке. Он испуганно отшатывается чуть ли не с поднятыми вверх руками. «Что вы хотите?!». — «Посмотрите, какая ручка!». — «Не надо. Я верю вам, сидите!». — «Да нет. Вы не поняли. Я хочу показать вам свою необыкновенно красивую ручку. Такие делают у нас в Тобольске. У нее костяной наконечник, и на нем нарисована церковка, памятник и написано «Тобольск». Вы таких никогда не видели». Сую ему в руки ручку. Берет покорно, с недоумением и растерянностью. Вертит, примериваясь. «Тяжелая какая-то». — «Она эбонитовая». — «Да? (Пытаясь что-то нарисовать на полях лежащей на журнальном столике газеты). И вдобавок неудобная, неужели ею можно писать?». — «Еще как! Она трехгранная, а это всегда мобилизует». — «Да, все равно она странная какая-то и неудобная».

Сажусь в свое кресло. Ситуация паузная. Но как-то легче. Мне. Он смотрит на меня утомленно и хмуро. «У вас, наверное, там вопросы приготовлены? Давайте».

Я, оживившись, роюсь в блокноте, пытаюсь суетливостью своей утешить ситуацию.

Первый вопрос — самый незначительный: о хронологии рассказов 1922 года. Я и сама ответила бы, но ссылка на личное признание автора не только убеждает, но и украшает работу. Итак, сюжеты «игрушечных» рассказов — самые ранние из ранних. Второй вопрос — о композиции ранних сборников — опять малозначительный. Вопрос о рассказе «Халиль», не переиздававшемся с 20-х годов. Непостижимый ответ! Рассказ не переиздавался, потому что Леонов не убежден, можно ли это произведение переводить на другие языки, так как все построено на игре синонимичных слов «луна» и «месяц» (Ты ли? Ты ли, великий государь? Ты ли — «Барсуки» и «Вор»?). Впрочем, в новое собрание сочинений, куда будет включен «Случай с Яковом Пигунком», возможно, войдет и «Халиль».

— Что побудило вас переработать повесть «Конец мелкого человека»?

— «Желание почетче прочесть «детский рисунок». — «Но ведь в новой редакции получился совершенно иной конфликт, совершенно иной смысл». — «Так и должно быть».

Говорю, что вторая редакция повести — это другая повесть, что то же произошло и с переработкой романа «Вор». Леонов соглашается. Перехожу к важ-

ному. Сначала уважительно о В.А. Ковалеве (леоноведе), что, дескать, согласна с его суждением о «Воре» (две редакции — две книги, имеющие самостоятельное значение), но вижу явное противоречие этому в последующих рассуждениях исследователя, когда он различие сводит к тому, что «второй» «Вор» *лучше* «первого».

Леонов кивает, и я слышу: «Это редкий случай в истории литературы, когда автор через 30 лет полностью переписывает произведение, которому он в значительной степени обязан своим именем. В этом проявляется требовательность писателя к себе, к произведению, которое удостоилось высокой оценки А.М. Горького. Горький одиннадцать раз упоминает в письмах «Вора». И даже в письме к Ромену Роллану. Я не буду приводить эти высказывания, они очень лестны для меня, но иногда, кажется, чересчур завышенные.

Мне хотелось пройтись с лупой по отдельным узлам книги.

Это было летом на даче, стояла страшная жара. И я понял, что я *разобрал* книгу, как часы, и не наю, что делать с этой разобранной громадиной. Вы знаете, что такое *писатель*? В стол это не упрячешь. И я плакал, как ребенок, не знающий, как быть дальше.

Усилена вина Векшина. Нельзя сеять несчастье ради общего блага. Векшин и Маша. Он предал ее. Он предал Куде-

му. Сцена, когда проходит поезд... Они более, чем молодой человек и барышня, — они брат с сестрой.

А что сломило его, знаете? Пуговка!

А в чем его вина? Сорок рублей!

Не случайно его винит Ксения.

Я спрашиваю:

— А третья редакция должна еще усилить мотив вины?

— Ну, в третьей редакции изменится очень многое, но вина Векшина *безусловна*.

Если в первой редакции он романтизирован, в есенинской шпуре, то потом... в сценах в трактире к нему уже не так относятся. И этот долг в сорок рублей...

Возвращаясь к первой версии романа, я говорю о неоправданности суда современников над героем, каким он предстает *тогда*, об отсутствии тождества между поступком и личностью, совершившей его. Такое случается. Раскольников в «Преступлении и наказании» Достоевского совершает преступление *до* поступка и не равен *поступку*. Говорю о близости Леонова и Достоевского.

Леонов кивает:

— Когда говорят о том, что Леонов развивает традиции Достоевского, то у меня такое хорошее чувство, будто меня щекочут ледяным перстом. Достоевский — это такая величина, по сравнению с которой все мы малы. Не пишите о Досто-

евском в диссертации.. Правда, у меня много сделано под *влиянием* Достоевского. Но диалог у меня другой, я его по-своему, иначе делаю... (Тут мне делается смешно: Леонов — ученик советского леоноведения и его главная жертва!).

«Вы не согласны?» — спрашивает он, имея в виду то ли величие Достоевского, то ли различия в диалогах у Достоевского и Леонова. Так как односложно на его вопрос ответить невозможно, я говорю горячо и темпераментно, что вопрос о Леонове и Достоевском рассматриваю совершенно не так, как он. Уклоняться от рассмотрения в диссертации традиций Достоевского у Леонова не намерена и вообще убеждена, что указывать художнику, насколько ему надлежит следовать тому или иному художнику-предшественнику, никто не имеет права... И тут я с ужасом поняла, что моя дерзость незаметно для меня и необратимо перешла в откровенную до непристойности и примитива лезть. Но Леонов, который на своем веку всякого повидал и наслушался, оставался невозмутим и снисходителем.

Занимаясь изучением процесса творческой переработки Леоновым в 50-е годы произведений, созданных в 20-е, когда отношение писателя к революции было не лишено некоторой идеализации, я намеревалась спровоцировать Леонида Максимовича на разговор об исторической и воз-

растной переоценке событий прошлого. Полагая, что вопросы такого рода в лоб не формулируют, я спросила писателя, что думает он о принявшем широкий характер процессе переработок в 50-е годы советскими писателями своих произведений 20-х годов (например, у Вс. Иванова, М. Шолохова...). Я упомянула повесть «Бронепоезд 14-69». И тут Леонов взорвался. Причем мотивы переработок ранних произведений совершенно однозначно соединились с вопросом о художественной ценности текстов редакций 20-х годов. Леонов обрушился на ту часть повести, где говорится об обстановке бронепоезда.

— Ну неужели вы можете серьезно воспринимать эту сцену? — возмутился он. — Представьте! Этот бронепоезд с головорезами, которым деваться некуда.. И вот *он* (имеется в виду автор Вс. Иванов — **С.Б.**) кладет на рельсы этого китаезу Син Бину, и они останавливаются. Ну это же не реально, это же даже не бревно. Да если бы я был в этом бронепоезде, я бы раздавил его, и ничто меня не остановило бы.

Вы поймите, мы тогда многого не умели и надо было учиться. А были спекулирующие на неумении. Вы помните у Бабеля, герой идет помочиться и слышит странный звук. Зажигает спичку и видит, что мочится на лицо мертвеца. Ну это же не литература! А кто вам нравится из писателей?

Я настораживаюсь. Вся беда в том, что и Вс. Иванов, и Бабель мне дороги. Пытаюсь увильнуть от прямого ответа: я, мол, занимаюсь не только литературой 20-х, но и современной... И, кстати, очень хотела бы знать ваше мнение относительно попыток современных исследователей сблизить прозу 20-х годов о деревне с художественными вершинами современной деревенской прозы.

«Ну что вы говорите! Они пишут о деревне, которой не знают. Той деревни, которая была кладезем народной нравственности, уже давно нет. Деревня ездит в город за водкой. Вот сегодняшняя деревня».

Далее разговор сворачивает на публикацию глав новой прозы («Мироздание по Дымкову»). Леонов повторяет то, что сказано в предисловии к публикации глав в журнале «Москва». «А больше об этом я говорить не буду, — произносит он в заключение. — Это будет главная книга, если я успею ее написать. Написано уже много, но конца все не видится, рукопись разбухает».

(«С какого времени вы начинаете испытывать постоянный интерес к миру Л. Толстого?»).

«У Толстого я люблю только «Казак» и «Хаджи Мурата». «Анну Каренину» совершенно не понимаю».

Не понимаю, как Толстой мог сделать так, чтобы Анна предпочла Каренину — государственно-

му человеку — этого наездника с крепкими ляжками, который умеет только скакать верхом.

«Войну и мир» я прочитал слишком поздно.

Но уж совсем не принимаю «Воскресения». Скажите, вы верите, что Нехлюдов может жениться на Катюше?».

Я мямлю, что-де это — крест его...

«Ничего подобного! Он — образованный человек — впадает в уродство! Жениться на женщине из публичного дома, у которой глаза постоянно подернуты отвратительной пеленой...

Знаете, что бы я сделал? Я купил бы ей дом. Роскошный. Где-нибудь в Сокольниках. Назначил бы приличное содержание».

Я: «Расплатились бы?».

Он: «Да! Расплатился бы. Но это еще не все.

Я бы раз в год, в один и тот же день, в один и тот же час, в шикарной карете, надев вицмундир со всеми знаками отличия, ездил бы к ней».

«Вам не кажется, что в один прекрасный день и час она выстрелила бы в вас из окна?».

«Ни в коем случае!»

Она бы выбегала меня встречать: «Проходи, батюшка, отдавай селедочки с лучком». И я бы садился за стол напротив нее, и вся улица сбегалась бы смотреть в окна (Леонов прижимает свой указательный палец к кончику носа), как государство сидит перед... классом.

И я бы это написал прекрасно, уж поверьте мне!

Не верю я этому нехлюдовскому юродству. Вот когда у Достоевского Ставрогин женится — я верю. Потому что это для него — «*смирись*, гордый человек!». И это я понимаю.

Вот у меня Федор в «Нашествии» *ставит* пальто на пол и говорит: «Стоять!» (в этот момент глаза у Леонова делаются неуправляемо жесткими, и длинный указательный палец карательно поднят в воздух около головы. И голос у него беспощадно жесткий).

Вот это то же самое. Вы понимаете меня? Это то же самое. Я очень неравнодушен к Достоевскому. Когда-то из-за него срезался. Вы, может, знаете, меня в университет не приняли. Но, может быть, это и к лучшему. Иначе, может быть, и не стал бы писать. Набили бы меня там требухой всякой, стружками полиэтиленовыми».

Я задаю вопрос о связи рассказа «Бурыга» с повестью «Евгения Ивановна» и близости главных героев этих произведений.

«Да. Это вы правильно говорите. У меня многое от «Бурыги» — и цирк, и скитания.

Повесть («Евгения Ивановна» — С.Б.) написана в 1938 году. Сюжет и основной конфликт сложились тогда же. Потом была только стилистическая правка. И вообще, заметили ли вы, что три вещи 30-х годов очень близки: «Метель»,

«Нашествие» и «Евгения Ивановна»? Они о том, что делать, когда твое отечество стреляет в тебя. Это чувствуется?».

Я опять вспоминаю о произведениях, которые после публикации были переработаны автором, и высказываю предположение, что поскольку перерабатывались не слабые произведения, не неудавшиеся, а *лучшие*, наиболее *сокровенные*, то не следует ли из этого, что сама потребность в переработке обусловлена особенностями творческого мышления писателя?

— Да. Это так. Мне хотелось придать стереоскопичность изображению, объемность. С другой стороны, не всегда можно было писать о том, что ты думаешь. Так возникает изображение предмета, описание предмета по течению его, по воздуху, вытесняемому предметом. Вы же помните, как Леночка в «Русском лесе» боится человека в длинной шинели. А Поля? Разве ее надрыв — случайность? Она читает газеты. Она не может не верить им. Потом часто меня винят, что Вихров ничего не делает, чтобы победить Грацианского. А что он может делать, когда он в любой момент рискует голову потерять. (Леонов в этот момент обхватывает голову руками, защищая ее не только ладонями, но и локтями). Ему надо голову беречь, иначе он не сбережет всего остального.

Вообще это было сложное время. Однажды я даже вы-

нужден был (Леонов что-то, видимо, все-таки произносит про себя, совершенно беззвучно, совершенно внутри себя)... Вы не пишите об этом, не надо. Я старался не лгать. Я писал для себя. Я казался трудным. Я мало думал о читателе...

Ну а что у вас в Тюмени, пьют много?

— Как везде.

— А церкви есть?

— Есть, но очень бедные.

Дальше я рассказываю Леонову про город, про себя, про свою работу. Леонов, вероятно, следуя старой традиции опекать провинциалов, предлагает взять у него денег, поехать, пожить в его доме. Я, совершенно ошеломленная широтой души Леониева и своей, как выяснилось, провинциальной обездоленностью, начинаю что-то нести об истосковавшихся в ожидании моего возвращения студентах.

— И что они, — интересуется Леонид Максимыч, — понимают меня? Или считают трудным!..

— Да нет, — потеряв бдительность, произношу я.

— Я для них слишком легкий, — простодушно и огорченно произносит Леонов.

— Все не так, — говорю я и, уже совершенно не стесняясь, не лгая, освобождаясь от всего, что мешало мне быть совсем искренней с ним, говорю о том, как много в его ранних рассказах того простодушно-мудрого отношения

к жизни, без которого опасно бросаться в неведомое... Я говорю об «идее доверия к жизни» (так в те годы я обозначала категорию *веры* в тексте), в ее математически строгом, онтологическом воплощении и т.н. «игрушечных» рассказах. В сущности, я без малейшего смущения признаюсь, насколько я смогла понять и полюбить Леонова 20-х годов. При этом мне начинает казаться, что из нас двоих я ближе Леонову 20-х, чем Леонид Максимович. Он слушает меня так же серьезно и искренне, как я серьезно и искренне говорю ему о нем. (Сейчас я думаю, что, может быть, самое большое, что я смогла и смогу еще сделать в своей профессии, *сделано* уже. Может быть, все наши попытки ответить на вопрос «что есть литература?» — не более чем жалкая упаковка, доступное обывательскому сознанию оправдание, что не зря хлеб едим, а главное другое. А главное — сказать Гомеру и Пушкину, что они живы и *принимаемы* нами).

— Я всегда считал, — говорит Леонов, — что у настоящего писателя есть свои «окрестности». Вот у Достоевского есть *окрестности*. Я их узнаю, когда встречаю людей... Когда хожу по улицам... А у меня?.. Не знаю. Мы все уходим, унося с собой *свое*. Очень немногое останется после нас. У меня вы *окрестности* какие-нибудь помните?

Я с ходу называю пароход и замерзшую коленку в повести

о русской эмигрантке. «Да, — произносит он, — это у меня получилось». Я называю Благушу и каморку Пчхова с постоянно попадающим под ноги ведром. Леонов, словно вглядываясь куда-то, кивает: «вероятно». Я опять начинаю говорить о рассказах, которые сам Леонов считает «детскими», исследователи именуют «игрушечными» и которые на самом деле и достаточно серьезные, и вполне зрелые. Видя сопротивление Леонова, я начинаю анализировать «Деревянную королеву» в контексте мотивов игры и безумия, обнажающих скрытые механизмы судьбы и логику жизни... Я вспоминаю «Пиковую даму». Леонов сдается!

— Неужели я и это написал? И, Господи, когда же давно это было! Так давно. Надо перечитать, — заключает он.

— Не надо! — автоматически быстро выбрасываю из себя.

— Вы думаете, это меня разочарует... — произносит Леонов с интонациями ребенка или больного, выслушивающего диагноз.

— Нет. Но вы сразу начнете писать новую редакцию. (Это немного смешно, но это правда. Леонов переделывает не то, что плохо, а то, что хорошо, что живое. Ведь живое всегда переменчиво. Люди, знающие Леонова, это понимают. Им не смешно. Но в тот момент, когда я это произнесла, мы оба сначала оторопели, а потом засмеялись).

— Вы считаете, я не должен был что-то менять?

— Я считаю, что вы сам это решаете. Менять, не менять... *Право* решать имеете только вы. И что бы вы ни сделали, вы все равно будете *правы*. Но и я имею право чувствовать боль, когда вы *убиваете* своего героя, хотя я знаю, что в его гибели есть своя логика.

(Леонову явно не понравилась слово «логика», оно его задело).

— Нет! Я так не пишу.

Вы знаете, что такое писатель? Это мука смертная. Ходишь, как больной, и не знаешь, чем болен, чем лечиться. Начинаешь писать. Все не то. И не ясно от чего, но страдаешь. А потом вдруг, как кристаллы в соляном растворе вокруг нитки, — *сюжет*. И тогда уже легче.

— Я понимаю это. Но для меня то, что мучает вас, то, что пробивается в муках как сюжет, и вся работа интуиции являет себя логически закономерной, как *логична* любая *работа*. У меня свое, у вас — свое. Я боялась к вам идти потому, что всегда считала, что должна буду рассказать вам о вас что-то такое, чего вы сами о себе не знаете. Может быть, когда-нибудь я это смогу.

— Я тоже считаю, что настоящий исследователь может по одним только произведениям рассказать писателю его биографию, хотя у моих книг и нет ни одного прототипа и протофакта. И все легенды и истории — мои.

Я не упомянула о том, что в течение последней части нашего разговора периодически кто-то названивал, напоминая Леониду Максимовичу о согласованном с ним визите. Хозяин явно оттягивал срок этой встречи. А может быть... Мне в самых отдаленных тайниках сознания кажется, что наш с ним разговор не был ему в тягость. Наконец после очередного звонка, вспомнив, как я вообще была готова к тому, что меня выставят через десять минут, благодарно-виновато-решительно изображаю прощальные телодвижения. Завершая визит, я передаю привет (забывая про «поклон») от ФПК и моего спецсеминара в Тюмени. Леонид Максимович предлагает мне писать к нему. А я обещаю порадовать его когда-нибудь своими детьми. «У вас есть дети?» — интересуется он. «Да! — радостно сообщаю я. — Десять человек, и трое из них совершенно гениальные. Кстати, это именно гениальные занимаются самыми ранними вашими произведениями».

Хозяин поднимается и провожает меня до двери.

Выходя из парадного, я сталкиваюсь нос к носу с энергичным моложавым субъектом. Он внимательно и быстро смотрит мне в глаза, и мне кажется, что это он звонил, пока мы разговаривали, и теперь ему стало интересно, кто повлиял на планы этого дня.

(Это не все. Далее следуют у меня записи под заглавием «Забыла». Это фрагменты нашего разговора с Леоновым. Вероятно, разговор регулировался не одной, а несколькими логиками. А восстанавливая его, я выстраивала нить главным образом одной, разбивать которую мне не хотелось. Сейчас уже трудно установить, где и как звучал тот или иной вопрос, да и неважно это. У фрагментов этих, мне кажется, есть свой порядок, свой смысл и своя завершенность. Поэтому я и приведу их, ничего в них не меняя).

Забыла

Я спросила Леонова, какие из сценических редакций «Золотой кареты» его удовлетворили. Он начал с того, что заставило его изменить первую редакцию пьесы. Оказывается, Леонов получил письмо ослепшего инвалида войны (я-то, наивная, полагала, что виной всему критика, не сумевшая правильно оценить первую редакцию, важнейшие идеи которой Леонов «реанимирует» в самой последней редакции пьесы, той, которую «проглядят» недремлющие специалисты). Леонов был, как он выразился, тронут словами инвалида («Что же нам остается?») и поэтому изменил финал пьесы: молодая героиня отказывается от приглашения на Памир, от путешествия с влюбленным в

нее сыном академика, решившись связать свою жизнь с ослепшим во время войны другом юности — бывшим танкистом... «Написал вторую редакцию, — говорит Леонов, — пришел на спектакль и, когда увидел, как два инвалида, слепой и контуженный, уводят Марьку, подумал: «Что же я с ней сделал? Зачем положил в постель...». Вы понимаете, ведь он же будет есть хлеб с маслом и не заметит, что на масле два волоса лежат. Тут же решил все переделать».

Мне объяснение Леонова кажется убедительным и понятным... но уж совсем неподходящим для научной ссылки на него, домашним, непарадным. И я включаюсь в анализ пьесы: говорю о нравственно-философской оправданности открытого финала, о трагичности ситуации, даже если у Марьки хватит сил не разочароваться в своем выборе и она сделает все для Тимоши, что в состоянии сделать для возлюбленного сильная и верная женщина, она все равно не спасет его, есть вещи, которые он должен сделать для себя сам... И еще требуется время, чтобы он мог выпрямиться. Сейчас о возможности выпрямиться может свидетельствовать лишь одно — чтобы он дал ей уйти от него. Отсюда необходимость открытого финала и оправданность его.

Леонов, вероятно, принимает мою аргументацию: «Золо-

тая карета», — говорит он, — моя лучшая пьеса».

Я возражаю. Напоминаю о пьесе «Унтиловск». «О, да... Хорошая вещь, — говорит Леонов и с сожалением вспоминает о попытках поставить ее в театре. Слишком трудно было сыграть Буслова», — сокрушается он (а я думаю, что гораздо труднее было найти верный тон при игре Червакова...).

* * *

Когда заговорили о «Воре», Леонов, сославшись на кого-то из своих исследователей, упрекнул японский кинематограф в плагиате. Они использовали идею из романа с парочкой и поездом, проносящимся по мосту над рекой Кудемой. Вспомнил Леонов и заимствованный у него Р. Рождественским сюжет о кузнеце-конокраде. Историю эту, описанную в «Невероятных рассказах о мужиках», Леонов выдумал.

* * *

Леонов вспомнил о письме русской эмигрантки, которая, прочитав его повесть «Евгения Ивановна», написала ему благодарное письмо. «Я ей ответил», — как-то очень признательно произносит Леонов. И спрашивает, предугадывая ответ: «А хорош у меня Пикеринг?». «Да, — говорю я, — и то, что Евгения Ивановна нашла, может быть, лучшего из мужчин, и он ее любит — все это только усугубляет ее

безнадежное положение, ее ностальгию». — «А вы обратили внимание на то, что он садится всегда лицом к свету, чтобы она могла его видеть? Это потому, что он помнит, как она сказала: «То, что любим, то и красиво».

* * *

Леонов вспомнил, как после публикации глав «Мироздания по Дымкову» (как мы сейчас знаем, это были главы последнего романа Леонова «Пирамида») он получил письмо читателя, инженера по профессии, на семьдесят страниц. Леонид Максимович ответил на письмо и, когда его корреспондент приехал в Москву, то принял его у себя и долго с ним беседовал. Слушая Леонова, я испытывала странное ощущение, что ему не часто приходится получать письма от людей интересных и духовно близких ему. И ему приятно рассказывать об этих редких событиях, как будто заново их переживать.

* * *

Говоря о современности, Леонов произносит: «Очень ответственный период, во многом предопределяющий то, каким будет будущее. Не в смысле программном, а в смысле практическом. Все, что мы делаем, даже думаем, все это как-то проявится в будущем. Очень серьезное время и очень ответственное».

(Вот так. Как потом выяснилось, фразу эту Леонов в своей

жизни произносил, наверное, раз десять. Никак не меньше. Может быть, только в самом конце жизни, когда по поводу очередного юбилея в уже глубоко перестроечные годы к нему обратилась энергичная интервьюерша с вопросом: «А что *сегодня* вы, когда уже можно сказать *все*, хотите сказать современнику, «нашим телезрителям» о нашей жизни?», — Леонов повел себя иначе. Он выдержал очень длинную паузу. Невероятно длинную, как мне показалось. Я даже подумала, что он не может сказать. Но он отчетливо, даже почти по слогам, произнес: «*Ничего*».

* * *

Мне захотелось записать, как он выглядел. Несмотря на солидный возраст, он похож не на старика, а на очень немолодого мужчину. Руки совсем не дрожат, хотя похожи на старые корни. Аскетичная внешность. И стройные ноги.

Говорили о героинях в его произведениях, и Леонов сказал, что ему всегда были интересны женщины, которым нельзя слышать грубости. «Они, — сказал он, — как фарфоровые чашки. Появится трещина. Пить из нее можно, но черная трещина все время будет перед глазами. Останется». (Кажется, именно здесь возникла у Леонова потребность спорить с Толстым по поводу Катюши Масловой и ее «воскресения». Думаю, Маша

Доломанова в «Воре» — тоже аргумент в споре с Толстым).

* * *

Леонов вспомнил, что его иногда смущали суждения некоторых исследователей о схожести некоторых героев разных произведений друг на друга. Он словно спрашивал у меня, так ли это, оправдывался и хотел услышать: «Нет, у вас этого нету!». (Ты ли? Ты ли, великий государь!). Для меня этот поворот в разговоре подобен стартовому сигналу для старой скаковой лошади. Конечно, похожи. И не только друг на друга. Они похожи и на героев произведений других писателей. Это особый мир и особая логика. Иначе и быть не может. «Треугольник» героев романа «Барсуки» — из «Идиота». И в «Воре» тот же «треугольник»-иероглиф (тот, да не тот). Леонов слушает и кивает. А я все не могу понять: он притворяется простаком или действительно простаком? Нет, решаю для себя, это леоноведение его все-таки затравило. Леоноведение — серьезная штука. Сам Леонов смотрит на него снизу вверх. Отсюда у него утрата ощущения своей правоты. Сколько карьер построено на Леонове и из Леонова. Знал ли Леонов, что, кроме книг, участвует в создании имени, которого и сам будет страшиться, столь солидным, тяжеловесным, таинственным и омерзи-

тельно значительным будет это *имя*. (Пишу и вспоминаю слова Л. Толстого о величии, которого *нет* там, где нет простоты, правды...). Опасаясь *имени*, как командора, Леонов и усвоил эти леоноведческие формулы: «Мы вошли в литературу...». Отсюда готовность Леонова *соответствовать* ситуации. Леонов как леоновед запутан и запуган.

Вообще в нем в одно и то же время пребывает несколько Леоновых.

Когда он пытался говорить на уровне современного леоноведения, когда выходил какой-то формально заготовленный на все случаи жизни тон — это был один Леонов. Леонов-леоновед (ты ли, ты ли — автор «Барсуков» и «Вора»?).

Леонов второй — растерянный человек. Ученически влюбленный в Достоевского. Вообще ученик. Всегда не знающий, как можно писать, а как нельзя. Правильно он пишет или неправильно. Будут его ругать или

похвалят. Этот Леонов не знает, читают ли его, понимают ли его. Он чувствует себя виноватым перед всеми и не защищенным от прошлого, настоящего, истории, науки.

Леонов третий до сих пор соперничает с современниками, с Ивановым, с Бабелем... «Поправляет» Толстого. Он способен на самые неожиданные поступки. Жёсток и жесток. Совершенно не желающий признавать даже намека на вину. Принципиально не интересующийся своими правами, ибо не сомневается ни в одном.

Пустое дело определять, *какой* из Леоновых настоящий. Любимый настоящий.

Когда прощались, он проводил меня до входной двери. Я трещала о том, как счастлива. Он помахал в воздухе пальцами: «Пишите!». Протянул руку. Рука сухая и холодная, но очень энергичная. Пожал коротко и крепко, как поцеловал.

Всю обратную дорогу сочиняла ему первое письмо.

30 декабря 1980 г. —
9 марта 1999 г.

Книжный проспект

В.Ю. Софронов. Светочи Земли Сибирской: Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620—1918 гг.) / Под ред. архим. Макария (Ветренникова). — Екатеринбург: ИПП «Урал. рабочий», 1998. 264 с. — [Приложение к «Тобольскому хронографу»].

Первейшей задачей обретения нашей истории является накопление фактического материала о прошлом. За сравнительно немногими исключениями эту задачу пытаются решить поголовно все. Вольтеру приписывают афоризм: «Неполная правда — высшая форма лжи». Историческая полуправда, приводящая к ошибочным выводам, никогда не могла быть основой здорового самосознания. Духовность общей культуры и отдельной личности нельзя основывать на повторении ошибок прошлого.

Рискуя наскучить любезному читателю столь долгим подходом к существу начатого разговора, назовем объект нынешнего обсуждения. Это совершенно новое во временном отношении рождение «научного шедевра» (без кавычек здесь не обойтись — *Авт.*), книги-при-

ложения к «Тобольскому хронографу» «Светочи Земли Сибирской». Ее автор — тобольский историк Вячеслав Юрьевич Софронов. Так называемое «научно-популярное издание» осуществлено на средства администрации Тюменской области и города Тобольска и как бы являет нам серию биографических очерков об архипастырях Тобольской епархии с момента ее открытия. Автор недвусмысленно посвятил его «подвижникам духовной православной сибирской культуры», не забыв при этом упомянуть, что осмыслить весь исторический пласт о подвижниках православия было невозможно, ибо «далеко не все сведения о них на сегодня собраны». Именно это обстоятельствостораживает и наводит на мысль, что автор-составитель и не пытался сколько-нибудь приложить усилий для воссоздания исторической действительности, поскольку серьезная работа по восполнению почти векового пробела (1918—1998 гг.) в жизни Тобольской епархии не входила в его планы. Это заметно по нарочитом подборе лишь того материала,

который широко представлен во многих досоветских¹ и современных изданиях². Здесь налицо сознательный (наиболее упрощенный — *Авт.*) отбор очерков, которые до выхода «Светочей Земли Сибирской» систематически публиковались и публикуются редакцией сборника научных статей истфака Тюменского университета «Религия и церковь в Сибири». Кроме того, перед выходом упомянутой работы осуществлено издание книги Н.А. Абрамова «Город Тюмень», в которую вошли двадцать очерков о жизни епархии³.

По выходе этого приложения к «Тобольскому хронографу», который также широко варьирует сплошные перепечатки прошлых лет, невольно пришла на память мысль о том, что пока историк способен честно заявить: «Я не знаю», этот вариант беспамятства менее опасен. Когда человек знает, что он лишен необходимой ему информации, и пытается об этом умалчивать, ссылаясь на далеко не полные сведения фактологического плана, кроме как историческим беспамятством и превращением читателя в механический продукт социальной инженерии это не назовешь. Подмена фактоло-

гических данных манипуляцией общественной ценности данного издания и есть попытка насильственного навязывания под вывеской «благотворительного почтения... светочей духа» откровенной компиляции.

Но, прежде чем обратиться к полноценным и достоверным материалам, напомним автору, что в лаборатории истории и культуры Сибири Тюменского университета имеется перечень всех преосвященных епархии вплоть до дня сегодняшнего. В соответствии с этим перечнем в книгу не включены сведения о 28 епископах и архиепископах за указанный период. Причем многие данные, заимствованные из книги протоиерея М.П. Путинцева, изданной более века назад (1892 г.), просто утратили свою актуальность. И как результат недобросовестного подхода к исследованию не указаны даты или точные года рождения у архиепископов Киприана и Нектария, митрополитов Димитрия, Филофея Лещинского, Иоанна Тобольского, Арсения Матеевича; архиепископов и епископов Варлаама I, Амвросия I, Павла III, Евлампия, Феогноста, Варлаама II, Ефрема, Авраамия, Алексия, Варнавы.

¹ Тобольская епархия. Ч. II. Отд. I: Архипастыри Тобольской епархии. Прил. к «Альбому тобольских архипастырей». — Омск, 1892. С. 158.

² Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и докум. материалов/ТюмГУ. — Тюмень, 1990—1996, вып. 1—9.

³ Н.А. Абрамов. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии/Сост. Ю.Л. Мандрика, В.А. Чупин. — Тюмень, СофтДизайн, 1998.

Кроме того, у многих владык не раскрыты полностью мирские имена, не учтены новые исследования уральских и тюменских ученых, внесших вклад в установление родословных некоторых из них. Например, в сборнике не упомянуто ни ранее бытовавшее мирское имя Игнатия (Римский-Корсаков), ни новая версия, высказанная екатеринбургским историком А.Т. Шашковым⁴. Не сказано, откуда в сборнике появились портреты владык, хотя этот факт широко известен⁵. Биографии преосвященных, возглавлявших епархию в советский период, здесь отсутствуют, хотя таковы имеются. Всем известны, например, публикации А.А. Петрушина в ряде местных изданий о епископах Иринархе (И.Д. Синеоков-Андриевский, 13 сентября 1871 г. — 1 марта 1933 г.)⁶ и Артемии (А.М. Ильинский, 30 июля

1870 г. — 23 августа 1937 г.)⁷. О многих других подобные сведения можно было бы почерпнуть в работе иеромонаха Дамаскина (Орловский), изданной в Твери⁸; библиографическом указателе протоиерея А.Н. Троицкого⁹; в газете «Тобольская правда»¹⁰, сборниках «Религия и церковь в Сибири» (вып. 2—9), где опубликовано 27 биографий тобольских владык.

Мы привели несколько уточнений с единственной целью, чтобы показать необходимость знания и понимания истории, поскольку в существующем информационном океане масса умолчаний, оговорок, перевираания сути особенно роли православной духовности. Невежество дошло до такой степени, что в 1988 году на Западе писали о «тысячелетии советского христианства», хотя «советское», если бы такое существовало, могло бы праздновать свое 70-летие и не более.

⁴ А.Т. Шашков. Игнатий (Римский-Корсаков)//Урал. ист. энциклопедия. — Екатеринбург, 1998.

⁵ Тобольские архипастыри: Альбом/Фото М. Усаковской. — Тобольск, 1892. — (Два известных экземпляра хранятся в ГПБ г. Санкт-Петербурга и в Тобольском музее-заповеднике).

⁶ А.А. Петрушин. Епископ Иринарх Синеоков-Андриевский: Я терпимо относился ко всякой гражданской власти, в том числе и к Советской//Религия и церковь в Сибири. — Тюмень, 1992. Вып. 4. С. 30—40.

⁷ А.А. Петрушин. Последний Тобольский епископ//Наше время. — Тюмень, 1993, 30 октября. С. 1.

⁸ Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. В 2 кн. — Тверь, 1992.

⁹ А.Н. Троицкий. Христианство: Библиография // Христианство: Энцикл. словарь. В 3 т. — Т. 3. М., 1995. С. 489—527 (1550 назв.).

¹⁰ Н. Чернуцкий. Жизнь нашего архиерея//Тобол. правда. 1991. 20 ноября. С. 3.

А.П. Игумнов. Пробуждение: Повесть и рассказы. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1999. — 226 с.: 6 ил.

Писать о первой книге любого литератора очень сложно. Преодолеет ли он сопротивление жизненного материала, облечет ли свои художественные видения в подобающую форму, нашел ли свой неповторимый стиль, черты волнующей новизны? Ибо каждый настоящий писатель ведет читателей лишь ему известной дорогой.

Александр Петрович Игумнов рассказывая свою правду об афганских событиях, претендует на манеру социально-психологического реализма, традиционного для отечественной литературы. Но в такой манере работать трудно, поскольку афганская тема широко представлена в книгах, альманахах, журналах. А издатель выдвигает впереди автора «сапера» — известного московского критика В. Огрызко, который высоко оценивает прозу Игумнова в афганской волне современной российской литературы. При этом отмечает завидную и драматичную судьбу прозаика, его столкновение с советской системой.

Автор, можно сказать, нашенький, ибо родился в Кизеле Пермской области в 1956 году. Игумнов стал военным вертолетчиком, закончив Сара-

товское ВВАУ. Два года (1983—1984) воевал в Афганистане, чести не посрамил, но, оценив страшный разлад между военной верхушкой, сделавшей необъявленную войну своей кормушкой — скорой добычей чинов, орденов и разных благ, — и полевыми солдатами и офицерами, кто ежеминутно смотрел в глаза смерти, решил уйти из армии. «Перестройка» только начиналась... И лишь в 1986 году А. Игумнов вырвался на «гражданку». Живет в г. Советском ХМАО.

Уже в середине 80-х решил заняться писательством. Первые рассказы Игумнова печатались в молодогвардейском альманахе «Подвиг», в «Литературной России». Позднее его вещи появляются в альманахе «Эринтур», журнале «Мир Севера», газете «Тюмень литературная».

И вот первая книга.

...Мы становимся свидетелями жуткой деформации молодой личности в «Лешке-рыжике». Лишь раз отступил парень от жестоких правил той войны, пожалел в бою вооруженного афганского пацана — не убил... В результате убиты Лешкины товарищи, ранен командир. И солдат казнит себя мучительно, трагически, глушит совесть наркотиками. Трагический финал — пухнет под зноем его мертвое тело... и «некому оплакать его жизнь». Свои никак не найдут ему место в «черном тюльпане»...

По законам жесткой военной прозы построен «Счастливый случай». Возвращаясь из отпуска в Джелалабад, медсестра Надя Щеглова наблюдала гибель боевых друзей, не в силах чем-то им помочь. Сама она осталась в живых, но уже никогда не будет летать самолетами. Увидеть страшную трагедию не на земле, а в воздухе значило для героини перейти роковую черту между жизнью и смертью. И небо стало для нее адом.

Обнаженная правда войны, контраст между долгом и местью, трудный выбор цели, когда враг прячется среди мирных караванов, раздирают авторское сознание в рассказе от первого лица «Выстрел в долине».

Все здесь обнажено — ярость и чувство возвращения с того света. К месту реплика боевого друга Садкова — «Цену жизни узнаешь здесь, среди гор, а не в Союзе». Начальство, получив координаты происшествия, приказывает летчикам «вертушек» бросить на цель воздушную армаду. Ужас и бессилие охватывают вертолетчиков: забитую людьми и животными дорогу они вынуждены, подчиняясь приказу, превратить в кровавое месиво. Никто и не собирався отличить мирных людей от душманов. А наверх полетит победная реплика — уничтожен крупный отряд врага. И нет уже ни добра, ни зла. Лишь вакханалия убийства, преступление последних нрав-

ственных порогов. Да и когда было им сверху разбираться, где там, на земле, прячутся враги? А штабисты и политотдел уже заранее орденями «брякают» за «блестяще» проведенную операцию. В финале сказано резко и точно — подполковник Нечаев не знает, куда спрятаться от таких вот воспоминаний.

Увы, в последнее время в нашей публицистике и литературе хватает авторов, замечающих только черные стороны афганских событий, превращая мрачно описывающих советскую армию.

Но наш Игумнов хорошо знает и другую сторону афганских событий. Ведь он свою вертушку вместе с экипажем Козлова впервые в мире сажал ночью в горах, спасая раненых. Поэтому важное место в книге занимает рассказ «Капкан» о жертвенном подвиге лейтенанта Андрея Оверина. Герой с небольшой боевой группой был отрезан душманами от своих. Дом в чужом кишлаке, который обложили враги, стал их могилой. Как на той, Великой Отечественной, Андрей бился до конца, сам оборвал свою жизнь.

В старый, хорошо разработанный сюжет о верном друге солдата — собаке Игумнов внес свой мотив. «Рядовой Рекс», виновный в гибели хозяина — Костика, выскользнул в горах из вертолета, нашел врагов и принял смертный бой, отомстил за хозяина.

Казалось бы, Игумнов нащупал главный нерв тех страшных событий: «Разве мы не вправе сказать правду об афганской войне? Разве мы не прошли дорогой наших предков?».

В 50-е годы в советской литературе появилась «проза окопной правды», в которой изображение войны сильно отличалось от официальной историографии и гладкописаний про сплошные удачи и подвиги наших войск. Безжалостный черный зев войны, причудливая и бесчеловечная смесь нравственного уродства и настоящих подвигов, трусость и предательство, бездарность командиров, гнавших безусых ребят на убой, обнажены в прозе В. Астафьева, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова...

Афганская война была совсем другой. В ней резко противоречили друг другу глобальный политический смысл конфликта и конкретная судьба советского человека в военной форме. СССР и США, будучи лидерами двух мировых систем, имели к началу 80-х годов определенный военно-политический баланс, колеблющееся равновесие сил. И каждая сторона воспринимала его любое нарушение как поражение, стремясь всеми способами восстановить статус-кво.

Военная операция СССР была плохо подготовлена в морально-политическом плане. Старые лозунги интернациона-

лизма и братской помощи афганскому народу, пропаганда в духе военных традиций освободительной войны 1941—1945 гг. были быстро скомпрометированы перед всем миром. Практически весь афганский народ воспринял пришельцев как захватчиков. Плохое знание страны, ее обычаев, истории большинством наших солдат и офицеров, странный характер войны, когда днем враг улыбается и торгуется, а ночью нападает, привели к разрушительному стрессу у наших бойцов. А гибель боевых друзей — к ожесточению и взаимной ненависти, варварским «зачисткам» подозрительных мест.

Ясно, что старшие командиры и политработники говорили солдатам и младшим офицерам много правильных и нужных слов. Но советский народ и правящая верхушка в брежневские времена уже жили порознь, все больше отдаляясь друг от друга.

Наверное, много раз Игумнов горько размышлял над афганскими событиями. И, очевидно, неоднозначность отношения к той войне не позволила сделать повесть «Перехват» убедительнее. В ней много литературщины. Выбран типичный афганский сюжет. Десантура под командованием лейтенанта Олега Кудрина отправляется в ущелье перекрыть военный караван в помощь Надиршаху, терпящему поражение.

Но караван ведет сам Усман Алиханов, афганский анархист (?), много лет пытавшийся с помощью идей Кропоткина (?) изменить жизнь своей страны. Дальше — круче. Вертолетной паре капитана Садкова и воинству Кудрина придана группа афганских офицеров правительственных войск. Распалаясь, автор делает одного из них (Ахмета) сыном Усманова. И хотя боевая работа (особенно в воздухе) показана правдиво и динамично, зачем громоздить новый Гиндукуш из роковых событий? Буквально на глазах друга друга гибнут Ахмет, его отец-старик, наш Кудрин. Иногда действия становятся похожи «войну в Крыму, где все в дыму, и ничего не видно».

Слетным делом Игумнов на «ты», но почему в передышке между операциями строевые занятия проводит Кудрин, когда это дело замкомвзводов и командиров отделений? Почему грузин Самошвили поминает шайтана (мусульманского черта), когда Грузия — христианская страна? Прочитав про эвкалипт в гористой местности, невольно подумаешь, что автор спустил их с чинарами — южными тополями и, возможно, кипарисами. Или грецким деревом. Гиндукуш не сложен из гранита, включения сей породы есть и являются месторождениями. Хорошо еще, хоть не из мрамора, который встречается реже гранита. Где Игум-

нов нашел траву, на которой резвится перед операцией лежа (?) с полным снаряжением (?) Самошвили? А если чека у гранаты вырвется? Зачем в перерыве боя на виду у отходящих душманов встает в полный рост над укрытием Кудрин? Отличная мишень, и вряд ли это объясняет сентенция о поведении нашего офицера из уст Усманова. Ее могли услышать лишь рядом находящиеся подчиненные, но остальным дать очередь ничего не стоило.

Одним словом, в искусстве композиции и совершенствовании психологического мастерства Игумнову еще стоит потрудиться. Перспектива у прозаика есть, про то говорят многие удачные страницы книги.

Наш прозаик еще только осваивает свой литературный пейзаж, что и показала его первая книга. Будем считать, что автор принял свой первый литературный бой и дальше станет писать уверенно и надежно. Без «анархической» поддержки.

Сад откровенный: Сборник стихов/Сост. Комаров С.А. — Тюмень: Издательство Тюм. гос. ун-та, 1998. — 156 с.

Почитаемый в советские времена классик как-то сказал: «В восемнадцать все пишут стихи. А можно ли остаться чудачком, чтобы писать в шестьдесят и в семьдесят?».

Собранные под одной обложкой имена уже самим фактом появления книги пытаются ответить на риторический вопрос утвердительно. И к тому же без шумихинской интонации. Большинству из восьми «братско-могильских» авторов трудно порекомендовать: «Читайте классиков». Ибо они это делают регулярно. И, как В. Шкловский, многие из них могут сказать: «Я знаю, как сделан Дон-Кихот». Но многие ли из них могут написать, если не «Про это», то хотя бы про то, что только у одного его за душой и может быть интересно другим?

Модное в нынешнее время слово «парадигма» на этот раз объединила очень разных по всем критериям (возрасту, умению взвинчивать себя до состояния поэтичности, манере письма). Виктора Захарченко, находящегося на взлете (*Как я люблю эту жизнь, ни на что не похожую, В маленьком русском селе меж Европой и Азией*), и Ирину Гушину, у которой вместе с последней любовью ушел поэтический дар... до появления следующего Аполлона (*В любви, как в жизни, Одна напасть: Чтобы подняться, Надо упасть*); Людмилу Барабанову, каждая строчка прозы которой говорит: перед тобой «поэт» (*Моей авоськи ячея: В ней только блеск и плеск ручья, В ней прибаутки соль ничья, И редко-редко чешуя*), и Александрия Шехирева, всего очень синтетическо-

го, начиная с псевдонима и названия подборки (*У осени в мелодии изъян. отравленных обманов череда. Вот горький дождь наполнил мой стакан, хмельная облаковая вода*); Светлану Моор, стихотворный эквilibrium которой позволяет стиху не терять свой смысл независимо от порядка прочтения строк и стоф (*Как стучит, Как колотится мячик, Мячик — сердце мое неделимое... Лишь увидела строчки знакомые: Буквы мелкие, черные, черные, Мысли ясные, ясные, ясные, Точки круглые, круглые, круглые*), и Ирину Карабулатову, загадочность которой оставляет в недоумении: в чьей национальной традиции писать белым, таким белым (*Душа моя старая, Мысли седые... И молодость тела В сиянье весны. Себя не узнала я В зеркале пыльном, Создав лишь на миг Красоту пустоты*); Сергея Комарова, знающего, как сделан весь В. Маяковский, но не всегда умеющий перенести, как Ю. Минералов, собственную теорию на собственный эксперимент (*Ей сказали, что случится, Не мешайте ей молчать. Лишь напиток и убится, Лишь с ребеночком кричать*), и Ольгу Лагунову, дебютировавшую не так давно в периодике детскими стихами, иногда напоминающими хорошую пародию на В. Бокова («Лето — руга, лето — ель; нетто — брутто, карамель» (*За стеною дед, Ему много лет. Ходит в магазин, Он живет один*)).

В «братской могиле» — не «тихая» лирика, не «авангард» и даже не вчерашний андеграунд. Общая сема у этой парадигмы — *причастность* в той или иной степени к Тюменскому госуниверситету. Во всяком случае так заявлено в аннотации сборника, составителем которого овладел соблазн «обнаружить культурный и духовный резерв университетских «кадров».

Эта *причастность* достаточно разная. В. Захарченко и И. Гущина — выпускники вуза, какое-то время состояли с ТГУ в трудовых сношениях. Других и сегодня можно встретить практически ежедневно у рабочего университетского станка. И эта разнородность, которая объединила стихотворцев в канун юбилея университета под одной обложкой, несомненно способствует появлению вечно-го вопроса по поводу датского сборника: что раньше — курица или яйцо? Чем руководствовался составитель сборника: мыслями о юбилее или воспоминаниями о кожиновской теории с ее поэтами и стихотворцами? Что в данной ситуации для составителя важнее: *причастность* к университету, или к госпоже Поэзии?

Если первое, то почему гуманитарный дух вуза так бледно прорисован? Если второе, где же тогда некогда гремевшие имена Алексея Зевакина и Еле-

ны Худяковой. Как и В. Захарченко, как и И. Гущина они ходили одними коридорами. Даже некоторые из них учились если не на одном курсе, то все равно где-то рядом.

Где знаменитая строчка Худяковой, о которой не один год на парткоме гудели: «Декаданс», подразумевая под этим не направление в искусстве, а инакомыслие: «Полуушмешка старого забора меня встречает за углом». А стихи Зевакина, который пришел в университет с моторного завода, где работал слесарем. Пришел учиться. Ему деревенскому парню, выросшему в многодетной семье, удавалось быстро усваивать поэтический опыт предыдущих поколений. И никакие самые модные имена на мешали ему расти и становиться поэтом Зевакиным. Уже тогдашние его деревенские стихи были гораздо сильнее нынешних Виктора Захарченко...

Я очень люблю публицистику Барабановой. И ее признание, что позднее увлечение поэзией — это почти клинический случай, сродни вопросу о шестидесятилетних чудаках, с которых начинались эти заметки...

И глядя на обложку рецензируемого сборника, все время хочется цитировать Худякову: «Полуушмешка старого забора...». Но уже совсем по другому поводу...

Наталья Александровна Рогачева — родилась в Тюмени, закончила историко-филологический факультет Тюменского государственного университета (1978), защитила кандидатскую диссертацию по поэзии В. Маяковского (1988). Доцент кафедры истории русской литературы.

Автор первой программы литературного краеведения для наших школ (1995). Один из авторов-составителей 3-томной хрестоматии «Литература Тюменского края» (СофтДизайн, 1997), вместе с Н.Н. Горбачевой подготовила хрестоматию в 2-х томах «Лукоморье» и «Страна без границ» (СофтДизайн, 1997). Лауреат премии им. Н.М. Чукмалдина (1997) «За возвращение забытых имен массовому читателю».

Литературно-краеведческая хрестоматия

Появление в школьных программах курса литературного краеведения оживило такой жанр осмысления искусства слова, как учебная хрестоматия. За небольшое время (с 1995 г.) в нашем регионе выпущено около десяти подобных изданий. Сразу же остро встала проблема выбора принципов их построения.

Двухтомная хрестоматия, о которой пойдет речь («Лукоморье», «Страна без границ»), показывает свой подход к содержанию и композиции издания. Литература Тюменского края в нем представлена как единый художественный текст, как своеобразная книга из книг местных авторов. В современном литературоведении исследование локальных (региональных, областных, местных) текстов связано с семиотикой — наукой, изучающей различные свойства знаковых систем, как бы раскодирующей, расшифровывающей символы и значения, определяющие содержание местных книг. К примеру, рентерей (первоначально — хранилище казны в Тобольском кремле, теперь там архив). Этот художественный знак ничего не говорит пермяку или туляку, но нам, даже немного знакомым с историей Тобольской губернии, он понятен и правильно читается в произведениях В. Софронова или Ю. Надточия.

Понятие «петербургский текст» как целостная семиологическая система в работах известных российских культурологов Ю. Лотмана, М. Гаспарова, В. Топоркова и других стало основанием для постановки вопроса о «локальном тексте как семиотичес-

кой проекции культурно-исторического развития каждой территории» (В. Абашев. О пермском тексте // Вестник гуманитарной науки, 1995, № 4. С. 23). Единство такого текста определено следующими факторами:

1) соотносительность с пространством (субстратными элементами текста — Невский проспект, Мойка, Пряжка и др.), с природной средой (белые ночи) и историко-культурными особенностями территории (Летний сад);

2) связанность текста, его выделенность в пространстве русской культуры, иными словами, его «чужеродность», не позволяющая растворяться в целом культурном пространстве страны (Ясная Поляна, Михайловское, мемориальное Завальное кладбище в Тобольске, где похоронены декабристы). Есть специалисты, называющие такие культурные точки в провинциальных текстах маргинальными, а само явление маргинальностью;

3) символичность. Местный писатель всегда углубляется в сферу сакрального (высокого, идеального начала бытия), в область знакомой ему мифологии (роман-сказание П. Бахлыкова «Медвежья Падь», произведения К. Лагунова, Е. Айпина, А. Неркаги).

Самое главное — локальный текст представляет собой определенную систему языковых знаков конкретного места, района, округа, области.

По структуре он отличается поименованностью, когда внутри локуса (тюменская литература) выделяются ключевые имена высокой семантической (значимой) плотности (Обь — как святая река в мировоззрении югорских народов, Самотлор — как знак достижений тюменских нефтяников, Эмдер — мансийская Троя на кондинской земле). Тюмень — одно из таких имен краевого текста. Исторически вокруг него (имени) сформировался четко обозначенный сюжет, связанный с открытой антиномичностью (противоречивостью) образа областного центра.

Уже в ранних текстах (XVII в.) Тюмень получила устойчивую характеристику. Заменяется прежнее название (Чимгитур), означая концептуальную смену прежнего строя жизни, новые устои бытия пришельцев из Европейской России.

Имя города возникает поверх другого, знаменуя новый этап в судьбе Сибири как жест пересотворения мира, дополняя его знаками другого мира, иной истории.

Чимгитур — царский город («по моему мнению, имя Цимги, или Чимги есть одно с именем Чингидином». — Г. Миллер). Тюмень — город, построенный вокруг старой крепости и носящий татарское имя. Это первое укрепление ермаковского отряда в Сибири и одновременно «столичное» пространство, предназ-

наченное для приема послов. Это было и военное пространство («Повесть о городах Таре и Тюмени»), место славы дружинников. Характерно стремление авторов первых сибирских хроник закрепить за Тюменью семантический (значимый) ореол мужественности, воинственности.

В «Дневных записках путешествия» И. Лепехина замечено, что «город много служил к удержанию Сибири под Российской державою», его «первейшим сибирским городом почитать должно». Василий Сукин заложил град в 1584 году, но уже до этого в своей охранительной функции Тюмень была известна как военное зимовье Ермака (1580). Идея Тюмени как «столичного», «первейшего» и «царского» города вскоре исчерпала себя и перешла в область фольклора с уничижительным оттенком («Тюмень — столица деревень»). Г. Царев уже говорит о городе в ироническом ключе, описывая знаменитые кулачные бои в Городище. У И.Я. Словцова появляется парафраз «в граде Чингидине». «Военная крепость» иронически принижена в прозе Н. Лухмановой: «Если бы городу Тюмени надо было выдержать осаду и кругом был глад и мор, семейство Крутогоровых прожило бы сытно и привольно». В XIX веке воинственность тюменцев снижена до запасного батальона, состоящего из разношерстного люда, который отправляют в Манчжурию (из произведений А. Жиликова).

Подобные метаморфозы связаны с изменением социополитического статуса города (на месте царской крепости — «заштатный городишко»). Свою роль здесь сыграли и особенности тюменского ландшафта. Город расположен на равнине, в открытом пространстве. Его называли «веселым», чистым и благодатным и в то же время совершенно незащищенным от нашествия с юга и запада. Крепость быстро разрушалась, и уже к XVII веку ее укрепления сравнялись с землей. И. Лепехин писал: «Город обведен земляным двойным валом, который от долговременности обветшал и почти совсем сравнялся». Ровные тюменские места заметил А. Радищев, П.А. Словцов написал: «Посмотрите, подъезжая с востока к Тюмени, посмотрите на эту открытую и усмехающуюся физиономию города. Не правда ли, что восточный абрис его живописен».

Тюмень для подъезжающего к ней путешественника одинакова со всех сторон. Издали — богом любимый уездный столичный город, оформленный в перспективе теперь уже не крепостным валом и стеной, а блестящими церковными куполами. Город в райском месте, в благодатном краю. Лишь попадая внутрь, наблюдатель осознает, что оказался не там, где ему представлялось. Целостная картина города разваливается на части, ландшафт исчерчен разломами, буераками, улицами, заполненными

жидкой грязью. Открытость города антиномична непроходимости его внутреннего пространства.

Многие путешественники воспринимали культурный слой городского пространства как нерасчлененную субстанцию из отходов различных производств. Н. Всеволожская отмечала, что «улицы и тротуары представляли одну сплошную массу грязи».

Однако разломы и овраги в то же время создают впечатление гористой местности, отчетливо выделяются обрывистые берега Туры и Затюменки. В публикациях литераторов и путешественников формируется и вертикальная ось организации городского пространства. Город устремляется не только вниз, в грязь, но и вверх, дает наблюдателю и такую пространственную позицию, когда виден утерянный горизонт. Не замкнутый естественными преградами ни в пространстве, ни во времени (повести М. Пришвина и Вл. Крапивина). Тюменский сюжет не только завершается, но и размыкает границы текста, сам определяет городскую перспективу и динамику. По сути город сохраняет память о войне, славе, он «царствует», приподнимаясь над плоскостью своего земного существования («В ночь большого прилива» Вл. Крапивина, левый берег Туры в Парфеново в описании В. Строгальщикова в романе «Слой»).

Тюменский текст включает в себя и знак тюрьмы. В. Князев (роман «Деды») сатирично представлял Тюмень как «маленький, захудаленький западносибирский городишко, Кандалинск, куда ссылали обыкновенно полковых ветеринаров, фельдшеров и мелкую чиновничью шушеру». И все же Тюмень была на особом счету, в числе лучших важнейших периферийных городов, ставшим воротами в Сибирь, ее началом — еще не вполне Сибирью, но уже и не Россией.

В произведениях наших авторов 70—90-х годов XX века сложившийся к этому времени сюжет не только завершается, но и размыкает границы тюменского текста, старый сюжет получал сейчас новую перспективу и динамику.

В локальном тексте бытие имени не может быть линейным. Имя (знак, символ) включается в множественные антиномичные ряды. Тюмень — татарский город и одновременно русский город с татарским именем. Но «живет» такое значение преимущественно в границах русской культуры, будучи суверенным в пределах своего ареала, при этом он обрастает поэтическими этимологиями. Тюмень как имя, слово, звуковой комплекс в русской культуре приобретает ряд русских паронимов (Тюмень — туман — тумен).

Полное совпадение согласных позволяет экстраполировать имя города в ореоле семантики лексемы «туман». Вот интерес-

ное наблюдение в публицистике Н. Ядринцева: «Через два часа следует закуска с разными соленостями или завтрак с приправой доброго количества водки, что дает ему (зажиточному тюменцу — *Н.Р.*) случай ходить до обеда в довольно приятном тумане».

Эта любовь тюменцев к «спиртуозности» и пребывание в сытой расслабленности — характерная черта города, «нечестивой Тюмени», обедавшей и много пившей даже в годы больших бедствий в стране. В ряде публикаций (особенно приезжих) за Тюменью даже закрепили рифму — «Тюмень — пельмень, тюлень». Н. Ядринцев писал, что «остальным миром тюмонец мало занят. Его мирозерцание нейдет дальше своих огородов. И живет наша Тюмень целые годы такую своеобразной жизнью, ничем не тронутой, не возмущаемой и излюбленной. Где жизнь кипит... а Тюмень все по-прежнему живет и благодушествует...».

Сытость тюменской жизни оборачивается мифом, город щедрее многих на подаяния острожникам, здесь — преддверие сибирского рая. Древняя российская мечта о даровом богатстве в определенном виде (как считает целый ряд авторов) осуществилась именно в Тюмени, сегодня самые большие состояния в постсоветской России образовались благодаря нашим нефти и газу. В такой парадигме Тюмень — женский образ («наша Тюмень»). Образ природный, податливый, звериный, но без всякой агрессии (зверь, пребывающий в спячке), образ — символ ожидания своего «хозяина» — приди и возьми. В то же время есть литераторы, которые считают Тюмень городом, глухим к истинной боли и страданию, закрытым и надежно защищенным от всяких перемен.

И ныне тюменский текст (хотя бы в виде хрестоматии «Лукоморье», «Страна без границ») демонстрирует (манifestирует) сочетание полярных начал: открытость пространства и его глухота, богатство и нищета, высокий уровень культурной и духовной жизни («новая волна» в живописи, «большой стиль» театральных постановок и др.) и пропасть невежества. Таким образом, оригинальность и неповторимость тюменского текста отличаются большим разноречием. В нем видны черты вавилонского столпотворения, становящегося, динамичного и перспективного регионального художественного мира, постоянно меняющего свои эстетические границы. В его представлении и состоит главное читательское и учебно-исследовательское назначение хрестоматий издательства «СофтДизайн» — трехтомной «Литературы Тюменского края» (1996) и двухтомника «Лукоморье» и «Страна без границ» (1997—1998).

Патканов С.К. Сочинения в двух томах/Под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень, 1999. Т. 1. — 320 с.; Т. 2. — 400 с.

Путешествия по Обскому Северу [Г. Новицкий, В. Зуев]/Под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень, 1999. 240 с.

Невидимые времена: Сочинения тобольских писателей и историков конца XIX в. в 10 томах.

Словарь рифм Иосифа Бродского/Сост. А.Л. Бабакин. Тюмень, 1998. — 276 с.

Лукоморье. Литературная хрестоматия: Книга для учащихся 5—7 кл./Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. Тюмень, 1997. 320 с.

Страна без границ. Литературная хрестоматия для учащихся 8—11 классов в 2 книгах: Книга 1 / Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. Тюмень, 1998. 320 с.

Страна без границ. Литературная хрестоматия для учащихся 8—11 классов в 2 книгах: Книга 2 / Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. — 1998. — 496 с.

Природа края в художественной литературе: Домашние животные / Сост. О.Н. Гаврилова. Тюмень, 1997. 240 с.

Природа края в художественной литературе: Времена года / Сост. О.Н. Гаврилова. Тюмень, 1997. 272 с.

Природа края в художественной литературе: Растительный мир / Сост. О.Н. Гаврилова. Тюмень, 1997. 256 с.

Природа края в художественной литературе: Животный мир / Сост. О.Н. Гаврилова. Тюмень, 1997. 480 с.

Никонов Г.И. «Живое серебро» Обь-Иртышья/Предисл. И.С. Мухачева. Тюмень, 1998. 176 с. + 16 с. вкл.

Экология Ханты-Мансийского автономного округа/Под ред. В.В. Плотникова. Тюмень, 1997. 288 с.

Табашников И.Н. Газета и дизайн. Тюмень, 1994. 160 с.

А.А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север: В 3-х томах. Репринт с издания 1904-1911. Москва, 1996.

Х. Лопарев. Самарово: Репринт с издания 1896 г. Тюмень, 1997. 264 с.

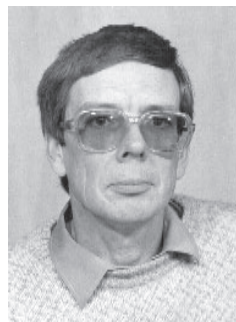
Е. Стрельников и др. Юганский заповедник. Тюмень, 1998. 160 с.+ 32 с. вкл.

Г. Миллер. Описание Сибирского царства. Репринт с издания 1787 г. Москва, 1998. 416 с.

Владимир Алексеевич Ефремов родился 8 декабря 1947 г. в Тюмени. Окончил истфак государственного университета. Работал в школе, милиции. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Сельская молодежь», Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея, газетах «Вечерний Омск», «Тюменская правда», «Советское Зауралье» (Заводоуковск) и др. Интересы — краеведение, в частности, XVIII век. Известен как автор блистательных книг «Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска» и «Тобольское серебряное дело в XVII–XIX веках» (Ювелирное искусство в Тобольске. — М.: Галарт, 1997. С. 10–41.)

Нынешняя публикация — это разыскания в архивных незафондированных материалах.

Тюмень восемнадцатого столетия

(Продолжение.)

Начало в №1 за нынешний год)

**Из дела Тюменской приказной избы о избииении тюменского новоприборного солдата И. Федорова тюменским новоприборным солдатом С.П. Берестовым.
11 мая 1710 г.**

1710 году мая в 11 день бил челом словесно великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя Росии самодержцу, а на Тюмени в приказной избе перед дворянином Данилом Стефановичем Копьевым тюменской новоприборной салдат Иван Федоров, а в словесном своем челобитье сказал, в нынешнем де 1710 году мая 9 числа в праздник Николая Чудотворца на Кармаках в Сметаниной деревне, на улице против двора пашенного крестьянина Андрея Федорова, тюменской новоприборной же салдат Семен Прокофьев сын Берестов ударил ево Ивана кирпичом в левую щоку и тое щоку проломив, и зубы повредил и сног сшиб, и лежачего ногами топтал, и поленом бил насмерть, и руки и ноги избил до крови, и из проломов из кармана денег сорок алтын и с мощною выхватив, да нож с ножнами сорвал, цена десять алтын, плат шолковый красной, цена четыре гривны, а как он Семен его

Ивана бил и увечил и то видели пашенный крестьянин Терентий Иванов, да калмык Илья Черемных, да Григорья Трифонова сын ево Иван. Великий государь пожаловал бы ево Ивана велел словесное ево челобитье записать, а ево Семена сысков допросил и розыскал, а по розыску свой великого государя указ учинить и на нем Иване битых мест досмотреть.

На вышеписанном новоприборном салдате Иване Федорове битые места осматриваны, а по осмотру на нем Иване битых мест: верхняя губа влеую сторону прошиблена сквоз до зубов, оба глаза подбиты и около глаз багово, по голове бит же, лицо все опухло и в крови, на обеих руках на ладонях бито и знать язв на спине, на пояснице сине.

Челобитная тюменского казачьего сына Д. Буторлина с обвинением тюменского оброчного крестьянина

А.М. Пропойцы в ложной жалобе.

20 декабря 1711 г.

Державнейший царь государь милостивейший, в нынешнем в 1711 году ноября в 19 день бил челом тебе государю словесно тюменской оброчной крестьянин Михайло Микитин сын Пропоец, а в челобитье своем написал, в прошлых годах будто жена ево Опросинья купила у Ивана Смышляева двух телят, за одного дала пять копеек, а за другого два гроши. И в нынешнем же 1711 году в праздник Михаила Архангела говорил мне дядя мой Иван Смышляев поедь де к Михайлу Пропойцу и возми двух моих коров, и я раб твой по повелению Иванову к нему Михайлу в дом для взятъя коров с сыном ево Ивановым Патракеем и з братом моим Тимофеем приезжал, и он Михайло от меня таился в доме своем и укрывался в подполе неведомо для чего, и я раб твой у жены ево спрашивал где де муж твой Михайло, и она также ево таила и несказывала, и я ей говорил, я де приехал к вам по Ивановых коров Смышляева, и он Михайло вышел ис подпола и Ивановых двух коров мне отдал, и я взяв пригнал к нему Ивану, а он Михайло в челобитье своем написал ложно будто я был в доме ево без него Михайла и жену ево будто бранил матерно, и стегал плетью, и спрашивал будто своих коров, и взяв тех коров будто погнал силою, и тем он всем поклепал меня напрасно. А я раб твой жены ево небранил и плетью нестегал, а коров Ивановых сам он Михайло отдал, а несилою я взял. В челобитье ж своем он написал будто я преж сего в прошлых годах с поля увел двух ево бычков, а я раб твой никогда с поля двух бычков ево неуваживал, и извету у него о том в приказной избе небывало, и по тому ево челобитью я раб твой и дядя мой Иван

Смышляев допрашиваны, и он Михайло видя свою неправду и ложное челобитье за делом нестоит многое время недели з две и недождався вершения того дела уехав в дом свой, а меня раба твоего по ево ложному челобитью держат в приказной избе ноября с 19 числа и по ныне напрасно.

Всемилоствейший государь прошу вашего величества, да повелит ваше державство по своему государеву указу и по уложению свой государев указ учинить. Вашего величества низайший раб казачей сын Дементий Буторлин 1711 году декабря в 20 день.

**Из окладной книги г. Тюмени на 1711 год.
1711 год.**

Андреян Иванов сын Колокольников умре в нынешнем 1711 году генваря в 7 день. По указу великого государя и по грамоте воевода Данило Стефанович Копиев велел тюменскому неверстанному сыну боярскому Ивану Осипову сыну Парфенову быть на Тюмени в детях боярских, а окладу ему велено учинить из убьлых окладов тюменских детей боярских из окладов Андреяна Колокольникова, Яна Мачковского.

**Отписка туринского воеводы С.П. Карпова
тюменскому воеводе Д.С. Копьеву
о посылке пленных шведов и писем в Тобольск.
1712 г.**

Господину Данилу Стефановичу Семен Карпов челом бьет. Посланы из Туринска до Тюмени в провожатых два человека служилых людей Григорей Каплин, Алексей Евдокимов шведского полону за ротмистром Елфером да племянником ево Питером, да с ними служилыми людьми посланы письма в трех мешечках за верхотурскою печатью, а велено те письма отвстать в Тоболеск и как они их шведов до Тюмени проведат и о перемене их и о приеме писем в трех мешечках и о посылке их в Тоболеск, а туринских служилых людей об отпуске с Тюмени в Туринск и о даче им подвод, и для ведома ко мне отпискою учинить господине по указу великого государя.

**Отписка тюменского воеводы Д.С. Копьева
туринскому воеводе С.П. Карпову
о посылке пленных шведов и писем в Тобольск.
1712 г.**

Господину Семену Прокопьевичу Данило Копьев, Михайла Усталков челом бьют в нынешнем 1712 году марта в 24 день послании с Туринска до Тюмени в провожатых туринские слу-

жилье люди Григорий Каплин, Алексей Евдокимов шведского полону за ротмистром Елфером да за племянником ево Питером да с ними ж служилыми людьми посланы письма в трех мешечках за верхотурской государевой печатью им тех швецких полонеников и письма в трех мешечках на Тюмени в приказной избе у них Григорья с товарищи приняв и в Тоболеск послали а Григорей с товарищем отпущен с Тюмени в Туринск на подводе в нынешнем 1712 году марта в 24 день.

**Отписка И. Трохониотова тюменскому воеводе
Д.С. Копьеву о посылке шведских пленников.
1712 г.**

Господину Даниле Стефановичу камисар Иван Трохониотов челом бьет в нынешнем 1712 году июня в 12 числе по указу великого государя послано с Алапаевских заводов швецких полоняников триста девяносто два человека, да жен и детей их мужеска и женска полу двадцать шесть человек в Тоболеск с верхотурскими детьми боярскими Гаврилом Албычевым с Иваном Загурским, да с ними посланы в провожатых верхотурские казаки Иван Салангин с товарищи дватцать человек, и как они тех швецких полоняников до Тюмени приводят и о приеме их и о посылке с верхотурскими детьми боярскими да с тюменскими провожатыми в Тоболеск, верхотурских казаков переменить, и об отпуске их с Тюмени на Верхотурье, и о даче им подвод без перегонов, и ко мне для ведома опись учинить по указу великого государя.

**Отписка тюменского коменданта Г. Вахромеева
Сибирскому губернатору М.П. Гагарину
о посылке в Тобольск сына
шведского пленника Ирика Колбома.
11 августа 1713 г.**

Великого государя царя и великого князя Петра Алексевича всея великия и малья и белья Росии самодержца губернатору князю Матвею Петровичу, Григорей Вахромеев челом бьет. В нынешнем 1713 году августа в 11 день по указу великого государя за подписанием руки твоего сиятельства, велено послать с Тюмени в Тоболеск умершаго швецкого полоненика лейтенанта Ирика Колбома хлопца ево Ягана, и потому великого государя указу вышеписанного хлопца Ягана послал я с Тюмени в Тоболеск с тюменским служилым человеком с Федором Суморочковым, а приехав велели ему явитца и сию отписку подать и швецкого хлопца объявить тебе губернатору князю Матвею Петровичу.

**Доношение тюменского пушкарского головы М. Луданина
о записи в расход пороха,
израсходованного для встречи губернатора М.П. Гагарина.
Январь 1714 г.**

В нынешнем 1714 году январе в _____ день по указу великого государя и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина выдано из казны великого государя из зеленого погребу пушечного пороху восемнадцать пуд, из сприему пушкарского головы Матвея Луданина, тюменским пушкарям Семёну Некрасову с товарищи на пальбу ис пушек для приезда ево губернатора князя Матвея Петровича Гагарина ис Тоболеска к Москве.

Матфей Луданин руку приложил буде столько выдано записать в расход.

**Приказ губернатора Сибири М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Эверлакову
о покупке саней и веревок.
20 февраля 1714 г.**

По указу великого государя и по приказу губернатора Сибири Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту господину Эварлакову, в прошлом 1713 году послан к тебе великого государя указ, велено против прежнего купить на Тюмени четырёхста саней, тысяча двести веревок лычных, мерою по десяти сажень веревка, и прислать в Тоболеск плавным путем на плотах с нарочными посыльщиками И по получении сего указа коменданту господину Эварлакову о присылке по вышеписанных саней и веревок учинить по указу великого государя непременно. 1714 год февраля в 20 день.

**Из следственного дела по обвинению шведа
Самуила Апелбома в тайном винокурении.
14 мая 1714 г.**

[...] А швед Самойло Андреев которого сговорила баба Авдотья Алексеева дочь, в приказной избе перед комендантом Борисом Васильевичем Эверлаковым с товарищем спрошиван, а в роспросе сказался что де он прапорщик, а зовут ево Самойлом Апелбом, а в Посохову деревню с товарищем своим со шведом же прапорщиком Петером Дрелиным к ней Авдотье Алексеевой дочери в дом приезжал в нынешнем 1714 году после праздника Рождества Христова, а до Сырныя недели за три для выделки вина потому что де он Самойло виделся с ней Авдотьей за Тюменкой речкой на фатере таварыща ево шведа ж Адама Иванова,

а он де Адам стоит в доме у племянника ее Авдотьяна и просил он Самойло у ней Авдотьи чтоб она ево Самойла пустила к себе в дом вина выкурить для праздника и она Авдотья говорила буде де не напродажу то де ко мне приезжай вина курить, и он де Самойло по ее словам для курения вина купя в торговом ряду солоду осьмину поехал, а винокуренную посуду меденик и две трубы белого железа взял с собою своей, а та де винокуренная посуда меденик и две трубы ево Самойлова, а дал ему тое посуду в Тоболску швецкой же полоненик пушкарь Карл Кедр и тою де посуду медеником и двумя трубами курил он Самойло в доме у оной Авдотьи вина дважды по осьмине, а в трей курил тем же медеником да трубою медною из осмины ж солоду и тое трубу купил он в Тоболску ж у швецкого прапорщика Густава Гуса, цены дал шесть алтын четыре денги, а курил де он Самойло вина с трижды, а мерою солоду по осмине а найму де ей Авдотье от того давал по шесть денег сосмины, а товарищ де ево Петер которой с ним в тое Посохову деревню приезжал вина с ним некурил и просто не ведал потому, что де он Петер в тою деревню приезжал для покупки куриц и масла, а он де Самойло о том ему Петеру несказывал же, а выкуривал вышеписанное вино он Самойло а вызовил на фатеру где он стоит к тюменскому пешему казаку Алексею Баранову втайне от ево Алексея, а он де Алексей того неведывал, а привесши то вино он Самойло никому непродаывал а держал про себя и поил в почесть в праздники... с братию шведов же, а посуды де которой он вышеписанное вино курил меденик изломал в нынешнем 1714 году мая в 3 день услыша у своей братии шведов как почали у них шведов вынимать вино, изломал тот меденик испужався того бросил в Туру реку, а две де трубы белого железа стали быть худы, и те трубы изломав бросил он Самойла на землю, а медную де трубу оставил он Самойло в доме Авдотьи, а больши де того он Самойла вина нигде некуривал, никому непродаывал, а что он вино курил трижды, в той ево вине волен великий государь [...] Samuel Appelbons.

**Приказ Сибирского губернатора М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Эверлакову
о заготовке ветчины, необходимой для похода Бухгольца.
22 января 1715 г.**

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту господину Эверлакову, велено для

походу полковых припасов отправить ветчины шесть тысяч двести восемьдесят шесть пуд в скорости с великим поспешанием, и куда надлежит посылать так же и покупать, и тебе б по получении сего указа велеть на Тюмени и в Тюменском уезде вышеозначенное число из зборных государевых денег купить ветчины две тысячи пуд самой доброй настоящею ценою бес передачи, а купя прислать в Тоболеск с нарочными посыльщиками марта к первому числу сего ж 1715 года неотложно, дабы в том полковым припасам во отправлении остановки неучинилось, и о том к губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину писать, а ежели оное число ветчины на вышеозначенный срок в Тоболеск прислано nebude, и за неприсылкою учинитца остановка, и в полковых припасах умаление, и то взыскано будет на тебе, и для того послан на Тюмень нарочной тобольской дворянин Леонтей Осипов.

Дорофей Траурних Г.
1715 г. генваря в 22 день.

Приказ сибирского губернатора М.П. Гагарина тюменскому коменданту Д.Б. Зубову о покупке лошадей, необходимых для экспедиции Бухгольца. 5 февраля 1715 г.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца и приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту Дмитрею Борисовичу Зубову, в нынешнем 1715 году посланы ис Тоболска на Тюмень великого государя указы, велено для походу на Тюмени и в Тюменском уезде купить сто пятьдесят лошадей, и по получении сего указа оных лошадей покупать на разборные третные денги самую настоящею ценою беспередачи, а по какой цене куплены будут и о том в Тоболеск к губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину писать. Дорофей Траурнихт.

1715 году февраля в 5 день.

Отписка тюменского коменданта Д.Б. Зубова губернатору Сибири князю М.П. Гагарину о наличии и посылке в Тобольск мастеров, необходимых для нужд экспедиции Бухгольца. Март 1715 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца губернатору князю Матвею Петровичу Дмитрий Зубов челом бьет.

В нынешнем 1715 году февраля в ... день в указе великого государя писано ис Тоболеска ко мне на Тюмень: велено с Тюмени выслать в Тоболеск для ковки всяких военных железных припасов кузнецов с кузнечными снастями по имянном з детьми всего пятьдесят двух человек, а кого имяны выслать тому под тем великого государя указом роспись, да столярей двадцать, токарей пятнадцать, плотников тридцать, колесных мастеров двадцать человек искусных с товары и со всякими припасы немедленно. И против присланной ис Тоболеска росписи по справке на Тюмени в приказной избе написано в той росписи в вышеписанном числе два человека дважды, да из них же кузнецов восемь человек в Ратманову и Полозову и в нынешнем наборах взятые в салдаты семь человек бежало, три человека по осмотре явились малолетны по осми и по двенатцати лет, одного человека именем и прозванием на Тюмени такого нет, да по осмотру ж один человек болен, другой без ноги, третий стар и кузнечной работы робить не может, да по подписанию руки твоего сиятельства отдано просвещенному Архирею схимонаху Феодору семь человек, да по доношению пушечного мастера Елизара Колокольникова отдано к тому делу 12 человек, всего сорок пять человек, сыскано на Тюмени двадцать девять, да токарей 11 человек, и ис того числа по вышеписанному великого государя указу за подписанием руки сиятельства отдано в монастырь архиерею схимонаху Феодору плотников 17, к пушечному делу 12 итого 29 человек, да токорей 6 человек, колесников сыскано 8 чел. А свыше того плотников и столярей и колесников на Тюмени нет и о том у вышеписанных плотников и токарей и колесников взяты скаски под смертною казнию и того за вышеписанною отдачею кузнецов и токарей и колесников к посылке в Тоболеск 16 человек, в том числе написаны в кузнецы и в колесники ис тюменских ямских охотников 4 чел. и в нынешнем 1715 году марта в ... день великому государю били челом, а на Тюмени в приказной избе тюменских охотников староста з десятники и все ямщики подали мне за рукою челобитную, дабы из них ямщиков в кузнецы и в колесники в Тоболеск для их разорения 4 человек не посылать потому что де у них подводной гоньбы против умножилось и они де оскудели и детей своих закладывают, да ныне по присланному с Москвы ис канцелярии сибирской губернии великого государя указов правез над них по два рубли з двора и в тех деньгах стоят они на правезе и великий государь пожаловал бы, их повелел ту челобитную на Тюмени в приказной избе принять и под всею отпискою послал в Тоболеск. И ту челобитную у старосты ямского товарищи я принял и послал под всею

отпискою в Тоболеск к тебе губернатору князю Матвею Петровичу с выборным их челобитчиком с Иваном Пятковым марта 13 дня сего ж 1715 г., а кроме вышеписанных ямщиков, которые остались от дачи разных чинов, кузнецов и токарей и колесников 14 чел. послал я в Тоболеск кузнецов с кузничную снастью, а плотников и колесников с товары и совсякими их припасы с тюменским пешим казаком Гаврилой Шелоховым, а кто имяны кузнецы и колесники, то при сей расписке роспись, а выше писанных взятых из ямщиков кузнецов и колесников 4 чел. с Тюмени в Тоболеск выслать ли, о том губернатор князь Матвей Петрович что укажешь.

**Приказ сибирского губернатора М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Д.Б. Зубову
о заготовке саней и веревок для выезда купцов
за китайскими товарами.
24 сентября 1715 г.**

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту Дмитрию Борисовичу Зубову.

Посланы к тебе великого государя указы, велено для отпуску китайского каравана купить четыреста саней, тысяча двести веревок из приказных всяких доходов, и прислать в Тоболеск нынешним плавным путем чтоб вышеписанному китайскому отпуску остановки неучинилось. И по получении сего указа конечно б вышеписанные сани и веревки купя прислать в Тоболеск к нынешней осени с тюменскими всяких чинов людьми неоговариваяся ничем, а для того послан ис Тоболеска нарочной сын боярской Яков Судейкин, а буде ты тех саней и веревок в скорости в Тоболеск непришлешь и затем китайскому каравану учинится остановка и то взыскано будет на тебе.

**Отписка тюменского коменданта Д. Зубова
губернатору Сибири М.П. Гагарину
о присылке скота схимонахом Федором.
Декабрь 1715 г.**

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца губернатору князю Матвею Петровичу Дмитрей Зубов челом бѣт. В нынешнем 1715 году декабре в 19 день преосвященный Архиерей схимонах Феодор прислал к приказной избе с (служителем своим*)

*В тексте зачеркнуто.

з Григорьем Новицким одиннадцать скотин рогатых, в том числе шестеро малых телят, которой скот пригнал он Григорей ис кошуков, и чтоб тот скот принять и записать на великого государя, и я тот скот принять велел и отдал кормить крестьянам до указу великого государя, и тот скот на Тюмени продавать ли или в Тоболск послать, о том губернатор князь Матвей Петрович что укажешь.

**Челобитная тюменского пешего казака С. Табанакова
о избииении его тюменским
казачьим сыном Н. Лопаткиным.
29 апреля 1716 г.**

Державнейший Царь Государь миластевейший.

В нынешнем 1716 году апреля в 29 день тюменской казачей сын Никифор Лопаткин пришед на кабак за Тюменку и взял государева продажного пива на четыре деньги, и я раб ваш за то пиво стал у него деньги прошать, и он Никифор денег нестал отдавать, и стал мене бить насмерть и ногами топтал, и лицо и голову и руки избил до крови, и называл меня изменником, а то де видели тобольской житель Петр Козлов, да пристав Егор Чемякин, да гулящий человек Тимофей Кондратьев.

Всемиластивейший Государь, прошу вашего величества, да повелит ваше державство того Никифора Лопаткина в приказную избу ссыскать и допросить, и увечье мое битые места досмотреть, и свидетельми розыскать, и свой Государев указ учинить. Вашего величества нижайший раб тюменской пешей казак Сергей Табанаков 1816 году апреля в 29 день. К сему прошению вместо Сергея Табанакова по его велению Дмитрей Колмогоров руку приложил.

**Приказ сибирского губернатора М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Воронежскому
и комиссару Прасолову о необходимости поиска гренадер.
20 июня 1716 г.**

По указу великого государя и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту полковнику господину Воронежскому да камисару Прасолову: писали вы в Тоболск, что велено вам набрать на Тюмени в гренадеры двух человек против указной меры в два аршина в три четверти (около 196 см — *В.Е.*) и на Тюмени де и в уезде в такову меру людей неявилось. И по подписании на той отписке губернатора князя Матвея Петровича велено на Тюмени и в уезде в такову меру изо всякого чина людей искать с великим иска-

нием, а сыскав прислать в Тоболеск часа непромедля. И вам бы по получении сего о вышеозначенном учинить по сему указу. К сему для верности губернатора Сибири князь Матвей Петрович Гагарин приписал своею рукою 17 июня в 20 день.

Из дела по обвинению шведского пленника А. Трибола в оскорблении казацкой вдовы А. Фоминой.

Сентябрь 1716 г.

[... 1716 года сентября в ... день по указу великого государя камендант господин полковник Иван Васильевич Воронежской слушав сего дела приказал, по указам великого государя и по соборному уложению и по общей ссылке челобитчицу Аксинью Фомину дочь отправить, а ответчика швецкого пленника Алексея Трибол обвинить для того что челобитчица в челобитье своем написала, ответчик приходя к ней бранил ея и бесчестил, и в том сослалась на свидетелей, а ответчик в том заперся и на свидетелей слался ж, а свидетели сказали про то именно что он ответчик челобитчицу бранил, а по указам великого государя и по соборному уложению велено всякие дела вершить по свидетельствам и за бесчестия челобитчице на ответчике доправить против окладу...]

Далее документ утрачен.

Приказ сибирского губернатора М.П. Гагарина тюменскому коменданту Воронежскому о поимке и посылке в Тобольск гулящего человека И. Тельного. 19 октября 1716 г.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту полковнику господину Воронежскому. По его великого государя указу, а по челобитью тобольского пятидесятника Емельяна Окулова, велено гулящего человека Ивана Тельного которой приличился в краже пожитков ево и бежал ис Тоболска из за караулу, а ныне живет на Тюмени домом своим взять в Тоболеск. И для взятъя оног гулящего человека Ивана Тельного послан из большей канцелярии пристав Семен Шахов, и по получении сего указу вышеозначенного Ивана Тельного с посланным приставом выслать в Тоболеск на ево подводах и велеть ево объявить в болшей канцелярии губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину. К сему для верности губернатора Сибири князь Матвей Петрович Гагарин приписал своею рукою Гагарин.

1716 году октября в 19 день. Справил Матвей Козлов.

Память десятнику Антипинской деревни Федору Ярунову. Январь 1717 г.

1717 года января в ... день по указу от великого государя и по приказу каменданта господина полковника Ивана Васильевича Воронежского память, в Тюменском уезде в Антипиной деревне, жителю пашенному крестьянину Федору Михееву Ярунову, быть тебе в той деревне в десятниках пашенного крестьянина Григорья Битюкова и в своем десятке жителей всякого чина людей ведать и пересматривать почасту чтоб в твоём десятке люди были все в ведомости, и без ведома твоего никуда неотъезжали, а буде кому в твоём десятке куда доведетца ехать на малое время и им велеть о том сказыватца тебе десятнику, а буде кому случитца для каких промыслов ехать в даль и для дальних отъездов велеть бить челом на Тюмени в приказной избе, а небив челом на Тюмени в приказной избе в дальние промысла неходить и неотъезжать, да тебе ж десятнику в своем десятке смотреть накрепко и учинить заказ чтоб ни у кого воров и разбойником и татям стану и приезду небыло, а буде у тебя или у кого в твоём десятке явещца гулящие люди из город из слобод з женами и з детьми, или холопья и всякой гульной скот, и тебе тех людей и скот приводить в город и объявлять к записи в приказной избе, да тебе ж десятнику смотреть накрепко и учинить заказ чтоб ни у кого винного курения и продажи вино и табаку небыло и воровскою солью неторговали, корчм и блядни недержали, карт и зернью неиграли, пива браг неваривали, и медов без явочной неставили и непродавали, а буде у кого сведаешь, по извету или без ызвету, винное курение или продажу вино и табаку, или воровскую соль, воров и пришлых людей и неявочное пиво брагу и мед, и тебе б взять той деревни жителей и с теми людьми на обыски ходить, и то вино и винокуренную посуду табак и воровскую и иную какую соль, воров и пришлых людей, и неявочное пиво брагу и мед вынимать, [а что с теми понятами у кого найдешь вино или винную посуду, или какое заповерное неявочное питье, или воровскую или иную какую соль, или воров и пришлых людей, и неявочное пиво брагу и мед вынимать, а что с теми понятами у кого найдешь вино или винную посуду, или какое заповедное неявочное питье или воровскую, или иную какую соль, и воров и пришлых людей] и то все взять, и теми у кого найдешь привезь в город в приказную избу и объявить каменданту господину полковнику Ивану Васильевичу Воронежскому, а естли ты или твоим неусмотром кто в твоём десятке станет вино курить и табак торговать, корчму и блядню держать, карты и зернью играть, и мед ставить и продавать, а ты вынимать неучнешь, а о

том на Тюмени в приказной избе каменданту господину полковнику Ивану Васильевичу Воронежскому будет ведомо, и за то тебе учинено будет жестокое наказание, по указу Великого государя смертная казнь безовсякого милосердия, також де кто стан и приезд вора и розбойникам и татям станет держать, и гулящих людей и гульной всякой скот, ружье, порох и свинец иноземцам и татарам продавать, и в отъезде отдавать а небив челом кто куда съедет, а ты о том доносить не учнешь, и за то тебе и тем людям учинено будет жестокое наказание безо всякой пощады...

Далее документ утрачен.

Приказ сибирского губернатора М.П. Гагарина тюменскому коменданту Воронежскому и комиссару Прасолову о присылке крестьянина В. Носкова с детьми и дела на них в Тобольск. 28 марта 1717 г.

По указу великого государя и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту полковнику господину Воронежскому да камисару Прасолову. Сего 1717 году бил челом великому государю в Тобольску в большой канцелярии тюменской таможни надзиратель Воин Дурасов, в прошлом де 1716 году тюменской пашенной крестьянин Василей Носков еретическим своим волшебством испортил жену ево и дочь которая в замужестве за таможенным головою за Григорием Макаровым, в чем он Носков с пытки винился и сказал, что де портил он Носков жену ево и дочь, за то что он Василей заложил ему Дурасову дочь свою девку в четырех рублях, и чтоб ему тою свою дочь из холопства от него Дурасова свободить, и для той порчи дал травы той дочери своей и велел бросить в бане на каменницу, а учился де он такому еретичеству у крестьянина у Федора Мурзина, да сего 1717 году как он Дурасов был в Тобольску, и без него де тот же еретик Василей из закараулу прислал с сыном своим в дом к нему ж Дурасову в узлу травы, и отдал тот ево сын тою траву сестре своей, той же девке которая у него Дурасова живет, и та де девка с согласия с крепостною ево женкою, и тою траву изтерши в горшке и положила в квас дали жене ево пить, и от того де жена ево Дурасова лежала двои сутки. И о таком еретичестве он Носков, и сын ево, и дочь девка Марья, и крепостная ево женка Дарья в согласии во всем том в роспросе и с пыток винились, и чтоб великий государь пожаловал ево, указал им Васильем и сыном ево, и дочьерю, и крепостною женкою розыскать и указ учинить. И как вы сей указ получите и вам бы оных вышеозначенных Василья Носкова сына ево

и дочь и крепостную ево Дурасова женку и подлинное всё их дело с Тюмени к подлинному розыску выслать за караулом в Тоболеск непремедля малого времени, а которого числа и с кем оные вышеозначенные колодники высланы будут, о том в Тоболеск к губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину писать.

К сему для верности губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин приписал своею рукою Матвей.

1717 марта в 28 день.

Извет тюменского казачьего сына М. Голенецкого на неведомых воров.

Сентябрь 1717 г.

1717 году сентября в второй день извещал на Тюмени в приказной избе каменданту господину полковнику Ивану Васильевичу Воронежскому, да камисару Семену Прасолову тюменской казачей сын Михайло Голенецкой, а в извете своем сказал сего 1717 году августа против 31 числа в ночи неведомые воры в торговом ряду розломав у лавки ево у дверей замок, и из той лавки украли пожитков ево три аршина сукна одинцового цветом зеленого цена три рубли, шуба баранья новая цена сорок алтын, шесть кокошников камчатых шиты золотом цена три рубли, кумачу цена рубль, три фунта нашатыря цена два рубли, три аршина камки красной цена рубль с полтиною, два вершка шапошного сукна красного одинцового цена десять алтын, бобр цена дватцать алтын, опояску верблюжью цена полтина, фунт перцу немецкого цена десять алтын, да денег полтину, да всякой лавочной мелочи по цене на десять рублей. И чтоб великий Государь пожаловал ево Михайла повелел в приказной избе извет ево записать в книгу. Вместо Михайла Голенецкого по его велению Василий Корноухов руку приложил.

Извет тюменского отставного пешего казака Ивана Малыгина на тюменского ямщика Ивана Галашева в ограблении.

17 апреля 1718 г.

1718 года апреля в 17 день извещал на Тюмени в приказе каменданту Семену Ивановичу Дурново тюменской отставной пешей козак Иван Малыгин, а в извете своем сказал; сего де 1718 года апреля против 15 числа в ночи неведомые воры, три человека, приехав к нему в дом и вломились сильно, и ево Ивана также и дочь ево девку Катерину связали и ограбили пожитки ево денег десять рублей, две шубы бара-

нии, одеяло овчинное, десять аршин сукна сермяжного, во семьдесят аршин холста тонкого, дватцать аршин средняго, сарафан китайчатый цветом лазоревый, другой киндяшной цветом осиновой, да седла да два потника, два топора, меденик в десять фунтов, два котла медные в пять фунтов, два ножа да ножницы, три лошаки, четыре безмена, масла две собачницы деланы, десять рубах мужских тоже число женских, холщевых два мешка... (порвано), зеркало хрустальное, серги серебряные да крест, башмаки женские по цене всего на тридцать рублей, да две узды ременные, плеть плетеная, плетовище тавалжное, оба конца облиты оловом. А пограбя те ево пожитки, один из тех воров дочь ево Иванову изнасилдовал блудно и из дому ево уехали. А по многим прилкам имеет он Иван в том грабежу на ямщика Ивана Галашева, и чтоб великий государь пожаловал ево Ивана повелел извет ево записать в книги, а ямщика Ивана Галашева в приказ сыскать и ему Ивану объявить.

Вместо Ивана Малыгина по его велению Петр Филатов руку приложил.

Скаска тюменского полковника Дмитрия Угрюмова.

Май 1719 г.

1719 года мая в ... день Дмитрий Угрюмов сказал, в прошлых годах отец мой пожалован по Верхотурью в дети боярские, а после отца своего в прошлом 1677 году пожалован по Тобольску в дети боярские. Годового жалования денег 6 рублей, хлеба 6 четвертей, 2 пуда соли и служил всякие службы и степные посылки и береговые службы, да в прошлом 1697 году послан был в Китайской острог на заставу и на той Каменской заставе подстрелили из лука в правой бок и от той их стрельной раны скорбел годы два и больше, да в том же де в Китайском остроге, Китайского острогу жители 100 человек хлебного оброку оные жители в казну великого государя со своей братью не платили и на тех де жителях наложил хлебного оброку 100 четвертей, да в прошлом 1701 году пожалован к слобочким драгунам майором и служил на обереговой службе в украинских слободах, да в 1705 году, да в 1706 казачья орда татара подходили воровски под Кизацкую и под Утецкую слободы и за теми воровскими воинскими людьми за казачью ордою до Островских озер и за Ишим реку бегали и постигли и полонеников отбили. Да в 1709 году в разных месяцах и числах воры изменники башкирцы приходили с войною под Тобольской уезд под слободы под Барневскую, под Течинскую, под Кру-

тихинскую, под Красномыльскую, под Пешанскую слободы и под Катайской острог и тех слобод деревни разорили людей побили и иных в полон побрали, и за теми ворами в погоню ходили за Мияс реку до Чамаркуля озера, и тех воров постигли и многих побили, и языков взяли, и русской полон и скот отбили. А в 1709 году в марте месяце послан на изменников башкирцов и на их жилища за Уй реку. И в том походе тех воров изменников побили, и в том походе изымал языка именем Караша, и тот язык довел до пушего изменника и возмутителя Уракая, и ево де изменника Уракая и которые с ним были в улусе изменники и тех изменников и ево Уракая побили и языков взяли. Да в 1710 году мая в последних числа да они же де изменники башкирцы подбегали под Каменские заводы и под Калчаданской острог и недопустя де до Калчаданского острогу тех воров постиг и учинил с ними бой, и на том бою взял языка именем Стевеня. А иных башкирцов побили и те взятые мои вышеписанные языки Караша да Стевеня посланы в Тоболеск в канцелярию и служил с 1701 по 1712 год на береговой по вся годы, да в 1712 году послан был из Тоболеска в Катайской острог и в башкирские жилища на проезжие дороги для сыску воров, которые провозили воровски мимо заставу соболи, и тех де воров сыскал и привез в Тоболеск в канцелярию. Да в 1712 году губернатор князь Матвей Петрович Гагарин за мою службу и за взятие языка определил меня в полковники на Тюмени к конным и пешим казакам и татарам, а оклад мне определил 34 рубли, хлеба 18 юфтей, соли двадцать пуд, да вместо погребного питья на господские праздники и на царской ангел 6 ведр вина. Да в 1716 году послан был в Башкирские жилища в Уральские горы для сыску руд и хрусталу каменю, и в тех башкирских жилищах в горах обыскал руды и хрусталь, и ту руду и хрусталь привез в Тоболеск объявил губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину. Да в 1717 году по присланному из Тоболеска указу велено быть на Тюмени у переписи выдельного хлеба, и в том выдельном хлебе учинил прибыль против прежних выдельщиков семь сот четвертей. Да в 1718 году посылан был из Тоболеска разных городов со служилыми людьми на двадцати пяти коломенках с правянтном до Ямышевской крепости, и для взятия Ямышевской соли. И вышеписанной де правянт привез в Ямышевскую крепость отдал полковнику Федору Матигорову в целости и нагрузя коломенки солью приплыл в Тоболеск и оную вышеписанную соль отдал в казну великого государя. К сей скаске полковник Дмитрий Угрюмов руку приложил.

**Приказ тюменского коменданта
Семена Ивановича Дурново
об отдаче солдатских пожитков Василия Щукина.
16 февраля 1719 г.**

1719 году февраля в 16 день по указу великого государя и по приказу каменданта Семена Ивановича Дурново отданы вышеписанные салдатские пожитки: палаш да портупея, седло немецкое, кафтан суконной васильковой, шуба баранья, эпача суконная васильковая, сапоги да рукавицы коженные с валенками, сума а в ней двои портки пестрединные, камзол китайчетой лазоревой стяжной, рукавицы, перчатки равдужные, шляпа да чулки черные вязаные, штаны красные суконные, две рубашки белые холщевые, атребя китайчатые, платок да галстук холщевые, рубашка белая холщевая послана в Тоболеск по подписке Григорию Сорокину, шапка овчинная вершек суконной коришневой, галстук белой холщевой майору Илье Аксакову человеку ево Алексею Ширяеву с роспискою, а пестредь, рубашка белая, портки пестрединные отданы священнику на погребение и на поминование.

**Приказ губернатора Сибири А.М. Черкасского
тюменскому коменданту Воронцову
о присылке данных на шведских пленников.
Октябрь 1719 г.**

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца и по приказу губернатора Сибири князя Алексея Михайловича Черкасского на Тюмень каменданту господину Воронцову. В нынешнем 1719 году в октябре в 3 день в присланном великого государя указе за приписанием губернатора Сибири князя Алексея Михайловича Черкасского в Тоболеск писано, сего 1719 году июля в 22 день в указе великого государя ис канцелярии Сената в Сибирскую губернию написано, по его великого государя указу правительствующий Сенат приказали швецких полонеников которые ныне есть за хрестом, и за паролем в Московской и в других губерниях, и в гварнизоне, и по городам ведать в военной коллегии, для того при оных арестантах и ныне гварнизонной караул, а гварнизоны ведомы в военной коллегии, и для того из всех губерней что где таковых арестантов обретаецца и с которого году, и где взяты во оную коллегию прислать известие...

Далее текст утрачен.

**Челобитная архимандрита тюменского
Троицкого монастыря в тюменскую канцелярию
о даче жалованья за взятых крестьян.
5 января 1720 г.**

Державнейший царь государь милостивейший.

По указу вашего величества и за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено нам богомольцам твоим давать за взятых монастырских крестьян по двести рублей денег, да по сту четвертей ржи, по пятнадцать пуд соли на год, и того денежного и хлебного и соляного жалованья нам богомольцам твоим на сей 1720 год недано. Всемилоостивейший государь просим вашего величества, да повелит ваше державство нам богомольцам твоим то денежное и хлебное и соляное жалованье на сей 1720 год выдать, чтоб нам богомольцам твоим чем было препитаться Вашего величества всегдашнии богомольцы тюменского Свято Троицкого монастыря архимандрит Геннадий, 1720 году генваря в 5 день.

Архимандрит Геннадий з братию.

**Отписка тюменского воеводы Л. Воронцова
губернатору Сибири А.М. Черкасскому
о избииении тобольским писарем В. Сусальниковым
тюменского ямщика И.Г. Медведева.
29 февраля 1720 г.**

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца ближнему стольнику и губернатору Сибири князю Алексею Михайловичу Ларион Воронцов челом бьет, сего 1720 году феврале в 25 день бил челом великому государю, а на Тюмени в канцелярии тюменской ямщик Иван Григорьев сын Медведев и подал зарукою доношение, а в доношении ево написано сего де 1720 году феврала в 25 день наряжен он Иван в подводы до Тоболска по подорожной на одной лошади тоболского гарнизона под полкового писаря Василия Сусальникова, и едучи дорогою оной писарь бил ево Ивана насмерть, и выняв из ножен палаш просек у него голову тем палашем и обрезал руку, и от саней ево отбил и уехал он на той ево подводе один, и увез у него Ивана ягу овчинную черную, рукавицы козловые сыспотками, да мешек с овсом и с печеным хлебом. А отписку послал с вышеписанным Иваном Медведевым феврала в 29 день сего ж 1720 году и велел ему подать в Тоболску в канцелярии ближнему стольнику и губернатору Сибири князю Алексею Михайловичу Черкасскому.

**Из книги поручных записей
тюменской воеводской канцелярии
о шведских пленниках.**

Июль 1720 г.

...июля в 10 день отпущен ис Тюмени до Алапаевского заводу швецкой пленник капитан Арвит Колберх для свидания с сыном на срок сентября до 1 числа сего 1720 года, а порукою по нем швецкой пленник капитан Вили Фалк...

...июля в 19 день отпущен с Тюмени швецкие пленники до Тоболска поручик Ирик Елденбрин за поруками на срок июля до ... числа, а порукою по нем прапорщик Мангус Рев...

... того ж числа отпущен с Тюмени до Тоболска швецкой пленник Рейнголд Тол, а порукой Василей Брелмер...

**Из ведомости таможенных
и кабацких сборов в Тюмени.
1720 г.**

...В том же 1715 году февраля 1 числа по указу великого государя за рукою бывшего губернатора князя Матвея Петровича Гагарина за справою Дениса Протопова отдана на Тюмени на откуп винная и медовая продажа швецким полоненикам ротмистру Карлу Балку, ротмистру ж Пелврагу, ротмистру Аплигену, полковому квартирмистру Ислебену, черкаснину Григорью Новицкому а откупу велено им платить на год по тысяче по пятисот рублей по третям года, а торгу им откупщикам з другими дать також из наддачи или с убавкою против винного большого збору того в том великого государя указе ненаписано, и отдана та винная и медовая продажи по вышеписанному великого государя указу без торгу, и в том собрана по них порученая запись.

И в то число взято с них откупщиков тысяча триста пятьдесят рублей. А достальные против откупу сто пятьдесят рублей у вышеписанного откупщика у Карла Балка с товарищи взято в Тоболску в канцелярии и о приеме тех денег прислан на Тюмень великого государя указ за руками камендантов Ивана Бибикова, Дорофея Траурнихта за справою Гаврила Рычкова.

А в 1716 году по указу великого государя ис Тоболска на Тюмень за руками камендантов Ивана Бибикова, Дорофея Траурнихта за справою Степана Неелова тот винной и медовой откуп велено отдать оным же откупщикам швецким пленникам ротмистрам Карлу Балку, Гансу Пелврагу, квартирмистру Густаву Ислебену, поручику Фридрику Балку с торгу, а откупу с них велено брать против прежнего их откупу по тысяче по пятисот рублей и тот откуп ведали они откупщики с вышеписанного 1716

году февраля в 1 числа, августа по 1 ж число того ж 1716 года за тот же откуп потому что других откупщиков неявилось, и тех откупных денег в казну великого государя за половину года против откупу семисот пятидесяти рублей на Тюмени в канцелярии они откупщики не платили и те деньги на них в доимке.

А по ведению зарукою оных откупщиков Карл Балка с товарищи в 1716 году по словесному де приказу бывшего губернатора князя Матвея Петровича Гагарина дано ему губернатору как он был на Тюмени из откупу их без денежно меду шестнадцать ведр, шесть кружек по осьми алтын ведро, вина двойного дватцать девять ведр полпята крушки по два рубли по дватцати по три алтына по две денги ведро, да тюменским всяких чинов людям для ево приезду погребного питья дано двести восемьдесят восемь ведр вина простого по рублю по дватцати по шести алтын по четыре денги ведро, да бывшей камендант Дмитрий Зубов взял у них денег тридцать шесть рублей дватцать алтын ис того ж откупу, а отписи им в тех денгах не дал, да мед пять ведр пять кружек, тридцать шесть ведр вина двойного, два ведра вина простого.

Всего в расходе у них откупщиков на семьсот на сорок на восемь рублей на дватцать на девять алтын.

Да и по словесному ж де губернаторскому приказу будто тот расход зачтен им в откуп в Тоболску, а указ де великого государя им о том зачете не дал.

И кроме вышеписанного их расходу против откупу довелось с них донять рубль четыре алтына две денги, а те откупные денги по сей 1720 год наних откупщиков в доимке.

А порукою по них откупщиках вином откупу шведские полонники капитан Торлинде, порутчики Ирик Елденбринг, Ирик Дузбе, Яган Роткирх, Емануил Енгур, Александр Плантин, Александр Боркман, прапорщики Густав Тол, Отто Спингенберг, Питер Дрилин.

Из книги регистрации челобитий тюменских жителей.

1720 г.

Словесное челобитье тюменского жителя Григорья Томского на архиерейского золотаря Ивана Горохова в ручном бою. Дело невршено и пошлине неподписано.

(Окончание в следующем номере).

Письма:*

С.К. Патканов К.Г. Залеману**

14.X.99.***

Милостивый Государь
Карл Германович!

Сегодня заходил к Вам, но, к сожалению, не застал Вас дома. Я опять хотел переговорить с Вами относительно моего остяцкого словаря и грамматики. Суть дела Вам уже известна из моего письма к Вам весною. Я бы хотел поскорее покончить издание всех моих остяцких работ, написанных уже немало лет тому назад. Наша Академия наук мне оказала честь, напечатав под Вашей благосклонной редакцией первые два тома, озаглавленные: «Irtysch-Ostjaken etc.» . Что касается до словаря и грамматики, то она, кажется, не сочла для себя удобным напечатать их в том виде, как они написаны, а предполагала со временем издать общий сводный словарь остяцких наречий и общую сводную грамматику. Если мои работы попадут в эти издания, то мой многолетний труд, стоивший мне многих усилий и времени, будет лишь одним из многих их ингредиентов и окажется совсем обезличенным, перспектива, которая мне, откровенно говоря, не очень улыбается. Я нашел исход, который, по-видимому, удовлетворит обе стороны и вполне сохранит интересы нашей Академии наук, в дар которой я принес означенные работы. Этот проект заключается в следующем: я написал Мункачи, на каких

условиях Венгерская Академия наук может напечатать мои работы, и получил ответ, который прилагаю при сем, который меня вполне удовлетворил.

Так как я для полноты включил в мой словарь все слова Кастрена по иртышскому наречию, даже те, которые не встречаются в моих записях, то я обязуюсь вычеркнуть все эти заимствованные формы, оставив для сопоставления лишь те, которые встречаются и у меня, подобно тому, как родственные формы по северному наречию я заимствовал у Алквиста, зырянские у Видемана, татарские у Будагова и как сам Кастрен заимствовал их у других. Но и эти формы, которые я сохраняю, я снабжу знаком (к.), при будущем издании упомянутого сводного словаря Академия наук будет в этом случае иметь под руками вполне отредактированный и напечатанный труд, пользоваться которым несравненно удобнее, чем рукописью.

Что касается до замечаний г.Андерсона, то все более или менее значительные из них (непростые исправления и вычеркивания) будут, в случае, если они будут включены в труд, отмечены его инициалами. Я думаю, что при такой комбинации Академия наук не встретит затруднения разрешить мне передать мой остяцкий словарь Мункачи для напечатания на изложенных в его письме условиях. Я со своей стороны готов из автор-

* Продолжение. Начало в предыдущем номере: Лукич. 1999. №1. С.118—125.

** Залеман Карл Германович, академик, филолог-востоковед (1849—1918).

*** Письма публикуются впервые. — ПФА РАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 287.

ских экземпляров, которые получу, разделить нашей Академией 50.

Что касается до грамматики, то в настоящем ее виде она могла быть издана лишь нашей Академией наук, которой принадлежит авторское право на издания Кастрена. Составляя ее, я рассчитывал на это и предполагал озаглавить ее при печатании «Versuch Ostj. Sprachlehre v. Castren (Schiefner) (mit Ergänzungen von S.P.)». Конечно, Венг. Ак. н. в таком виде ее издать не может, т.к. это нарушило бы интересы нашей Ак.н., это совершенно ясно. Но, может быть, можно было бы вычеркнуть в ней все, что мною заимствовано у К., поставить лишь мои личные дополнения с указанием параграфов Кастреновой грамматики, к которым они относятся. Озаглавить ее можно было бы также: «S.P. — Ergänzungen zu C's. Versuch e Ostj. Sprachl.»** или в этом роде.

Если бы Академия наук нашла возможным удовлетворить мою просьбу о разрешении напечатать обе эти работы, или по крайнем мере первую, в Венг. Ак. н., она доставила бы мне огромное удовлетворение в скором времени увидеть выпшедшими в свет все мои труды по изучению инородцев С.З. Сибири, осужденные иначе потерять с течением времени половину своего значения и, может быть, остаться ненапечатанными.

Мне очень совестно, что я Вас постоянно утруждаю своими просьбами и делами, но Вы всегда были так добры и любезны ко мне, что я и на этот раз решился потревожить Вас.

В ожидании от Вас благосклонного ответа я имею честь просить Вас, милостивый государь, принять мои уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

Готовый к услугам

С. Патканов

P.S. 1. Просмотрели ли Вы последние листы «Irt-Ostj», подписанные мною к печати?

2. Покорнейшая просьба вернуть письмо Мункачи по миновании надобности.

Милостивый Государь
Карл Германович!

После Вашего любезного письма я ответил Мункачи на его предложение утвердительно и занялся переделкой грамматики, из которой выкинул большую часть заимствований от Кастрена, заменив их ссылками на соответствующие параграфы его грамматики. Изменил я несколько и предисловия, и теперь книга готова для отсылки в Буда-Пешт.

Так как Вы были так добры и обещали известить меня о мнении Академии по этому поводу, я беру на себя смелость еще раз тревожить Вас просьбой сообщить мне, имеется ли с какой-нибудь стороны препятствие к отсылке моего остяцкого словаря и материалов для грамматики в Буда-Пешт для их напечатания: первого в трудах королевской Академии и вторых в «Revue Orientale» на известных Вам условиях. Сообщением этого Вы премного обяжете глубоко уважающего Вас и преданного Вам

С. Патканова

30.XI.99.

Милостивый Государь
Карл Германович!

В рецензии на I т. «Irtysch - Ostjaken» в «Этногр. Обзор.» 1897 №3 говорится между прочим следующее:

«К сожалению, Академия, издавшая труд г. Патканова, не украсила главы, касающиеся материальной культуры описываемой народности, рисунками. Описания жилища, одежды, украшений и т. д. никогда не бу-

* (нем.) «Ост. языковая теория Кастрена» (Шифнер с дополнениями С.П.).

** (нем.) «Дополнения к Кастреновым наброскам остяцкой языковой теории».

дут достаточно ясными, если они не сопровождаются рисунками; отсутствие последних особенно дает себя чувствовать при описании орнамента, который, в частности у остяков, чрезвычайно богат и представляет, кроме того, много своеобразных черт. Вследствие этого описания г. П. вышивок и др. способов и характера орнаментации у остяков не могут дать точного представления об их стиле: между тем для такого крупного учреждения, каким является Им.Академия наук, денежные затраты, с которыми сопряжено издание рисунков, едва ли бы составили серьезное затруднение... и т.д.

С этими словами, я думаю, нельзя не согласиться. Он предлагает взять рисунки из Тобольск. или др. музея. Но я сам привез из Сибири очень интересные вышивки южных остяков с Конды, состоящие из 2 женских рубашек и целого ряда грудных и головных украшений из бисера изящных рисунков. Кроме того, у меня имеются 2 остяцких инструмента (домбра и лебедь), лук, колчан и шесть разных стрел (крылышки их поедены молью). Если бы можно было приложить эти вышивки и предметы в виде рисунков, то издание наверное от этого много бы выиграло. Чтобы Вам убедиться в справедливости моих слов, я бы мог привезти Вам на показ эти вышивки в четверг или воскресенье от 11 ¹/₂ ч. утра до любого часа, который Вы назначите. Каким образом исполняются подобные рисунки в красках, я совершенно не знаю.

В ожидании Вашего любезного ответа остаюсь преданный Вам и готовый к услугам

С. Патканов

6 февр. 1900

Милостивый Государь
Карл Германович!

Большое спасибо за любезно при-

сланную мне карточку. Я провел праздники в Одессе у своего дяди и поэтому не мог вовремя принести Вам мои сердечные пожелания о всяком благополучии. Полагая, что лучше поздно, чем никогда, я покорнейше прошу Вас принять эти пожелания теперь.

Я Вам некоторое время тому назад написал письмо, в котором излагал проект приложений к 2-й части моей книги, ныне печатаемой: рисунки типичных вышивок и некоторых предметов обихода, как это сделано у Ahlquist'a в «Unter Wogulen u Ostjaken», у Харузина «Русские лопари» и т.д., что делает книгу солиднее. Имеется у меня и составленная мною для этого случая этнографическая карта Тобольского округа, на которой нанесены все б. или м. значительные селения инородцев края (остяков, вогулов, татар) и наиболее крупные русские. Подобной карты для Сибири до сих пор не существует, и поэтому она с успехом может заменить совершенно неверный набросок карты Алквиста (в «Unt. Wog. u Ostj.»).

Зная Ваше хорошее отношение ко мне, я надеюсь, Вы не будете иметь ничего против того, чтобы я к Вам зашел как-нибудь утром для личных переговоров по этому делу. Я для наглядности захвачу с собой карту и часть вышивок.

В надежде с Вами скоро увидиться я остаюсь преданный Вам и готовый к услугам

С. Патканов

16.IV.900.

Милостивый Государь
Карл Германович!

Препровождаю Вам при сем смету на карту Тобольского округа (400 экз.) и остальные вышивки. Может быть, Академия найдет возможным напечатать то и другое на славу отечественной науке.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

Готовый к услугам

С. Патканов

28.IV.900

Многоуважаемый
Карл Германович!

Я совсем не предполагал, что рисунки могут стоить 400 руб., то есть много более оригиналов. С Вашим предложением уступить их в этногр. музей я вполне согласен, а в нем (их) наверное нет образцов с Конды, откуда происходят все мои вышивки. Если я буду иметь их верную передачу в книге, а в этом я не сомневаюсь, то они мне не нужны.

Если будет место, можно взять кушочки с груди и рукавов и изобразить рубашку и платок (хатань-охчам) в виде маленькой кроки без красок, чтобы показать фасон. Впрочем, Вы, конечно, сами знаете, что надо сделать, чтобы было красиво и удобно и не переступило ассигнованную сумму.

Есть у меня еще верхняя меховая самоедская одежда из белого оленьего меха (мехом наружу) и такие же сапожки. Эти предметы я тоже могу уступить этногр. музею, если надобно.

Теперь относительно таблицы с инструментами, луком и стрелами. Кажется, Вы против этой таблицы без красок ничего не имели, т.к. Вы, помнится, сказали, что она не дорого будет стоить. Равным образом согласна ли Академия напечатать мою этнографическую карту, которую я вам показывал (Карта Тобольского округа), интересную в том отношении, что здесь проходит северная граница татар, южная граница остяков и западная вогулов. Стоит эта карта (400 экз.) 87 руб., как я Вам уже сообщил.

В ожидании Вашего благосклонно-

го ответа я остаюсь с совершенным почтением преданный Вам

С. Патканов

23.V.900.

Милостивый Государь
Карл Германович!

Простите, что я Вас вновь беспокою по поводу книги. Дело в следующем: я просил г. Каминского сделать мне по 25 экз. I и II таблицы. Он мне сообщил, что теперь вновь напечатать нельзя, а что он постарается набрать должное число экземпляров из таблиц, приготовленных на счет возможного брака. Второй таблицы оказалось всего 15 экзempl.

Просьба моя заключается в следующем. Не уступит ли Мне Академия эти экземпляры, т.к. они ей не нужны, будучи сверхкомплектными (т.е. сверх 400 экз.).

Из I табл., может быть, она уступит еще 10 экз., тогда получится для книг 390 экз., которых вполне достаточно для заказанных Академией экземпляров (кажется, для нее самой 300 экз., для меня авторских 75 и 13—15 для раздачи в Публ. библ. и т.д.).

Г. Каминский за эти сверхкомплектные (сверх 400 экз.) экземпляры особой платы не взял, т.к. они в качестве напечатанных на случай брака уже оплачены (или будучи оплачены) в сумме денег, которую он получил по счету за 400 экз. Мне бы эти экземплярыгодились для моих оттисков (25), которые я заказал в типографии. Если Академия не найдет возможным уступить мне эти лишние карты, так я готов заплатить за них известную сумму.

Карты же я заказал 25 экз. за свой счет.

Сообщением мне Вашего решения Вы премного обяжете уважающего Вас и преданного Вам

С. Патканова

1.IX.900.

Многоуважаемый
Карл Германович!

Премного Вам благодарен за любезно присланный отзыв о моей работе, над которой благодаря моей вине Вам пришлось так много потрудиться. Отзыв этот, достаточно лестный для автора, был мне прислан несколько недель тому назад самим Dr. Сунаном, издателем «Peter. Mitth», с которым я имел удовольствие лично познакомиться во время Географического конгресса в Берлине в 1899 г.

Примите, Милостивый Государь, еще раз мою искреннюю благодарность за хлопоты.

Преданный Вам и готовый к услугам

С. Патканов

24-го февр. 1902.

Милостивый Государь
Карл Германович!

Когда мой остяцко-немецкий словарь печатался в Буда-Пеште, венгры выкинули русскую часть, заменив ее венгерской (без этого они не соглашались печатать мой словарь). Ввиду того, что наша Академия наук имела в виду собирать материалы для остяцкого словаря всех наречий, чтобы издать его впоследствии, когда накопится достаточное количество источников, то я хотел бы Вас спросить, может быть, для означенной цели пригодится и русский перевод остяцких слов в моем словаре, неиспользованный в изданном в Буда-Пеште словаре. Дело в том, что эта русская часть представляет оригинал, с которого переведена немецкая часть. Она точнее передает смысл остяцких слов уже ввиду того, что в Сибири много провинциализмов и местных слов, не имеющих соответствия в европейских языках. Таким образом, если Вы сочтете, что эта русская часть моего слова-

ря может пригодиться для будущего сборного словаря, я могу ее доставить к Вам на дом для хранения ее до поры до времени в архивах Академии.

Если же почему-либо Вы признаете эту часть моего словаря непригодной для вышеуказанной цели, я бы мог передать ее архив И.Р.Геогр. общ-ва.

Сообщением ответа Вы премного обяжете преданного Вам и всегда готового к услугам

С. Патканова

8.II.904.

В I Отделение Имп. Академической библиотеки

М.Г.

Имея в своем распоряжении известное число свободных экземпляров моих трудов (по статистике, географии и лингвистике населения России, главным образом Сибири), а также труды моего покойного отца (по арменоведению и Передней Азии), я был бы готов пожертвовать в библиотеку Имп. Академии наук те из указанных трудов, которые в ней не имеются и которые ей желательно иметь. Прилагаю по сему при этом списки этих трудов с просьбой отметить на их полях карандашом желаемые издания (если желательно иметь два экземпляра, прошу указать это). Получив обратно эти списки с пометками Академии наук, я доставлю просимые экземпляры, если они окажутся среди имеющихся у меня книг.

Вместе с сим покорнейше прошу передать до отсылки мне списков эти ... во II Отделение Академической библиотеки, так как немало из упомянутых книг издано на иностранных языках.

С совершенным почтением

С. Патканов

Б. Пушкинская ул., 3, кв. 19

16.IX.11.

Многоуважаемый
Карл Германович!

Отобрал из имеющихся у меня в наличии книги желаемые издания, хотя, к сожалению, из трудов отца более ранних у меня нет. Некоторые я выпишу из Тифлиса, где они на комиссии, и передам Вам. Моя остаточная грамматика у Вас должна

иметься, я ее Вам, помнится, послал; если же она утрачена, я вышлю Вам ее.

Соблаговолите прислать сторожа за книгами (если можно, с веревкой) в любое время.

Преданный Вам *С. Патканов*
Никольская площ., 4, кв. 8
28.X.11.

С.К. Патканов — С.Ф. Ольденбургу

Многоуважаемый*
Сергей Федорович

Простите за задержку ответа, теперь вообще нелегко на Руси что-нибудь выполнить, а у нас в Комитете в особенности. Комитет в полной разрухе, часть служащих, включая библиотечаршу, в забастовке и не посещают К., часть с начальством эвакуировалась в Москву, часть поневоле бастует вследствие невозможности выехать в Москву, я в числе этих последних. Ввиду того, что я имею доступ в К., я навел справку по карточному каталогу относительно требуемой книги «Австрийская перепись 1910 г.» I т. (тетр. Summarische Ergebnisse) и нашел ее в каталоге, но не на указанном листе в шкапу, где ее не оказалось. Такой книги вообще у нас в беспорядке вследствие неоднократных переездов и вследствие недостатка помещения для размещения книг, то возможно что эта книга попала на другую полку. Вероятно, однако, что она у кого-нибудь на руках, потому что до войны и в ее начале предполагалась 2-я перепись населения, и велась подготовительные к ней работы. Я кое-кого, у кого она может быть, рас-

спрошу об этой книге, но сомневаюсь в успехе, пот. ч. почти все или бастуют, или разбрелись, да и разрешения на получение книги из библиотеки трудно получить, потому что наш комиссар — товарищ Алгисов — почти всегда или в отъезде, или занят и вообще недоступен, а остальные чины не властны дать подобное разрешение.

В ближайшем будущем предполагается закрыть Комитет в Петрограде совсем, и тогда туда попасть совсем нельзя будет. Мне с великим трудом удалось выудить из помещения К. мои материалы по племенной карте, пот. ч. начальство и другие чины все подозревали, что эти материалы или их часть составляют казенное имущество, которое бастующие чины желают расхитить, но я все-таки по частям утаскиваю свои материалы домой (как после первой забастовки тащил их из дому в К.), и теперь более половины их у меня. Все это в связи с полной небезопасностью в будущем, сильным холодом дома и возможностью отъезда в Москву очень тормозит дело составления племенной карты, которая за это время не подвинулась вперед. За-

* ПФА РАН. Ф.2. Оп. 1 (1917). Д. 30. Л. 231–232, 232об.— Публикуется впервые.

кончил я только табличную 100-верстн. карту Сибири, т.е. подготовил ее к печати. Эта карта будет необходима для нанесения на нее всех показаний и признаков этнографической карты и племенной карты в частности. Хотя она выполнена для II Отдела Комиссии по составл. плем. карт Р. при Геогр. общ-ве, но она пригодится и для нас, так что все же кое-что сделано. По окончании первой забастовки, в феврале, условия были довольно благоприятны, я имел нехолодную комнату в К. и собирался приступить к работе, но через 2 недели было предложено поехать в М., и после отъезда начальства и части чинов в М., правильная служба прекратилась, чины стали выброшенными за борт, комнаты перестали

должным образом отапливаться и т.д.

Полагаю, что приibl. то же царит и в других правительственных учреждениях. Работать при подобных условиях почти невозможно, пот.ч. насущные жизненные вопросы заглушают мысли. Простите, что надоел Вам этими излияниями, но они необходимы для пояснения неуспешности возложенной на меня миссии. И списки народностей, и этнограф. карты, котор. я Вам передал, выполнены недостаточно вдумчиво, в особенности 2 список.

Примите уверения в моем глубоком почтении и в моей преданности, готовый к услугам

С. Патканов

Садовая, 88, кв.18
27.III.18.

Воспоминания о Н.М. Чукмалдине*

(Из записной книжки тюменского обывателя)

По случаю смерти Н.М. Чукмалдина на страницах «Урала» была уже помещена краткая биография и характеристика деятельности умершего.

В настоящее время мы имеем в своем распоряжении факты, служащие яркой иллюстрацией общественной деятельности этого поистине замечательного человека, который в течение всей своей жизни

*Заветы Христа исполняя,
Ближних любил, как себя...
И делал доброе дело
Среди царящего зла!..*

Имеющимися у нас данными мы считаем для себя нравственную обязанностью поделиться с читателями.

* * *

С момента переезда Н.М. на постоянное жительство из г. Тюмени в Москву им затрачено на улучшение социально-экономического быта своих сородичей, крестьян д. Кулаковой, как это констатировано

отчасти документальными данными, находящимися в Троицком волостном правлении, частью документами, хранящимися при делах Кулаковского сельского училища, и, наконец, рассказами крестьян-старожил, до 120000 рублей — это самое меньшее.

На означенный затраченный капитал Н.М. для д. Кулаковой и отчасти Гусельниковой сделал следующее.

Построено каменное двухэтажное здание для сельской школы, стоящее с местом земли, с устройством обширного сада, огорода и надворных построек свыше 20 тысяч рублей.

Считаем небезынтересным познакомить читателей более детально с поименованными выше просветительными учреждениями.

Кулаковское сельское училище существует на 706 мужского и 802 женского пола душ, живущих в двух деревнях: Кулаковой и Гусельниковой.

* Печатается по изданию: Л.С. Опрокиднев. Воспоминания о Н.М. Чукмалдине: Из записной книжки тюменского обывателя. Екатеринбург: Типография ежедневной газеты «Урал». 1901. 20 с.

Придавая тексту и сносам современную орфографию, издатель старался максимально сохранить статью в том виде, в котором ее видел читатель прошлого века.

Училище помещается в пожертвованном попечителем училища Н.М. (в должности попечителя он состоял уже почти $\frac{1}{4}$ столетия и избран пожизненно) в каменном фасаде — одноэтажном, а с задней стороны — двухэтажном доме. Нижний этаж состоит из двух классных комнат, двух коридоров, комнаты для библиотеки и комнаты для сторожа; в верхнем этаже помещается квартира учителя, состоящая из четырех чистых комнат, кухни, коридора и кладовой. Помещение училища в гигиеническом отношении представляет собою полнейшее совершенство. Отхожие места имеются на дворе, отдельно для мальчиков и девочек, содержатся они удовлетворительно. При училище имеется флигель для мастерской ручного труда.

Классной мебели по числу учащихся достаточно.

На содержание училища ежегодно отпускается попечителем училища Н.М. 540 рублей, из них на учебные пособия — 70 руб., на страхование — 80 руб., на содержание сада — 120 руб., на отопление, освещение и сторожа 270 руб. и особо на жалованье помощнице учителя 180 руб. и на наем ей квартиры 48 руб., общество же дает только подводу для законоучителя.

Кроме обычного преподавания, какое установлено для сельских школ программой, учащиеся обучаются ручному

труду, введенному в 1891 году. Мастерская устроена на средства и по инициативе попечителя училища Н.М. Преподаванием ручного труда занимается учитель этого училища г. Бабинин, ознакомившийся с приемами преподавания на курсах при С.-Петербургском учительском институте, без всякого вознаграждения. Занятия в мастерской производятся после классов с $2\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ часов пополудни. На обстановку мастерской затрачено до 500 рублей, а на материалы, инструменты и прочее ежегодно расходуется до 20 рублей. Работы учащихся в продажу не поступают. Ручной труд преподается по обработке на дереве местных пород (сосны и березы). Занимаются ручным трудом учащиеся старшего и среднего отделений. Желающие заниматься ручным трудом за недостижением ими физической возможности остаются неудовлетворенными в их желании. Ученики, занимающиеся ручным трудом, делятся на две равные группы, каждая группа работает по 6 часов в неделю.

Ручной труд преподается по программе, выработанной С.-Петербургским учительским институтом для работы по дереву. Курс обучения — двухгодичный. В мастерской ручного труда главным образом вырабатывают вещи для домашнего обихода.

При училище имеется бесплатная народная библиотека-

читальня, заключающая в себе 178 названий, 207 томов на сумму 202 рубля 80 копеек. Библиотека посещается охотно. Устроена она на средства Н.М.

Учительская библиотека (школьная) имеет 154 названия, 330 томов на 170 рублей 66 копеек, а ученическая — 228 названий, 307 томов на сумму 108 рублей 56 копеек.

Построена церковь (каменная), сооружение которой, а равно и заведение для церкви утвари, ризницы, устройство иконостаса, приобретение колоколов и прочее стоит до 60000 рублей. Независимо затраченного капитала, потребуются еще до 6—8 тысяч рублей на постройку дома для причта, церковной ограды и разведение сада.

В д. Кулаковой и Гусельниковой, как известно, развита в высокой степени кустарная промышленность: здесь вырабатывается на довольно значительную сумму как зимних, так равно и летних экипажей для сельскохозяйственного обихода и в менее значительной степени развит коверный промысел, которым исключительно занимаются женщины и подростки-девочки. Н.М., видя, что кустари за неимением свободного оборотного капитала эксплуатируются более зажиточными крестьянами-торговцами, скупая подчас за бесценок предметы кустарного производства, задался идеей создать Кулаковско-Гусельниковский сельский банк.

Сделал предложение названным обществам, и последние согласились. В основной капитал названного выше кредитного учреждения Н.М. пожертвовано было 3000 рублей с тем, однако, условием, чтобы часть процентов, полученных от операций на означенный капитал, была отчислена в пользу Кулаковского сельского училища. Банк открыл свои действия пять—шесть лет тому назад. Ссуда выдается кустарям и земледельцам в одни руки от 5 до 100 рублей. При выдаче ссуды от 5 до 40 рублей поручительства не требуется, а свыше требуется поручительство двух—трех обывателей. Кулаковско-Гусельниковский сельский банк принимает вклады из 5% годовых. В данное время все капиталы по опекам сирот находятся для приращения капитала процентов в названном выше кредитном учреждении ввиду того, что ссудосберегательная касса государственного банка платит только 3,6% за рубль.

Влияние банка на экономическое развитие деревень Кулаковой и Гусельниковой, как рассказывают мужички, получилось весьма благотворное: наглядно видно, что у многих кустарей и хлебопашарей, и особенно у тех, которые к делу относятся серьезно, не пьянствуют и платят аккуратно, хозяйство с каждым годом улучшается.

Николай Мартемьянович в течение многих лет боролся с

кабаком, который, по его глу-бокому и абсолютно безошибочному мнению, разлагающим образом влияет на социально-экономическое положение его сородичей! Лет двадцать тому назад ему удалось убедить своих земляков в том, что кабак, кроме зла, ничего не приносит. Кулаковцы согласились в своей деревне кабак не открывать. Покойный был весьма этому рад. Он думал, что кабак им победен. И вот за то, что кулаковцы согласились в своей деревне не иметь кабака, Н.М. обязался платить им по 300 рублей ежегодно, что и выполнял в течение 12—15 лет. К сожалению, подобное мероприятие не принесло положительных результатов. Пьянство в д. Кулаковой, как и при функционировании кабака, процветало, причем начала сильно развиваться тайная продажа вина. Убедившись по опыту в бесплезности предпринятой к пресечению пьянства меры, Н.М. выдачу 300 рублей прекратил. Ввиду этого кулаковцы с одного из тюменских винных королей за право открытия кабака в их деревне взяли 325 рублей, и таким образом главная улица д. Кулаковой снова украсилась вывеской с классической надписью: «Распивочно и на вынос».

1896 год. Н.М. во время коронационных торжеств приехал в д. Кулакову. Собрал сход, на котором по поводу кабака, об-

ращаясь с речью к своим землякам, Н.М. сказал приблизительно только следующее: «Неужели вы, сородичи, сроднились с кабаком настолько, что не в силах с ним расстаться. Если это действительно так, то откройте в таком случае лучше общественный кабак; тогда, по крайней мере, прибыль, полученная от самого пропоя, поступит в вашу же пользу». На приобретение патента и водки Н.М. пожертвовал 700 рублей. Мужики на открытие кабака согласились. Общественный кабак в селе Кулаковском действует и по настоящее время, чистая прибыль от которого достигает ежегодно до 1000 рублей.

Факт этот действительно ярко поучительный для борьбы с народным пьянством.

В восьмидесятых и в начале 1900 г. в д. Кулаковой существовал абсолютнейший голод вследствие неурожая хлеба и травы. Но в такие тяжелые годы положение кулаковцев значительно облегчалось, так как к ним приходил на помощь Н.М. В голодные годы Н.М. всем, без исключения, выдавал хлеб, как на пропитание, так равно и на обсеменение полей, чай, сахар, одежду и деньги.

В восьмидесятых годах после голодовки Н.М. задался мыслью организовать запасный хлебный магазин на тех основаниях, чтобы он находился вне правительственного контроля.

Для проведения своего проекта в жизнь Н.М. приступил весьма энергично, но, к сожалению, учреждение это погибло при самом его зарождении, так как мужички полученный хлеб от Н.М. для обсеменения полей на условиях возратить таковой из 10 процентов (вместо пуда нужно было внести в запасный магазин один пуд 4 фунта) не только не отдали условленный процент, но не возвратили даже и взятый хлеб.

Благодаря халатности мужичков задуманное Н.М. доброе дело, таким образом, погибло, не успевши расцвести.

В 1894 году $\frac{2}{3}$ домов деревни Кулаковой были истреблены грозой, огненной стихией; пожар происходил в самый разгар страдной поры, вследствие чего в деревне оставались дряхлые старики, старухи да малолетние дети; благодаря этому огнем были уничтожены не только дома и надворные постройки, но и в большинстве случаев и все имущество, а равно и хлеб.

В такое-то тяжелое для кулаковцев время на помощь к ним пришел Н.М. Помощь, по словам кулаковцев, была солидная: он выдавал погорельцам хлеб, чай, сахар, одежду и, кроме этого, каждому погорельцу пожертвовал по 10 рублей, а более нуждающиеся обращались за пособием к Н.М. и потом и всегда получали удовлетворение.

И в обыкновенное время, случится ли в крестьянской семье какое-либо крупное несчастье, которое грозит упадком хозяйству, Н.М. по первой же просьбе приходил на помощь материально, причем давал и разумные советы о том, как выйти из беды.

Желая заинтересовать своих сородичей в ведении сельского хозяйства на рациональных началах, а также желая развить на своей родине пчеловодный промысел, Н.М. посылал неоднократно усовершенствованные земледельческие орудия, культурные хлебные и огородные семена, а тем лицам, которые будут заниматься пчеловодством, обязался платить в виде премии за каждое улье пчел по 15 рублей. Но все его благие начинания в области усовершенствования сельского хозяйства разлетались, что называется, в пух и прах от косности и рутинерства его сородичей — этой скалы, над которой толстым слоем висит непроницаемый мрак.

Убедившись в том, что ломка ведения сельского хозяйства может принести положительные результаты только тогда, когда на смену стариков-рутинеров явится молодое поколение, более развитое в умственном отношении и научно подготовленное к ведению сельского хозяйства на рациональных началах, Н.М. было принципиально вырешено построить

техническо-земледельческое училище. Постройка подобного училища вызывалась еще и тем соображением, что существующие в Тюменском уезде кустарные промыслы, благодаря отсутствию как в городе Тюмени, так равно и его уезде технического училища, не выдерживают конкуренцию, и, таким образом, продуктивность кустарного производства с каждым годом падает.

Означенное техническо-земледельческое училище Н.М. предполагал построить в д. Кулаковой. Для поступления в предполагавшееся училище имели право дети кустарей и земледельцев всего Тюменского уезда, а также и дети ремесленников, живущих в Тюмени.

Тяжелый болезненный недуг не дал совершить Н.М. при жизни своей это великое дело, которое, без сомнения, в будущем принесло бы для Тюменского уезда, а также и Тюмени обильные плоды.

Полученная телеграмма в д. Кулаковой о смерти Н.М. произвела среди его сородичей сенсацию, в полном значении этого слова. Абсолютно все обыватели д. Кулаковой, не исключая и детей, весьма сожалеют о том, что тяжелый болезненный недуг переселил их благодетеля и отца в лучший мир, где нет ни болезней, ни печалей, ни вздыханий, но где жизнь бесконечная. Нужно лично видеть этих мужичков, женщин и де-

тей, чтобы понять их душевную скорбь о преждевременной и неожиданной смерти Н.М., здоровье которого было цветущее, и никто не думал, что смерть так скоро лишит его жизни. Пишущему эти строки при посещении д. Кулаковой 25 апреля пришлось все это видеть и от всего этого приходится прийти к тому выводу, что крестьяне д. Кулаковой и Гусельниковой от мала до велика питают к покойному Н.М. истинное чувство беспредельной любви. Желая почтить память покойного, кулаковцы предполагают возбудить ходатайство в установленном порядке о разрешении в кулаковской сельской школе повесить портрет незабвенного для них Н.М., а школу назвать его именем. На гроб покойного названными сельскими обществами принципиально вырешено возложить массивный образ Николая-Чудотворца, имя которого носил покойный, а учащие и учащиеся сельского кулаковского училища вырешили возложить венки.

При погребении будут участвовать и представители крестьянского самоуправления Троицкой волости.

Сделав насколько возможно очерк общественного служения Н.М. на благо и пользу своих сородичей д. Кулаковой, перейдем к описанию общественной деятельности Н.М. за то время, когда он жил в Тюмени, за время, когда он лучшие свои

молодые силы, ум, энергию и время тратил для блага тюменского общества.

Живя в Тюмени и ведя уже самостоятельную торговлю, сначала в компании с Афанасием Козьмичом Глазуновым (ныне умершим), а затем один, Н.М. много сделал добрых дел и для обывателей Тюмени.

Он первый возбудил вопрос в интересах сибирской торговли и промышленности о соединении Обского бассейна с Волжско-Камским рельсовым путем. По поводу этому он с К.В. Высоцким (ныне тоже умершим) составил мотивированную докладную записку о плавании по реке Туре пароходов и о направлении предполагаемой железной дороги. Записка эта от лица тюменского общества в 1869 году была представлена в Пермский железнодорожный комитет.

Вопрос этот, как известно всем и каждому, разрешен был в высших правительственных сферах в благоприятном смысле.

Н.М. служил подряд несколько четырехлетий гласным как в дореформенной думе, так и в реформированной и был одним из самых деятельных просвещенных слуг обществу.

Всегда стоя в курсе общественных дел, в интересах последних, Н.М. на страницах столичной повременной прессы, а также и сибирской помещал из Тюмени корреспонденции, которые здесь производили сен-

сацию и иногда имели воздействие на разрешение вопросов в желательном смысле.

По инициативе Н.М. в начале семидесятых годов в Тюмени был учрежден приказчий клуб, в организации которого он принимал самое деятельное участие. В основе организации клуба лежал, главным образом, обмен мыслей.

В 1874 году Тюмень посетил Великий князь Алексей Александрович. К этому времени, благодаря инициативе Н.М., в интересах кустарного и заводско-фабричного производств была устроена выставка. В организации этой выставки Н.М. принимал весьма энергичное участие.

В былое доброе старое время шерсть, получаемая от обработки в кожевенных заводах яловых и конских кож, а также и овчин, не имела почти никакой ценности. Н.М. обратил на это внимание и начал огромными партиями вывозить этот продукт сначала на рынки Европейской России, а затем и на мировые за границу. Его примеру последовали другие, и стоимость шерсти увеличилась в несколько раз, а это небезразлично для заводладельцев, и особенно тех, у которых производство выделки кож носит характер кустарного промысла.

Н.М., как просвещенный коммерсант, старался всеми силами своей благородной

души оказывать всевозможное содействие в сфере усовершенствования кустарных изделий. Он при содействии К.В. Высоцкого и А.К. Глазунова в этом направлении делал попытки, и первые его опыты были произведены для усовершенствования коверного промысла, как одного из самых распространенных в Тюменском уезде. Они организовали для этой цели маленькую коверную фабрику-школу (школа эта помещалась в доме А.К. Глазунова, ныне принадлежащем Н-м И.И. Клерикова), выписали из Москвы ткацкие станки, материалы, кроме шерсти, мастеров и одного чертежника-рисовальщика. В означенную фабрику-школу принимались для обучения девочки, которые, кроме полного пансиона, получили еще и жалованье, согласно их способностям и успехам. Означенная школа-фабрика работала первый год прекрасно, и результаты получились поразительно хорошие, сверх всяких ожиданий. С таким успехом фабрика-школа работала с небольшим год, т.е. до того времени, пока Н.М. не переехал на жительство из Тюмени в Москву. С отъездом его главное наблюдение за фабрикой-школой было возложено на В.В. Ефремова, человека довольно молодого, крайне неопытного, благодаря этому фабрика-школа начала приносить отрицательные результаты, вследствие

чего volens-nolens пришлось дела ликвидировать

После первой неудавшейся попытки в сфере усовершенствования кустарных промыслов Н.М. учредил премию при Тюменском Александровском реальном училище в 300 рублей за сочинение на тему: «Состояние сельскохозяйственной, кустарной и фабрично-заводской промышленности с историческим очерком их развития». Крайнему сожалению, представить сочинение никого не оказалось несмотря на то, что с момента учреждения означенной премии прошло, кажется, 5 лет.

Н.М. принимал деятельное участие в организации частной школы И.В. Канонникова, предназначенной для приготовления детей в средние учебные заведения.

В этой школе получил первоначальное общее образование И.И. Канонников, в настоящее время доктор химии и профессор Московского университета; до назначения в Москву занимал кафедру профессора в Казанском университете.

Живя в Москве в 80-х годах, Н.М. принимал деятельное участие в организации общества вспомоществования учащимся сибирякам в учебных заведениях города Москвы, а затем, когда означенное общество открыло фактически свою деятельность, то Н.М. служил подряд несколько лет членом правления

и всегда оказывал учащимся своим землякам материальную и нравственную поддержку.

Н.М. до последних дней своей плодотворной жизни оказывал материальную поддержку и многим благотворительным обществам, функционирующим в Тюмени. Так, например, он поддерживал существование общества трезвости, в особенности общества вспомоществования бедным учащимся в приходском и уездном училищах. В последнее общество он жертвовал и книгами, и вещами, и учебными пособиями, и деньгами. Когда же было окончательно вырешено строить здание для народной аудитории, то Н.М. первым откликнулся на это великое и поистине святое дело, заявив правлению названного школьного общества, что он жертвует 1000 рублей.

Не далее как в прошлом году Н.М. предлагал городскому общественному самоуправлению принять в дар очень ценный естественноисторический музей, но наши «избранники» от такого дара отказались под тем предлогом, что город не имеет средств построить здание для помещения музея. Ввиду такого нелепого отказа Н.М. музей пожертвовал в собственность Тюменского Александровского реального училища. Согласно воле жертвователя, в праздничные дни музей должен быть открываем для публики.

Музей этот, стоимость которого определяется в 10 тысяч рублей, включает в себе ценные в научном отношении коллекции по археологии, исторической и доисторической палеонтологии, ботанике, минералогии и зоологии, всего немного свыше 4000 предметов.

Означенный ценный музей сформирован упорным и многолетним трудом известного сибирского археолога И.Я. Словоцова, директора Тюменского Александровского училища.

Н.М. вступил на самостоятельное поприще своей деятельности как коммерсант и как общественный деятель в начале шестидесятых годов, т.е. в такое время, когда в нашем дорогом отечестве происходило умственное движение самым ускоренным темпом. Понятно, что подобное движение не могло не охватить и Н.М. — этого сибирского самородка.

Н.М. служил центром тяготения лучших людей того времени г. Тюмени. Сплотился тесный кружок, в состав которого входили: К.В. Высоцкий (бывший учитель), Д.И. Лагин (купец), А.К. Глазунов (купец), А.А. Павлов (корреспондент многих газет), г. Калугин (служащий), И.В. Канонников (купец), Калганов (художник), Т.А. Тимофеенков (служащий), В.В. Ефремов (служащий) и многие другие. Устраивались довольно часто литературные вечера, происходили споры по вопро-

сам литературы, читались статьи, предназначенные к печати, и т.п. Одним словом, этот кружок олицетворял собою центр умственной тюменской жизни, и Н.М., бесспорно, благодаря своим природным качествам, занимал в этом кружке место центральной личности.

Кружок этот оказал громаднейшее воздействие в сфере умственного пробуждения на многих молодых людей, из числа коих в будущем вышли выдающиеся и просвещенные деятели, как, например, Т.А. Тимофеев, В.В. Ефремов и др.

Помянутый кружок благотворно повлиял и на купцов-рутинеров. Последние убедились в том, что образование приносит пользу, начали охотно детей своих отдавать в высшие учебные заведения.

В заключение скажем, что Н.М., будучи от природы награжден недюжинным умом, обладал всегда необычайной энергией, тактом и крайне добрым и мягким характером. Это

был поистине русский самородок, который, скажем словами поэта, «Стоит немецких философов пары».

Это был человек в полном значении этого слова. Это был истинный христианин, который в течение всей своей жизни строго исполнял Евангельские заветы.

Причем нужно отметить в характере Н.М. одну благороднейшую черту, заключающуюся в том, что альтруистическая его деятельность, направленная к поднятию духовного роста родной его деревни, к облегчению нужды и страданий, является чисто, так сказать, из принципа сделать пользу и добро наименьшей братии, а не из чувства, подогретого глупым эгоизмом, что доказывается уже тем фактом, что построенное им училище и им содержимое именуется Кулаковским, а не именем Н.М. Чукмалдина.

Мир праху твоему, дорогой земляк и честный гражданин земли русской!

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института.

Печатался в Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея, газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. Постоянный автор журнала «Лукич».

Н. Д. Машаров и К^о

Мы, русские люди, мало чтим и помним таланты своих соотечественников вообще, а на поприще труда и промышленности — вособенности. Выдающихся людей мы едва помним имена в первом поколении и сосем забываем в поколении следующем.

Н. М. Чукмалдин

В следующем, 2000 году исполнится 100 лет, как предприниматель Николай Дмитриевич Машаров основал в Тюмени чугунолитейный завод на месте небольшой мастерской Заколяпина и Сапожникова.¹ Основание завода совпало по времени с громким успехом мастеров Каслинского завода.

В 1900 году в Париже на Всемирной торгово-промышленной выставке изделия Каслинского чугунолитейного завода завоевали Большую золотую медаль. Высшая награда — Гран-при сопровождалась восторженными откликами в печати.

Газета «Liberte», описывая русский отдел выставки, отмечала «что тщательное знаком-

ство с богатыми видами дает посетителю точное понятие о

новой промышленной державе, об империи, которая еще несколько лет назад ничего другого не могла выставить, кроме сырых продуктов, теперь же она стоит на одном уровне с цивилизованными народами».

На международных выставках в Вене, Париже и других крупнейших городах Европы каслинское литье собирало толпы восхищенных зрителей, с

¹ По контракту с городскими властями от 3 мая 1899 г. А. Г. Заколяпину было отдано в аренду по 1 января 1900 г. место земли для постройки чугунолитейной вагранки. Место отводилось в Кузнечной слободе. (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 476. Л. 2.)

восторгом рассматривавших скульптуру из чугуна и стремившихся приобрести ее. Так, из русского отдела международной художественно-промышленной выставки в Стокгольме (1897 г.) писали правлению Кыштымских заводов: «чугунное литье пользуется большим вниманием со стороны посетителей выставки. Большая часть предметов уже распродана, и постоянно возникает новый спрос»².

К вершине успеха каслинцы шли достаточно долго. У завода, основанного в 1747 году, за полутора столетнюю историю сменилось несколько хозяев. Тут были и Демидовы, и Расторгуевы. Лишь со второй половины XIX в. на заводе стали выпускать художественное литье, которое и принесло славу каслинцам. К Парижской выставке 1900 года Каслинский завод уже имел следующие награды.

1867 г. — Большая серебряная медаль на Всемирной выставке в Париже.

1873 г. — Большая золотая медаль на Всемирной выставке в Вене.

1897 г. — золотая медаль на Всемирной выставке в Стокгольме.

И если изделия Каслинского завода к тому времени уже заслужили всемирное признание, то в Тюмени все только начиналось.

Огромный потенциальный рынок сбыта изделий промыш-

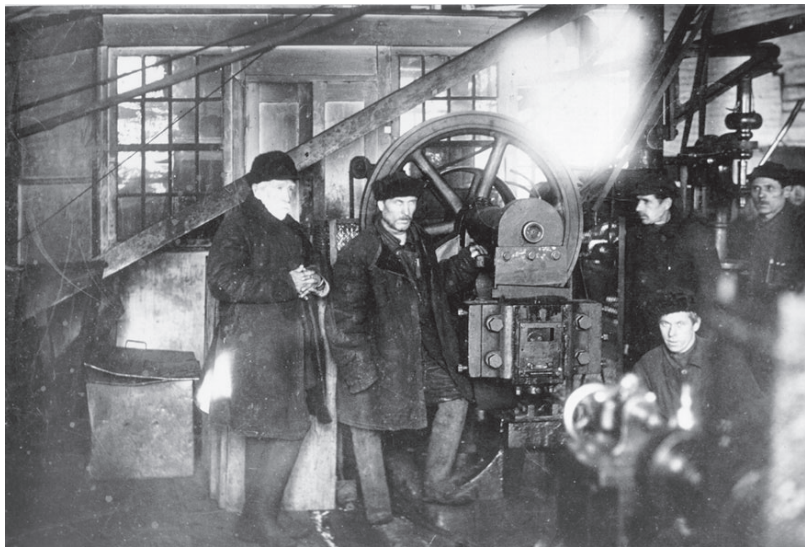

*Н.Д. Машаров
(фото кон. XIX в.)*

ленного производства представляла собой Сибирь, не имевшая своих заводов и фабрик по производству сельскохозяйственных орудий и машин. В конце XIX—начале XX вв. потенциал рынка значительно вырос с массовым переселением крестьян из внутренних губерний России в Сибирь. Десятки тысяч крестьян ехали осваивать свободные земли. Конечно, им были необходимы орудия сельскохозяйственного труда, сеялки, жатки, косилки, да и просто бытовые изделия.

Наш земляк купец и меценат Н. М. Чукмалдин в 1898 г. в докладе особому Совещанию

² Б. Павловский. Касли. Свердловск. 1957. С. 11.

*Токарно-слесарный цех завода Машарова
(фото 1913 г.)*

при Департаменте Торговли и Мануфактур писал о потребностях сельского сибирского населения в гвоздях, вилах, топорах, утюгах, вьюшках и сковородах, в сельскохозяйственных орудиях и машинах. Вопрос о снабжении населения этими предметами тогда был настолько важен, что рассматривался на уровне правительства, в котором обсуждалась возможность разрешения иностранцам поставлять эти изделия беспошлинно или со значительными

скидками с пошлин, коль внутренний рынок не мог обеспечить эти потребности.

Уроженец Екатеринбургского уезда Пермской губернии, Николай Дмитриевич Машаров³, работая в пароходстве, увидел громадный и все увеличивающийся спрос на эти изделия, огромный потребительский рынок. Построив чугунолитейный завод в Тюмени, он приближал потенциальных покупателей и изготовителей друг к другу. Тем более что судоход-

³ Н. Д. Машаров (1865–192?) в Тюмень переехал в 1883 г. с родителями. Окончил курсы в 3-классном народном училище. Работал в пароходстве. В 1897 г. женился. Имел семерых детей. Два четверехлетия — с 1907 по 1911 гг. и с 1911 по 1915 гг. — избирался гласным городской Думы. Член учетного комитета Общественного банка. Точная дата и обстоятельства смерти неизвестны. По свидетельству сына М. Машарова, его отец прожил 57 лет.

ство по рекам Западной Сибири начиналось с Тюмени, а это значительно сокращало транспортные расходы и значит — конечную цену произведенных изделий.

Н.Д. Машаров находит понимание в тюменских деловых кругах и, получив их поддержку, учреждает торгово-промышленное предприятие «Товарищество Н.Д. Машаров и К^о».

Товарищество было создано «для чугунолитейного, гвоздарного, мукомольного и других производств в городе Тюмени и для производства торговли изделиями, как своих промышленных заведений, так и посторонних, на местном и иногородних рынках»⁴.

Не случайно в Товарищество вошли купец-пароходовладелец В.Л. Жернаков, управляющий пароходством Торгового дома «Корнилова наследники» М.Е. Дементьев. Еще один компаньон — Торговый дом «П.И. Гилева сыновья» располагал многолетним опытом колоколотейного производства.

Основной капитал товарищества составлял 50 тыс. рублей. В него внесли свои вклады: Н.Д. Машаров — 10 тыс. рублей, купец В.Л. Жернаков — 10 тыс. рублей, купец Н.И. Сергеев — 8,5 тыс. рублей, М.Е. Дементьев — 7 тыс. рублей, Г.А. Андреев — 6 тыс. рублей, Торговый

дом «П.И. Гилева сыновья» — 8,5 тыс. рублей.

В одном из пунктов договора о Товариществе сказано, что «...Машаров как хозяин предприятий Товарищества принимает на себя ведение торговых и промышленных дел оною, равно ответственность в качестве товарища, остальные же лица, как вкладчики, в непосредственное распоряжение делами Товарищества входить не должны».⁵

11 февраля 1900 г. Николай Дмитриевич направляет в городскую управу заявление, в котором сообщает «...что арендованная Андреем Григорьевичем Заколяпиным городская земля, на которой устроена чугунолитейная вагранка, перешла в пользование Товарищества».⁶ Примечательно, что А. Г. Заколяпин был уроженцем Каслинской волости и завода.

Начинаются интенсивные работы по строительству чугунолитейного завода. Уже 21 марта 1900 г. от Товарищества в городскую управу поступает прошение о прирезке земли для постройки здания, в котором был установлен паровой котел с машинным приводом вместо конного. Общая площадь завода к этому времени составляла уже 700 кв. сажен.

Машаров проявил деловую хватку, и к августу площадь завода достигла 1000 кв. сажен,

⁴ ГАТО. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 141. Л. 46.

⁵ ГАТО. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 141. Л. 47.

⁶ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 476. Л. 2.

были построены склады и другие службы при заводе. К концу 1900 г. арендуемая земля выкупается в полную собственность Товарищества. Завод работал и расширялся: были построены машинное отделение, слесарно-механический цех.

К 1912 г. на заводе работало только литейщиков 55 человек под руководством мастера Александра Ивановича Зеленова. В модельном цехе трудились шесть человек: мастер Иван Годов с помощником и четыре модельщика.

Гвоздарный цех был выделен в отдельный завод, правда, на этой же территории, но в отдель-

ном кирпичном корпусе. Здесь стояли 12 станков для резки гвоздей, было помещение для отжига гвоздей, здесь же производилась сортировка, развеска и укладка готовой продукции. На участке конно-подковочных гвоздей работали три штамповочных станка и шлифовальный барабан.

Эмалировочный цех имел в своем штате пять человек, один из которых — Чернугубов Федор Васильевич был составителем эмалевой массы, причем приготовление производилось секретно в особом помещении.

Кузнечный цех имел один паровой молот, три наковальни и три кузнечных горна.

линия отреза

Каталог

художественных чугуных изделий
завода Машарова,
находящихся в частных коллекциях

В 2-этажном кирпичном корпусе на втором этаже помещался токарно-слесарный цех, в нижнем – токарный участок и котельная с паровым котлом.

В машинном отделении было установлено динамо для электрической запитки станков и освещения. В штате состоял инженер-электрик.

В заводууправлении, кроме самого Машарова, работали девять человек: заведующий заводом, главный бухгалтер, его заместитель, три счетовода, машинистка, кассир и табельщик.

Весь процесс производства чугунного литья имел достаточ-

но сложную технологию, над изделиями из чугуна трудились модельщики, формовщики, литейщики и чеканщики.

К сожалению, не сохранились каталоги, ассортиментные перечни изделий завода, и поэтому судить о выпускавшейся продукции можно было лишь по рекламе, публиковавшейся в газетах, и по сохранившимся изделиям. Поэтому настоящей находкой можно считать небольшую тетрадку⁷, в которой главный бухгалтер завода Ювеналий Яковлевич Машаров (племянник директора) сделал описание чугуно-

⁷ Находится в фондах Тюменского музея изобразительных искусств.

линия отреза

**Статуэтка.
Конь на привязи
в испуге*.**
Чугун. Литье.
Чеканка.
Нач. XX вв.
37х13х33.
Клеймо:
«Т^{во} Н. Д. М. и К^о».

Устная легенда, связанная со статуэткой, гласит, будто бы она стояла на рабочем столе в кабинете Н. Д. Машарова.

* Названия изделий соответствуют аналогам из прейскурантов Кусинского чугунолитейного завода 1911 г. и Каслинского чугунолитейного завода 1913 г.

литейного завода в период с 1912-го по 1918 гг.

Любопытно, что завод работал практически на всех привозных материалах. Для плавки чугуна привозили из Англии кокс. С уральских заводов поставлялось железо для гвоздей, флюс, чугун в болванках. Даже песок формовочный везли с Урала. Правда, это был один из лучших песков в России.

Пригодные для изготовления литейных форм формовочные пески с необходимым содержанием глины встречаются крайне редко. В песчаных карьерах близ Касли в начале XIX века были найдены мелкозер-

нистые пески с необходимым для формовочной смеси содержанием глины. Что сыграло не последнюю роль в освоении на Каслинском заводе художественного литья.

Ю. Я. Машаров в описании приводит следующий перечень выпускаемой продукции. Чаши разные, горшки, котлы, сковороды, жаровни, ступки, кумганы, рукомойники, заслонки печные простые, заслонки печные герметичные, вьюшки, задвижки, утюги, шкивы, литье для маслобоек, литье для молотилок, разное крупное и мелкое литье, разное медное литье, разное литье для пароходств, гвозди стро-

линия отреза

**Настольная плакетка.
Император Александр II.
Чугун. Литье. Чеканка.
Нач. XX в.
11,5x16,5x13.
Клеймо:
«Т^{во} Н. Д. М. и К^о».**

Возможно, выпущена в 1911 г. в связи с празднованием 50-летия отмены крепостного права. Плакетка бытовала в семье Карнацевичей.

ительные, гвозди конно-подковочные, хозяйственная эмалированная посуда.

Местными оптовыми покупателями продукции завода были тюменские купцы Иван Петрович Набоких, Еремеев, Иван Степанович Ракин, Николай Ядрышников, а также Сибирская компания, местные пароходства. Продукция продавалась в Тобольске, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Бийске, Омске, Павлодаре, Семипалатинске, Зайсане и др.

Изделия завода Машарова можно было встретить на ежегодных Ирбитской и Ишимской ярмарках, выставлялись они на

Первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске в 1911 г.

Выпускалось чугунное литье и на заказ. Примером служат чугунные лестницы в зданиях бывшего Народного дома (ул. 25-го Октября, 13) и в бывшей женской гимназии (ул. Володарского, 6). На этих произведениях есть клейма завода Машарова.

В 1915 – 1917 гг. чугунолитейным заводом «Н. Д. Машаров и К^о» выполнялись военные заказы — ручные гранаты, мины, конно-подковочные гвозди.

Но оказывается, что на заводе, изначально ориентирован-

линия отреза

**Пепельница.
Пчела на корзине,
увитой плющом.**

Чугун. Литье.

Чеканка.

Нач. XX в.

17,3x12x3,2.

Клейма:

«Т^{во} Н. Д. М. и К^о»,
«ТЮМЕНЬ».

Также просматривается клеймо, принадлежащее Каслинскому заводу с изображением двух сторон медали Всероссийской выставки 1870 г.

Пепельница бытовала в семье родственников Дементьевых и тюменских купцов Мясниковых и Шадриных.

ном на выпуск сельскохозяйственных орудий труда, деталей машин, агрегатов, изделий хозяйственно-бытового назначения, отливали художественное кабинетное литье. Не просто отливали, но отливали качественно, изделия клеймили, хотя, ни в публиковавшейся рекламе, ни в заявленных в договоре Товарищества предполагаемых производствах не значится художественное кабинетное литье. Ни слова не сказано о выпуске художественного литья и в записях Ю. Я. Машарова.

Для пояснения, к художественному кабинетному литью относятся такие вещи, как ста-

туэтки, чернильницы, пепельницы, пресс-папье, полочки, подсвечники, подставки для бумаг, шкатулки, вазы, спичечницы, декоративные тарелки, рамки для фотографий, багеты.

Были ли это заказные вещи или их сделали для себя, а может быть, для друзей или захотелось от ступок, сковород и утюгов подняться на более качественный уровень? Показать, что способны на большее? Сейчас на эти вопросы ответить трудно. Но в любом случае художественные чугунные изделия, изготовленные на заводе Машарова, встречаются достаточно редко.

линия отреза

**Пепельница.
Смородиновый лист
с веткой ягод.**

Чугун. Литье. Чеканка.
Нач. XX в.
19,3х17,7х4,0.

Клеймо:
«Т^{во} Н. Д. М. и К^о»,
«ТЮМЕНЬ».

*Есть углубленная
надпись: «Кус. з.».*

Пепельница бытовала
в семье родственников
Дементьевых и тюменских
купцов Мясниковых
и Шадриных.

К настоящему времени в Тюмени известно всего 11 предметов! В Тюменском областном краеведческом музее — 3, в Тюменском музее изобразительных искусств — 2, в частных коллекциях Тюмени — 6 изделий.

Большая часть известных на сегодняшний день художественных отливок завода Машарова находится в частных коллекциях, поэтому исследование и описание их представляет несомненный интерес. Тем более, что частные коллекции, по сравнению с музейными собраниями, являются менее устойчивыми во времени и

менее доступными для широкого обозрения.

Сейчас можно только предполагать, почему стали отливать художественные вещи на заводе Машарова, выпускавшем хозяйственно-бытовую утварь, детали для сельскохозяйственных машин и пароходов, тем более, что это не нашло отражения в документах (реклама, записи Ю. Я. Машарова).

Первая версия. Выпуск художественных изделий был приурочен к какому-либо событию. К этому предположению можно отнести только настольную плакетку с барельефом императора Александра II.

линия отреза

**Пепельница.
Испанка с веером.**

Чугун. Литье.

Чеканка.

Нач. XX в.

17,4x13,2x2,2.

Клейма:

«Т^{во} Н. Д. М. и К^о»,

«...ОВЪ».

Второе представляет собой клеймо формовщика.

Оно включает в себя пять букв фамилии и одну — инициал имени.

Первые буквы затерты, хотя некоторые предположения по их прочтению сделать можно. Других клейм на изделии нет.

Очень возможно, что она выпущена к 50-летию отмены крепостного права, которое отмечалось в 1911 г. по всей России, в том числе и в Тюмени. Память о царе-освободителе в Тюмени чтити особо.

Вторая. Необходимость расширения производства, ассортимента выпускаемой продукции могла продиктовать потребность в освоении новых видов изделий — художественного кабинетного литья. Все известные художественные отливки не имеют клейм с датами, поэтому трудно судить о временном отрезке, в который они были выпущены. Трудно

предположить, что это делалось в начале освоения основного производства, т. к. затраты на постройку корпусов завода, оборудование, материалы должны были окупиться и завод должен был начать работать в прибыль. Маловероятным является и более позднее освоение художественного литья, с 1913 г. финансовое положение на заводе ухудшилось, была введена администрация по делам Товарищества, а с 1914 г. завод стал работать по военным заказам.

Все рассматриваемые изделия вторичны по отношению к литью Каслинского и Кусинс-

линия отреза

Полка ажурная в русском стиле.

Чугун. Литье. Чеканка.

Нач. XX в.

32,8x24,4x15,8.

Клеймо:

«Т^{во} Н. Д. М. и К^о».

Клеймо завода Машарова стоит поверх двух клейм Кусинского завода, одно из которых представляет окружность с двуглавым орлом внутри, другое — прямоугольное клеймо «Кус. з.». Клейма видны отчетливо. Есть углубленная надпись: «Кус. з.».

кого заводов. То есть они являются повторением каслинских и кусинских изделий на своем производстве. Бывая на Ирбитской ярмарке, Н.Д. Машаров мог купить и привезти оттуда чугунную вещь или заказать понравившуюся вещь по преискуранту. На Тюменском заводе готовое изделие использовали в качестве эталона, с которого делали форму, и отливали уже со своими клеймами. Это объясняет наличие клейм Ку-

синского и Каслинского заводов под клеймами завода Машарова.

В любом случае попытка Машарова выпускать изделия художественного кабинетного литья в Тюмени является интересным и пока малоизученным фактом в истории нашего города. И нам остается только сожалеть, что стечение обстоятельств не позволило Тюмени стать центром художественного чугунного литья в Сибири.

линия отреза

АРА.
рснаго Па-

Ы

Ы И
АВО-

высшая и качества

*Вновь построенного завода при новейших
оборудованиях и под управлением заграничного
мастера из г. Екатеринбург.*

(188

Заводъ Т-ва „Н. Д. МАШАРОВЪ и К^О“ въ Тюмени

ВЫРАБАТЫВАЕТЪ:

Всевозможную чугунную и чугунно-эмалированную посуду, печная принадлежности, хозяйственные вещи и др. предметы. Принимаются всевозможные заказы, для фабрик, заводовъ, пароходствъ и др. предприятий по рисункамъ и чертежамъ на отливку всевозможныхъ механическихъ чугунныхъ и мѣдныхъ машинныхъ частей въ-рнѣ и съ отдѣлкой.

ГВОЗДИ: коннонадковые шафоновые; рѣзные Мартеновскаго металла; стропные, укнорочные, шугагурные, обонные лубочные, толые, колесные (пронива) и щипли кованые.

При заводѣ имѣется ПАРОВОЙ МОЛОТЪ дляковкижелезныхъ и стальныхъ частей. Имѣется всегда въ продажѣ: желѣзо листовое, сортовое и котельное Уральскихъ заводовъ. Конось литейный Английскій и Русско-Донецкій, чугунъ штыковой литейный и поре дѣльный, огнеупорный кирпичъ, глина и кварцовая смѣсь, сталь: тигельно-литая инструментальная, напильники, газовыя трубы. Дешево распродаютъ при заводѣ сѣноносилки и жатвенныя машины.

Реклама.

Сбирская торговая газета. 1902.

Поездка в Тобольск... за кумганом

Я видел Распутина

Летом 1915 года два старших брата ушли на фронт, все их товарищи уже были на войне, тянувшейся второй год. Единственным напоминанием о них были письма. Но после их прочтения непременно шел разговор, что война затягивается. А дома у отца семья, еще пять человек. Детей надо было поднимать. А чем?

Как-то отец¹ получил от знакомых из Екатеринбургского музея письмо «будоражащего» характера: «Алексей Фомич! Что же вы сидите дома, а из Тобольска мимо вас везут редчайшие старинные вещи... [указывалась фамилия] привез и передал музею чеканенный медный кунган — кувшин, а... [указывалась фамилия] повез в Москву тоже чеканенные две стопки с клеймами шведов. Это от вас ведь недалеко...». Отцу шел шестой десяток. Но, несмотря на возраст, письма настроили его на поезд-

ку, в которой он надеялся что-то приобрести и что-то на этом заработать. Стали готовиться к путешествию. Решили ехать вдвоем: отец взял меня, рассуждая, что ему будет веселее. А мне, двенадцатилетнему парню, будет интересно. И вот в конце июля мы вдвоем на пароходе «Тоболяк» выехали на Тобольск.

Жаркий июльский день. Пассажирам в каютах душно. Мы, пассажиры четвертого класса, находившиеся не в каютах, а в кормовой части под парусиновым навесом, под тентом, тоже вышли на верхнюю палубу. Отец повел меня на верхнюю палубу. Я, как «видавший» виды (отец возил в 1913 году на Нижегородскую ярмарку), напомнил ему, как меня тогда, пассажира четвертого класса, «пригласили» убраться с палубы второго класса. Но отец убедительно заметил, что здесь, в Сибири, «свободнее». «Пароходов, — заметил он, — у нас по нашим сибирским рекам ходит, почтай,

Эти воспоминания передала в редакцию журнала краевед из Нижневартовска Ольга Александровна Майорова. Написал их ее отец Рылов Александр Алексеевич (1903–1978), известный в г. Тюмени коллекционер, краевед. Он занимался историей почты.

¹ Алексей Фомич Рылов — уроженец Вятской губернии, Слободского уезда, Стуловской области. В 1909 г. купил дом в Тюмени на Большой Заречной улице у Матвеева.

намного меньше, чем на Волге, а пассажиров не так уж много, и в борьбе за первенство парходчики-тузы изыскивают разные способы, дабы привлечь пассажиров большими удобствами, большими «льготами».

Так, например, выводя в плавание новый, только что построенный парход, устраивали «праздничный» рейс, извещая тюменцев, что катание, например, до Борков в воскресенье такого-то числа с гарнизонным духовым оркестром будет бесплатным. Приглашали первых пассажиров убедиться в удобствах, «роскоши» убранства кают, а некоторые парходчики шли и дальше. В первые рейсы в Тобольск и даже в Омск рассылали пригласительные билеты, разумеется, друзьям, таким же «тузам», прокатиться бесплатно на первенце парходе.

Итак, мы проследовали «наверх». Солнце, поднявшееся высоко, заливало светом, теплом воды прохладной тихой Туры, и даже на палубе, было жарко. Из кают первого класса выходили все на свежий воздух на палубу. Здесь я увидел довольно-таки необычную картину: пассажиры-дамы, нарядно одетые в платья из дорогих легких тканей, одна за другой выходят из кают, вот их оказалось более десятка, тут были дамы и молодые, и пожилые, все в одинаковых соломенных шляпах, поверх которых были наброшены шарфы легчайшего газа, светло-розового шелка. Но вот появился и вожак-хо-

зяин. Его я сразу узнал — это же Григорий Ефимович. Отец мне объяснил, что дамы — фрейлины императорского двора. Теперь мне все стало понятно: Распутин везет петроградских гостей к себе в Покровское.

Тюменцы раньше много слышали о Гришке Распутине, как о первейшем конокраде, ушедшем вначале в секту хлыстов. А потом неожиданно он надел себе на грудь запечатанную пустую кружку и с ней отправился по краям и всяем матушки-России собирать добротные пожертвования на постройку и украшение храмов. Дальние странствования помогли Григорию Ефимовичу влиться в высший свет...

Я в поездке ли или пешем походе в лес любил, набегавшись, находившись, полежать в тени и почитать что-нибудь. Вот и в это путешествие сидел на палубе у борта с развернутой тетрадь. Временами делал наброски рисунков, копируя иллюстрации из книги. В это время к отцу подошел Распутин. Поздоровавшись, начал расспрашивать: куда, зачем следуешь? На ответ отца, что тот хочет пройти по татарским юртам, Распутин кивнул головой и сказал: «Видал, видал там кое-что из старины».

Пока продолжалась их беседа, я смог рассмотреть старца с окладистой пышной бородой. Был он одет в тонкого темносинего сукна поддевку, в сатиновую рубаху, подпоясан пояском с кистями, на голове — чер-

ный картуз, на ногах — сапоги бутылками (носили такие). Одним словом, эта фигура напомнила мне ухаря-купца с картинки в книге певца русской печали И.С. Никитина, на которой ухарь-купец ехал с ярмарки...

Поговорив с отцом, он посмотрел в мою сторону и спросил: «Твой парень?». Подойдя ко мне, увидел рисунок в тетради. Засмеялся: «Смотри, парень-то мал-малой, а бабу-то рисует молодую...».

Передо мной лежала «Всемирная история», изданная Каспари. В книге рассказывалось о заслугах королей и царей. Печатались и их портреты. А «молодая баба» была владычицей Британской империи, безраздельно правившей империей более 50 лет, королевой Викторией.

Когда Григорий Ефимович подошел, он положил мне на плечо руку (вернее, лапу) и спросил: «Учишься?». — «Учусь», — говорю. «Учись, тяжело неграмотному». Я же, чувствуя тяжесть его руки, взглянул и почувствовал страх. Самый настоящий страх охватил меня при виде большого пальца руки: он был почти в два раза толще запястья моей мальчишеской ручонки.

Пароход дал причальный гудок — подошли к Покровскому. Распутин, попрощавшись с отцом, сказал мне: «Назад поедешь, заходи, покажу тебе мои картинки», и со свитой направился к выходу.

В поисках редкостей

В Бачелино мы прибыли ночью, немного поспали на пристани, и, не дожидаясь наступления жары, направились по тракту в Бачелино — довольно большой поселок, где находилась лесопилка.

В предутреннем полумраке прошли поскотину, прошли ворота и оказались вроде как на площади, дома поодаль, а мы — на большой полянке. Пусто, тихо, ни обычного лая, ни петушиного крика. Кажется, что Бачелино спит. Но вот возле одного из домов увидели женщину, а вскоре и вторую. В руках у них хлеб. Они подошли к разным домам и в слуховое окно положили хлеб. Отец попытался объяснить их поступки. На окраине поселка останавливаются колонны арестантов. Вот для них в основном и предназначен хлеб...

Сейчас, вспоминая об этом путешествии, думаю, что шли мы в тот день, не останавливаясь, верст десять. Солнце поднялось высоко, меня мучила жажда, а все придорожные канавы пересохли. В ушах звенело...

По тракту мы побывали в Тоболтуринских, Медяньских, Маримовских юртах, в Кутарбитке. В юртах если кто и отвечал на вопросы отца, так только старики.

Все-таки уже на второй день нашего путешествия, в Медяньских юртах, один мальчишка потянул меня из круга взрослых и

повел во двор. Оказывается, из разговора стариков он понял, о чем беседуют. Уже во дворе сбегал под навес и притащил оттуда старенький медный кувшинчик — кумган, правда, гладкий, не чеканенный, но на дне было клеймо: «Sibir MAM 1753». Что значило «MAM», я и сейчас не знаю, но «Сибирь» и 1753 г. ясно говорили, что этот кувшинчик шведской работы.

Я знал, что в Тобольске и вокруг него было немало пленных шведов. Говорили, что даже в XIX веке в некоторых юртах проживали шведы, не уехавшие на родину.

Кувшинчик этот мы унесли и показали отцу. Он заплатил за него 3 рубля — по тому времени деньги немалые, а кувшинчик оставил мне. Он и по сей день стоит у меня в шкафике и напоминает о прошлом...

Конец июля, был какой-то татарский праздник. В Медянских юртах хозяева пригласили нас к чаю и угощали только что испеченными не то сочными, не то блинами, но необычной формы — такие полушария.

На четвертый день своего путешествия мы пришли в Тобольск. Отец зашел к кому-то в гости, а меня отправил посмотреть рынок.

Я услышал крики мальчишек-газетчиков: «Варшава пала!..». Я тут же купил газету (не помню точно — что, кажется, «Тобольский листок» или «Сибирский листок») и с ней

поспешил к отцу. Когда мы встретились, я сразу сказал о новости, о падении Варшавы. Отец, уже знал об этом.

Еще в начале плаванья по Туре на стоянках парохода, когда с берега грузили дрова для котельной, я пытался рыбачить. С первого же раза моя волосяная леска была перекушена, наверное, щукой. Крючка больше у меня не было, отец обещал, что в Тобольске купит китового уса, и действительно купил. Ус этот был потолще лески, рыбачь да рыбачь. Однако желание рыбачить с кормы парохода у меня пропало. Корма стала самым модным местом для пассажиров, так как за кормой внизу на толстушем канате резвился тоже пассажир — саженьный осетр, на его и засматривались все едущие в Тюмень. До Тюмени осетра не довели, на остановке в Покровском его отцепили и на лодке доставили на берег. Пассажиры сразу определили, кому на угощение увезли эту рыбину: столичные господа были не прочь полакомиться сибирским деликатесом.

Вот и возвратились мы из путешествия. У отца приобретено было в юртах кое-что из ценных старинных вещей: 2 кумгана, 2 стопки, одна братина (братина — сосуд для напитков татарообразной формы). Все они желтой меди, чеканенные, несколько оловянных больших тарелок с клеймами 1740-х годов, на одном отметка «шведен».

Пушкин и наш край

Александр Сергеевич Пушкин никогда не бывал в Сибири, но всегда очень ею интересовался и мечтал побывать в этих суровых краях. Вот несколько интересных эпизодов, связывающих Пушкина и Тобольск.

Кто из нас не читал «Арапа Петра Великого»!

Не миновал Тобольска и он, Абрам Петров. Сын абиссинского князя, он попал в качестве заложника в Константинополь и оттуда был привезен в подарок Петру Первому. Петр сам крестил его и воспитывал, дал хорошее образование.

Абрам Ганнибал был капитан-лейтенантом Преображенского полка. Казалось, что судьба благоволит к нему, но в 1725 году Петр I умер. Начались мрачные дни для Ганнибала. Меншиков опасался влияния «арапа» на императора Петра II и нашел способ удалить его от двора.

Ганнибал был *переименован* в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь с поручением измерить Китайскую стену. Он пробыл в Тобольске несколько дней. Это было 1727 год. Потом он еще дважды побывает в Тобольске. Последний раз, в 1730 году, по повелению императрицы Анны Иоанновны: «...арапа Абрама Петрова освободить из-под караула и

быть ему в Тобольске при полках майором...». В декабре 1730 года он возвращается в Петербург.

При Елизавете Петровне Ганнибал сыграл большую роль в улучшении постановки в России военно-инженерного дела. При Петре III был уволен в отставку.

Были связаны с Тобольском и некоторые представители рода Пушкиных: братья Сергей и Михаил, сосланные в Сибирь за неблагоприятные поступки.

Петр Павлович Ершов вспоминал о своих встречах с А.С. Пушкиным: «Я бывал у него, если вытщат к нему. Я был страшно обидчив, мне все казалось, что он смеется. Например, раз я сказал, что предпочитаю свою родину. Он говорит: «Да вам нельзя и не любить Сибири, во-первых, это ваша родина, во-вторых, это страна умных людей». Мне показалось, что он смеется. Потом уже понял, что он декабристов напоминает...».

М.Н. Волконская в своих «Записках» вспоминает, как во время последней встречи с Пушкиным у Зинаиды Волконской он говорил ей: «Я намерен писать труд о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перевалю через Урал, последую дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках». Княгиня сожалеет: «Он не побывал в наших краях».

Очень ценны «Записки о Пушкине» И.И. Пущина. Они написаны после возвращения из Сибири. Написаны живо, ярко, интересно. Нельзя без волнения читать воспоминания о последней встрече друзей. И.И. Пущин навестил опального поэта в его ссылке в селе Михайловском. При звоне колокольчиков въехал Пущин в ворота дома Пушкиных. Лошади пронесли мимо крыльца. Пущин пишет: «Я оглядываюсь, вижу на крыльце Пушкина босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками... Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату... Смотрим друг на друга, целуемся, молчим! Он забыл, что надо прикрыть ногу, я не думал о заиндевшей шубе и шапке». Пушкин был очень рад встрече с другом. Воспоминаниям не было конца. Но пора уезжать. Предчувствия не было. Была надежда встретиться в Москве. «Пушкин еще что-то говорил мне вслед, ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!».

После подавления восстания декабристов Пущин был сослан в Сибирь. «Пушкин первый раз встретил меня в Сибири задумшевым словом. А.Г. Муравьева привезла в Сибирь стихотворение Пушкина «Мой первый друг, мой друг бесценный...».

«Отрадно отозвался во мне голос Пушкина!.. По приезде

моем в Тобольск в 1839 году я послал эти стихи к Плетневу; таким образом, они были напечатаны». Живя на поселении в Сибири, Пущин имел сведения о жизни Пушкина. Писал ему о нем Энгельгардт, он же прислал Пущину стихи Пушкина «19 октября 1827 года».

В эту годовщину лицея Пушкин помнил о своих товарищах, заживо погребенных в Сибири, которых недосчитались на лицейской сходке...

В 1837 году возвратившийся из отпуска плац-адъютант Розенберг привез известие о гибели поэта. «Весть эта электрической искрой сообщалась в тюрьме, во всех кружках только было и речи, что о смерти Пушкина», — вспоминает Пущин.

Зная, как истово работал А.С. Пушкин в оренбургских архивах, листая материалы о Пугачеве, можно предположить, что Сибирь серьезно пленила и манила его. Он не просто мечтал побывать в Сибири, а примерял себя на Сибирь: смог бы он выдержать Нерчинские рудники?

Пушкин мечтал написать поэму о Ермаке. Покоритель Сибири серьезно занимал мысли молодого поэта. В письме Евгения Баратынского в январе 1826 года читаем: «Мне пишут, Александр, что ты затеваешь новую поэму «Ермак». Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Благослови тебя Бог и укрепи мысли твои на великий подвиг».

В 1835 году Пушкин писал в Тобольск своему приятелю В.Д. Соломирскому с просьбой доставить ему сведения о Ермаке. Об этом свидетельствует ответное письмо Соломирского. Соломирский — артиллерийский офицер, много путешествующий по Сибири. Есть ряд стихотворений, им написанных, но это стихи поэта-дилетанта. С.А.С. Пушкиным Соломирский познакомился в Москве в 1827 году. Не сохранилось письмо А.С. Пушкина к Соломирскому, но дошло до нас ответное письмо Соломирского к поэту, где он подробно описывает отношение сибиряков к творчеству поэта. И здесь же он рассказывает о П.А. Словцове, его отношении к творчеству А.С. Пушкина: «На днях у меня обедало человек пять моих приятелей. В числе гостей был Петр Андреевич Словцов, старец знаменитый, сын Сибири: он соученик и бывший друг М. Сперанского. Богатый умом, познаниями, правдолюбием и несчастиями, Словцов должен жить в памяти русских, или лучше человечества, даже жизнь одного мудреца несравненно почетнее жизни сотни воинов.

Другой гость (ибо должно тебя с ним познакомить) — человек, достигший богатства и чинов собственным умом и деятельностью, образованный старинной школой и твердый в своих правилах. Меня же ты знаешь.

Говоря о словесности, заговорил о тебе, и мой богатый

гость старинной школы восстал на тебя со всею силою классицизма и педантизма.

Я, вопреки моим мнениям, взял твою сторону, и дело пошло на голоса. Словцов сказал: «Сочинения Пушкина должны читать для роскоши ума, везде, где я встречаю произведения его пера, я их пробегаю с жадностью». Полагая, что такой отзыв человека, подобного Словцову, для тебя приятнее и занимательнее мнения наших полусловесников, я поставил себе приятною обязанностью сообщить тебе оное.

Прение продолжалось. Словцов согласился, что род твоих сочинений мог бы быть возвышеннее, но, говорил, гении своевольны... Словцов также заметил, что долгая жизнь великим умам несвойственна, им надо желать благотворного потомства», — писал Соломирский Пушкину.

Пушкин, желая побывать в Сибири, в своей библиотеке имел книги о ней. Это книги Миллера «История Сибири», Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь», которую он написал в 1768 году в Париже. В библиотеке Пушкина было второе издание, напечатанное в Амстердаме в 1769 году. Пушкин очень интересовался творчеством этого французского дворянина, аббата и астронома. Шапп д'Отрош был отправлен в Россию в 1761 году для наблюдения за затмением Солн-

ца в Тобольске. Пушкин писал записки о нем, собираясь поместить их в своем журнале «Современник». Однако замысел не осуществился.

Приезд в Тобольск французского астронома привлек тогда внимание всей общественности. Это событие нашло отражение в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири». В нем говорится: «Неутешительны сведения, собранные о Сибири.. митрополит не верил в движение Земли вокруг Солнца, и все старания астроном-аббата убедить его в этом остались тщетными. Таким же невежеством отличались и другие обыватели городов. Все тоболяки смотрели на Шаппа, как на волшебника, думая, что его прибытие в Сибирь было причиной сильного разлива Иртыша, и что эта река снова войдет в свои берега только после его отъезда...».

Это позволило аббату создать большой труд, оцененный как замечательное явление в тогдашней иностранной литературе о России», это-то и вызвало гневную брань Екатерины и привлекло внимание Пушкина.

Имелись в библиотеке Пушкина и стихи сосланного в Тобольск корнета Панкратия Платоновича Сумарокова, внучатого племянника знаменитого поэта Сумарокова, сосланного в Сибирь за подделку ассигнаций. Трагически обернувшаяся гусарская шалость сделала Панкра-

тия Сумарокова крупнейшим в XVIII веке сибирским литератором и издателем. До ссылки он напечатал всего одну эпиграмму, а его поэтический талант раскрылся именно в Сибири. Сумароков был издателем и редактором первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Был знаком с великим поэтом Василий Дмитриевич Корнильев (1793—1851). Это внук Василия Яковлевича Корнильева, основателя первой типографии в Сибири, которая положила начало сибирской печати. Он родился в Тобольске. Его отец Дмитрий Корнильев был продолжателем дела своего отца Василия Яковлевича Корнильева, и его по праву можно назвать первым сибирским краеведом, так как он выпускал «Исторический журнал», где печатались сведения о нашем крае.

Василий Дмитриевич Корнильев был известным в свое время литератором, знаком и с друзьями А.С. Пушкина Дельвигом, Баратынским...

Напрашивается вывод: возможно, что в библиотеке великого поэта имелись книги, вышедшие в типографии Корнильевых.

Пушкинисты выделяют в фонде библиотеки Пушкина «Сибирику», и это доказывает, насколько серьезно интересовался поэт сибирской темой.

О Сибири Пушкин читал много, жадно, с непреходящим

художника П. Чукомина: «Ершов в гостях у Пушкина», которую он написал в 1936 году, приурочив ее к 100-летию гибели поэта. Для этого Чукомин ездил в Петербург, был на квартире Пушкина, внимательно осмотрел кабинет поэта и воплотил свои замыслы в картине.

В фондах ТГИАМЗ имеются работы местных косторезов, изображающие Пушкина и сцены из его произведений.

В Тюменском областном краеведческом музее хранится платок, выпущенный к 100-летию со дня смерти поэта.

В 1998 году в Тюмени, в музее «Городская Дума» экспонировалась выставка из фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина «Пушкин. Декабристы. Сибирь». Пушкинские реликвии впервые побывали в Тюмени. Слово сам великий поэт посетил Сибирь...

Коч — русское полярное судно

КОЧ И ЕГО КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Коч — это морское деревянное парусно-гребное судно, ходившее на севере России в XVI—XVII веках. Коч был создан на основе древнерусской ладьи крестьянами Соловецкого монастыря. В Онежском заливе, в устье реки Кемь, они сделали верфь и построили на ней ладью. Чтобы она не разбилась о лед, на ее борта нашили «коцу». Так по-новгородски называлась любая ледовая защита, в том числе пояс из крепкого дерева. Ладью «с коцей» называли кочевой. В процессе постепенных усовершенствований кочевой ладьи получился собственно коч. Название корабля связано с его важным конструктивным

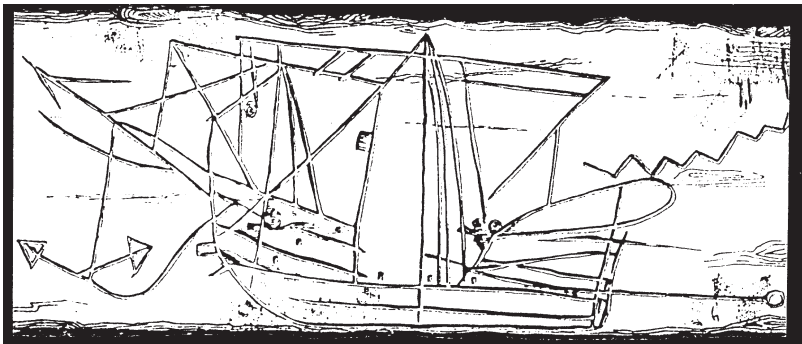
приспособлением — «коцей», называемой еще «шубой ледяной», т.е. второй ледовой обшивкой, расположенной в районе ватерлинии. Корпус коча имел яйцеобразную форму, наиболее удобную для выжимания на поверхность при ледовом сжатии. За эту особенность голландский географ и этнограф XVII века Николай Витсен назвал кочи «круглыми судами». По форме коч отличался от ладьи, дощаника и коломенки, у которых борта были прямостенные. Повидимому, существовало несколько типов кочей, которые, со временем совершенствуясь, видоизменялись. Исследований по типологии не проводилось, но точно известны два основных вида этого судна.

Об устройстве кочей дает представление грамота князя Михаила Федоровича на имя тобольских воевод князей Г.С. Куракина и М.С. Гагарина, в которой предписывалось, чтобы плотники «делали кочи крепкие и лес был добрый, мелкий, и ушивали, и конопатили, и смолили, и скобами конопать убивали крепко, и ковали, чтоб тесом (сыспод и сверху) не ездили, и во всем делали дельно... чтобы те кочи к морскому ходу были надежны». Запасы и товары укладывали в трюм, под палубу. На палубе устраивали каюту — «казенку». При коче полагалось иметь два якоря и два «павозка», т.е. шлюпки.

Дополняют описание корабля сведения акта приемки нового коча в Холмогорах: «В нынешнем в 204 (1695) году ноября 27 числа по указу пресвященного архиепископа Волокопинежского Николаевского приходу крестьяне Тимошка

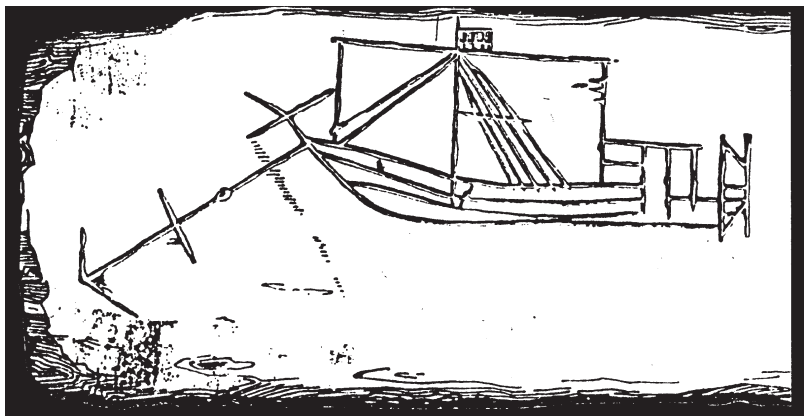
да Игнашка Федоровы дети Кулаковы по подряду своему сделали в дом ево архиерейской новоземельский промышленный коч из своего сухого основного лесу по угожеству и припроводили в дом его архиерейской на Холмогоры. А мерою тот коч в длину по колоде 10 сажений (21,6 м), поперек 3 сажени (6,4), а в вышину от колоды до 30 набоев на сторону матерых (до 5,5 м). А в том коче кладено упругов (шпангоутов) в 13 местах, да два коряника в носу, да копыги в коргу, да десятеры курицы. Да он же, Тимошка з братом, добыли к тому кочу две десницы на перешвы, да собцовый корень, да бревно на дерево. А конопать и смола и скобы и на кровлю скалы и рогожи к тому кочу — все кладено домовое».

Данные о грузоподъемности кочей содержатся в расчетах тобольского воеводы А. Хованского, считавшего, что для пе-

Морское судно (большой коч)

Изображение на доске, обнаруженной во время раскопок города Мангазея

Морское судно (малый коч)

Изображение на доске, обнаруженной во время раскопок города Мангазея

ревозки в Мангазею пяти тысяч четвертей ржаной муки, круп и толокна потребуются 10 «самых больших» кочей грузоподъемностью по две тысячи пудов (32 т) каждый. Стоимость постройки и оснащения судов выразилась бы в 1405 рублей. На каждый коч приходилось по нескольку тысяч железных скоб, один парус, 600 аршин холста, 2 якоря, каждый по 4 с половиной пуда (72 кг), 845 сажень веревок (1800 м) и 2 пазовка (карбаса или струга). Кроме груза, судно имело команду и пассажиров. На каждом из 11 кочей, прибывших в сентябре 1636 года в Мангазею, находилось по 38—42 человека.

О парусах писал в 1671 году мангазейский воевода Д. Наумов: «И в Мангазее по всякие годы (хранятся) кочевые запасы: парусы и варовые веревки

по парусу и по два, а в парусе по 600 аршин (426,7 м) холсту». В документах встречается упоминание о втором парусе, называемом в них «полпарусом». Кроме того, изображение двухмачтового коча есть в материалах раскопок Мангазеи.

Продолжительность срока службы кочей определялась тремя годами. По крайней мере, при постройке государевых кочей предписывалось их «делать крепко и прочно, чтобы осталось годы на три».

Суммируя известные сведения, можно говорить, что существовало по крайней мере две разновидности поморского корабля. **Большой коч** — судно с двумя мачтами (грот и фок) и системой управления парусами с помощью «ног» (вантов) и «вожей» (шкотов длиной около 22 метров, шириной до 6,5

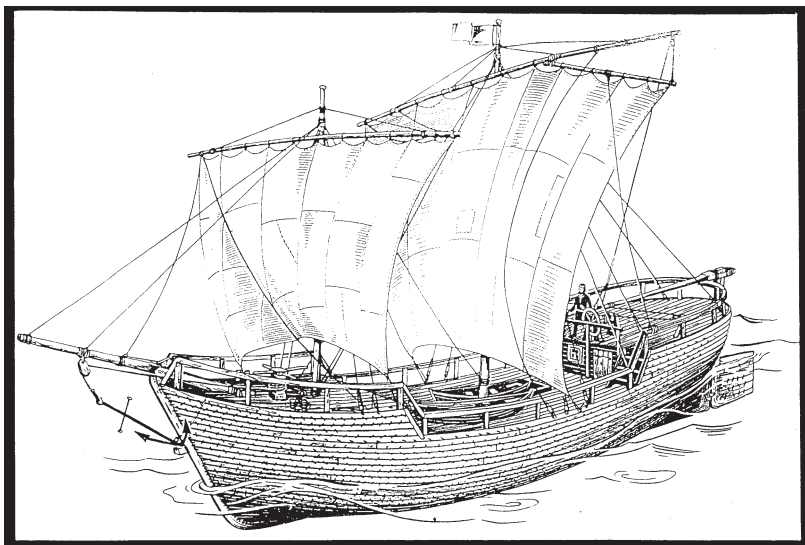
метра, высотой носовой и кормой частей до 6 метров и осадкой в грузе до 1,5 метра. Такое судно имело грузоподъемность до 32 тонн, два якоря весом до 75 килограммов каждый, несло на борту две небольшие лодки и было способно везти команду и пассажиров до 42 человек.

Строились и малые кочи, выходившие в море. Они использовались в околобереговых плаваниях и когда приходилось преодолевать сухопутные участки путей (волоки). Малый коч — одномачтовое судно длиной до 10 метров, шириной до 3 метров, высотой бортов до 2,5 метра и осадкой в грузе до 0,5

метра. Его грузоподъемность достигала 8 тонн, не включая команду и пассажиров (до 10 человек). Судно имело три киля, два из них — по нижней части днища, что сообщало особую устойчивость, ценную при прохождении волоков.

Таким образом, коч был деревянным парусным судном, приспособленным, благодаря уникальным особенностям своей конструкции, преодолевать большие расстояния в условиях короткой навигации и опасной ледовой обстановки в водах арктических и субарктических районов Евразии.

В литературе по истории Сибири вплоть до начала наше-

Большой коч

Реконструкция М.И. Белова по материалам раскопок города Мангазея

*Модель судна, подобного кочу.
Реконструкция выполнена центром
биосферного воспитания «Биармия»*

го столетия бытовало не очень лестное мнение об этом судне. По источникам, коч считался одномачтовым судном, а те, кто плавал в нем, — людьми, лишенными самых элементарных навыков управления парусами. Вот как, например, писал историк Фишер в 1774 году: коч — примитивного устройства плоскдонные суда об одной палубе, с пазами, укрепленными деревянными гвоздями, на которых «можно было ходить... греблею и на парусах, но неискусство людей и худое знание мореплавания было причиною, что можно было идти на них только по ветру, а боковыми ветрами мало пользоваться». «Европеец едва отважился бы идти на таких худых судах по морю, с которого никогда лед не сходит.

Между тем архангелогородцы в прежние времена не знали ни о каких других судах». Как выразился в 1910 году знаток судового дела допетровской Руси Н.П. Загоскин, коч — это корабль, для создания которого требовалось немного: «тяп да ляп и вышел кораб».

Сегодня нельзя согласиться с такой характеристикой. Трудно найти факты, которые подтвердили бы мнение о примитивности коча. Эти корабли полностью соответствовали задачам походов и условиям пла-

вания. Более сложные по устройству и богатые по оснащению иностранные суда вообще не проходили дальше западных берегов Карского моря. Тогда как кочи бороздили северный бассейн целыми флотилиями.

ПЛАВАНИЕ НА КОЧЕ

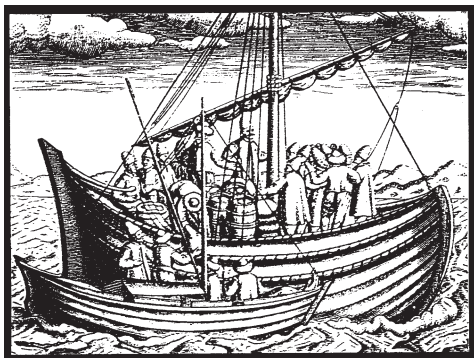
По подсчетам М.И. Белова, в XVII веке ежегодно выходило в плавание до 65 морских судов, в том числе 20 казенных и 45 торговых. К этому числу следует прибавить кочи и морские карбасы в Беломорье, не считая судов, плававших в устье Печоры и Мезени, отправлявшихся на Новую Землю и в Карское море. Сибирские кочи обеспечивали перевозку 130 тысяч пудов (20800 тонн) груза. Только из Верхотурья в То-

больск перевозилось в год до 200 тысяч пудов хлеба и соли.

Судя по цифрам, движение в северном бассейне было весьма активным, хотя поездки по океану представляли предприятие, полное опасностей и риска. Сильно задерживали «ветры с моря, прижимные», прибывавшие суда к берегу, но главное препятствие составляли покрывавшие поверхность северных вод «льды плотные»: «на море, — по словам мореходов, — льды ходят и кочи ломают». Кочи «бежали с великою нужею промеж льды»: с неимоверным трудом мореплаватели «из того льду выбивались и просекались назад», когда их запирали в голомени в большие льды, выбирая «меж льдом почемережи» и двигаясь «своею силою» «по заледею возле земли... по протокам». Если льды были тонки, то пробивались через них «о парусе», но при этом нашивки и прутья у кочей протирались».

Яркой иллюстрацией условий морских походов в Мангазею может служить история одного кораблекрушения. 13 июля 1643 года из Тобольска вышли два казенных коча с хлебными запасами, один коч с назначенным в Мангазею дьяком (начальником канцелярии) Григорием Теряевым и коч торговых и промышленных людей.

Около 19 августа у Русского заворота (р. Ньда?) «учало погодою кочи бить». Государевы кочи и коч торговых людей «на отстое раступило», запасы с них разнесло по морю и по берегу, а люди плыли и брели на берег на веслах и на досках, и в карбасах, а коч дьяка Теряева «выкинуло на берег цел, а запасы выметал вон». «Тот его коч замыло на кошке (отмели) песком, и тут де они стояли и тот коч из песку выгребали и с мели сымали две недели». Послав двух людей в карбасе в Тобольск с отписками «о том разбое», сам Теряев пустился в дальнейший путь. К нему на единственный коч собралось всяких людей человек с 70, а 15 человек торговых и промышленных людей остались «на том разбое зимовать у своих товаров и запасов». Теряев шел парусом день, и «как

*Русский торговый корабль (малый коч) и лодка (дощаник)
Гравюра из книги Геррита де Вера
(Амстердам, 1598)*

*Морское судно (малый коч)
Изображение на доске, обнаруженной
во время раскопок города Мангазея*

де они будут против Черных гор, Столбовой реки, и тут встретил ветер — север сбоку, и тем ветром бросило коч на берег сухой, и коча де снять с мели не могли, и стояли де на том берегу 8 недель, и обсадила самаядь, и с того разбоя пошли нартным ходом берегом в Мангазею до Филиппева заговенья за 10 дней» (4 ноября). «По вся дни учили на них самаядь находить и дрались, и ходу им не давали», отбили у них «8 нарт с запасами, товарами и оружием, при чем убили двух человек и одного ранили в голову стрелюю, да у дьяка Григорья отгромили на нарте ребеночка служня». Самоеды преследовали их до Пуровского острова, где снова дрались с ними многое время и ранили смертельно одного человека. Продолжая путь, «шли до устья Тазовского от Черных гор 8 недель». Тут «взял де их голод, потому что им самаядь ходу не дали и запасы отгромили», «стало нечего ни пить, ни есть», безмен

муки продавали за 7 рублей, а пуд будет в 112 рублей; и стали служилые и промышленные люди с голода помирать; «померло человек с 50, в том числе у дьяка Теряева две дочери и племянник, и люди его померли же». В таком положении он послал в Мангазейский город несколько служилых людей «с вестью». Посланные «одва с голоду добрели» до города, и один из них «пришел в город... с голоду и умер». Между тем Теряев с остальными своими спутниками медленно «шли голодные и шли Тазом 10 дней, и их изнял голод». Напротив Леденкина Шара Теряев, не будучи в состоянии от изнеможения двигаться дальше, был вынужден остановиться. С ним остались его жена и люди, и еще несколько человек, как и он, не способных идти вперед. Сын боярский Дмитрий Черкасов с тобольскими служилыми людьми пошел дальше, но уже на первом стану один из них, Костыка Галкин, «идти не мог и после того и умер». До того стана шли они три дня голодные, ели «ременье и камысы»; на том стане остались еще два человека, которые потом умерли. Оттуда они шли до Сухарева зимовья три дня: «и идучи нас голод изнял», «и мы неволею души свои сквернили, собак ели». В Сухаревом

зимовье они лежали три дня. Здесь их нашел высланный по получению отписки Теряева воеводой князем Ухтомским на выручку отряд мангазейских служилых людей под начальством сына воеводы князя Федора. Князь послал своего человека с несколькими служилыми людьми на низ сыскивать дьяка Григория. Они нашли его. С ним еще в живых были его жена и еще человек шесть, остальные умерли от голода. Положение оставшихся в живых было ужасное: они дошли до того, что «друг друга ели», «от великие нужи постели (оленьи шкуры) и ремень, и испод лыж — камасы, и собак, и мертвых людей ели». Их подобрали и на нартах привезли в город. По пути «за полтора днища» до города в Щучьей Курье дьяк Теряев умер. Его жена и люди прибыли в город 14 января, всего пришло и было приволочено человек с 20 служилых и промышленных людей.

Нележки были условия зимовки судов. Иногда корабли, «застигнутые заморозом», оставались в открытом море. Тогда команде приходилось идти пешком на берег по «росольному льду». Корабли, зимовавшие у городов, большая опасность поджидала весной, по вскрытии льдов. Например, в Мангазее они стояли прямо на реке Таз и вмержали в лед. Вот как описывает воевода Андрей Палицын зимовку десятков кочей в Ман-

газее: «И как, государь, лед учал на Тазу вскрываться и твои государевы торговые и промышленные люди учили свои кочи откалывать изо льду и в Осетрову речку проводить... И едва, государь, могли твои государевы люди ухватить только пять кочей в устье осетровское. А то все кинули под городом во льдах и ледом их переломало».

ЦЕНТРЫ ПОСТРОЙКИ КОЧЕЙ И МАРШРУТЫ ИХ ПЛАВАНИЯ

Итак, в северном бассейне плавали целые флотилии морских судов. Создание их требовало верфей и кадров судостроителей. Основным центром изготовления судов в XVI веке являлся город Архангельск, который через Северную Двину имел выход на Волгу и далее на Великий шелковый путь; через Баренцево море — в страны Северной Европы. На кочах архангельские поморы плавали через Норвегию на о. Шпицберген и в Сибирь — на реки Обь и Енисей. Путь по северным морям в Сибирь назывался Мангазейским морским ходом. Известно два его варианта, один из которых от Архангельска через Баренцево и Карское моря в Мангазею — северный.

В конце XV века самый короткий путь в Сибирь проходил по реке Вишере через Уральские горы на реку Лозьву и далее по реке Тавде через Тобол и Иртыш в Обь. В XVI веке этот путь был одним из важнейших. В 1588 году

для его охраны на реке Лозьве воеводой И.Г. Нагим был основан Лозьвинский городок — первый русский опорный пункт для освоения новых сибирских земель. Так как с реки Лозьвы начинался чистый (без волоков) речной путь в Сибирь, одновременно с городком строилась и первая сибирская корабельная верфь. Построенные на ней суда шли на восток, к местам возведения новых городов.

В 1595 году царь Федор Иоаннович издал специальный указ о разведывании новой дороги в Сибирь. Новая дорога с реки Камы по реке Косье через Уральские горы вела к реке Туре. В месте, где она подходила к реке, в 1598 году воеводой В.П. Головиным на месте вогульского городка Неромкара был основан русский город Верхотурье. Лозьвинский городок был оставлен, а жители и казаки отправлены для постройки Верхотурья. Одновременно с городом возводились пристани для постройки кочей — «плотбища». Их строительство было организовано в 40 верстах от города вниз по течению реки Туры. В 1603 году под Верхотурьем было создано постоянное поселение корабельных мастеров. Только для казенных нужд изготавливалось ежегодно 8—10 кочей. Через несколько лет Верхотурье стало одной из крупнейших верфей морского судостроения, где строилось до 10—15 морс-

ких судов, включая заказы частных владельцев. Особое значение верфи приобрели в 1620 году, когда вышел запрет на плавание северным вариантом Мангазейского морского хода. Остался только южный его вариант — с верхотурских верфей по реке Туре мимо города Тюмени, по реке Тоболу в реку Иртыш мимо города Тобольска, Демьянского городка и села Самарово (ныне город Ханты-Мансийск), а затем по реке Обь мимо городов Березова, Обдорска (ныне город Салехард) далее в море Мангазейское (Обская губа), в Надымский городок и город Мангазею. По южной трассе стали передвигаться большие караваны судов из 20—30 кочей. Так, важнейшим опорным пунктом на пути из Европейской России в Азию стал город Верхотурье.

Впоследствии плотбища строились в местах формирования караванов судов в других сибирских городах — Березове и Тобольске. Но расцвет кочевого судостроения связан именно с верхотурскими верфями. Это обстоятельство отражено в названии поморско-верхотурского коча, который считается эталонным типом всех морских судов Сибири XVII века.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА КОЧА

В начале XVIII века по приказу Петра I все старые

русские суда были уничтожены, и строительство подобных было запрещено. Приказ был следствием государственной политики, ориентированной на заимствование достижений европейской культуры. С этого момента русское северное судостроение и арктическое торгово-промышленное мореплавание пришло в упадок. Последние два коча были построены в 1733 году для большой Сибирской экспедиции под начальством В. Беринга. В ее задачи входило обследовать окраины Северного Ледовитого океана, что невозможно было сделать на судах других типов.

После 1733 года кочи больше не строили. Инженерных чертежей судов не сохранилось, секреты строительства к настоящему времени практически утрачены. Осталось лишь несколько строк в словаре, судовые обломки из раскопок Мангазеи и макет в музее Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге, тогда как этот корабль — уникальное достояние, которое можно по праву считать вкладом России в мировую культуру.

ЗНАЧЕНИЕ КОЧА

Это судно сыграло особенную роль в освоении Сибири и Арктики. Никакие другие транспортные суда не могли доставить такое количество груза, сколько перевозили караваны этих судов за период

навигации. Именно кочи с момента вскрытия льдов обеспечивали непрерывную связь территорий. В условиях Арктики эти суда были и средством передвижения, и строительным материалом, и домом на зимовку.

Использование коча имело важное значение для международных торговых связей России с североевропейскими странами. Из Сибири вывозили меха, которые были главным предметом торговли и обмена с европейскими купцами. Коч был единственным русским судном морского класса, появившимся в России задолго до первых морских судов европейского образца эпохи Петра I.

В наши дни отдельные исследователи и энтузиасты возвращаются к проблеме северного мореплавания, в частности, к идее возрождения коча. Так, в 1989 году в петрозаводском яхт-клубе «Полярный Одиссей» было построено два древнерусских судна — коч и ладья, названные «Помор» и «Грумант». На этих судах был предпринят поход на о. Шпицберген, после чего в рамках программы «Золотой век» были совершены поездки на фестиваль старинных парусников в Норвегию и Данию. К сожалению, кроме внешней формы, недостаток информации не позволил восстановить всех качеств судна.

Неужели все-таки Ершов?

Однажды, дело было в 1986 году, будучи в командировке в Тобольске, купил по случаю два небольших старинных рукописных альбома, в которых были записаны различные стихи и песни. Записи велись с 1873-го по 1893 годы и были сделаны в основном в Тобольске и в меньшей степени — в селах Бегишево и Прокуткино.

Со слов хозяйки альбомов Раисы Александровны Китшель (1906 г. р.) выяснилось, что альбомы принадлежали ее родителям: Александру Ивановичу Щеглову (в то время учащемуся духовной семинарии, позднее — священнику в селах Бегишево и Прокуткино) и Клавдии Павловне Щегловой (урожденной Кульниковой).

Большинство стихов, записанных в альбомы (дань моде того времени), не имели ни названий, ни имен авторов. Плохо разбираясь в поэзии, все же некоторых авторов сумел определить. Здесь были Некрасов, Никитин, Пушкин, Лермонтов, много стихов Кольцова. Авторства большинства стихов узнать не смог.

Один из альбомов принадлежал, очевидно, А. Щеглову, другой, привлечший мое пристальное внимание, судя по всему, принадлежал девушке, обучавшейся в каком-то учебном заведении Тобольска (возможно,

К. Кульниковой-Щегловой). Соученицы последней часто вносили в альбом своей подруги различные стихи, иногда делая соответствующие отметки-записи: «Писала 28 ноября 1883 года воспитанница I класса Елизавета Саремитова», «Твоя соученица Надежда Долинина», «Писала твоя соученица Сераф. Люцернова», «18 января 1884 года Мария Петраскевич». Имелись подписи С. Соколовой, Поповой, Ляпустиной. В конце альбома появляются подписи Дмитрия Минаева и уже известного нам Александра Щеглова.

Мое внимание привлекли два анонимных стихотворения, записанных неизвестной (судя по почерку) в 1884 году. Прочел их раз, второй, третий. Показалось, что-то знакомое. Неужели Ершов? Взял томик Ершова и чем дольше читал его стихи, тем более нарастала уверенность, что это наш замечательный земляк. Однако одной интуиции в таком смелом предположении мало, необходимо все как-то подтвердить и обосновать. Несколько раз перечитал биографию поэта, сомнений оставалось все меньше, и я все более склонялся к первоначальной гипотезе.

Необходимо отметить, что с момента приобретения альбомов (1986 г.) я на протяжении этих

лет неоднократно доставал альбомы, брал в руки книги, еще и еще раз перечитывал стихи поэта и, наконец, решился предложить свои рассуждения и аргументы на суд читателя.

Первый вопрос, который встал передо мной: каким образом стихи Ершова могли оказаться в ученическом альбоме? В истории литературы немало таких примеров обнаружения неизвестных произведений знаменитостей в альбомах различных людей. Более того, известно множество списков стихов Ершова, которые были сделаны в 1910—1930 годах тоболяками Юшковским, Симоновой, Абрамовым. В Российской государственной библиотеке, в

различных центральных архивах также имеются списки произведений поэта. Много материалов исчезло бесследно. Так, известно, что «томов семь, хорошо переплетенных» остались у последней жены поэта Е.Н. Ершовой, часть бумаг была у пасынка Н.Н. Лещева, часть у сына В.П. Ершова. Все это бесследно исчезло, но слабая надежда на то, что хотя бы малая толика обнаружится, остается благодаря различным рукописным альбомам разных лет.

В 1840 годах в Тобольской гимназии появляются молодые учителя, с которыми Ершов сближается. Среди них М.Л. Попов. Вспомни, читатель, что среди подписей к различным

*Ули симульты не жая счастливой?
 Кто неправду повсюду считает,
 Принужденъ передъ нѣи, противъ воли,
 Головой покинуть, прокиная
 Угастъ знамкучю совѣтвенной доли?
 Кто дия битвы почувствовъ сина,
 Этимиъ синами не видитъ исхода,
 Много съ первыиъ дией до могилы
 Провождаетъ повсюду невзгода?*

Страница из альбома (фрагмент)

спискам стихотворений нашего альбома была и подпись некой Поповой. (К сожалению, инициалы отсутствуют, вполне могла быть его дочерью). Понятно, что такая аналогия, мягко говоря, условна, но, думается, и она имеет право на существование.

Прежде чем привести два стихотворения из альбома, вкратце необходимо вспомнить вехи жизни сказочника П.П. Ершова.

1815 г., 22 февраля (6 марта н.с.) — в д. Безруковой близ Ишима родился Ершов.

1827 г. — учащийся первого класса Тобольской гимназии.

1830—1836 гг. — Петербург. Университет. Дружба с Тимковским, их мечты и планы по изучению Сибири. Первое издание «Конька-Горбунка».

1836 г. — возвращение в Тобольск, преподавание в гимназии, предательство Тимковского. Многолетнее преследование со стороны директора гимназии Качурина.

1838 г. — смерть матери, знакомство со вдовой Серафимой Александровной Лещевой (имела четырех детей).

1839 г. — свадьба, материальные затруднения, нужда. Обострение отношений с Качуриным.

Конец 30-х—начало 40-х — душевный кризис.

Около 1840—1841 гг. Ершов на грани самоубийства!

Стоп! На этом остановим-

ся. Посмотрим, как жизненные невзгоды отразились на творчестве поэта. Ершову 20 с небольшим, ему кажется, он потерял все: друзей (Тимковский), родных (брат и отец умерли еще в Петербурге, затем мать), будущее (неудачная карьера, нужда). Поэт теряет веру в людей, редко обращается к стихам, сводит к минимуму переписку. Иногда он все же обращается к оставшимся знакомым:

Други, други! Не корите
Вы укорами меня!

Потерпите, подождите
Воскресительного дня!

(«К друзьям», 1837).

Но тут же мрачные мысли овладевают им:

Я смотрю, и мир унылый
Глыбой мертвою лежит.

Пред открытою могилой
Молодая жизнь стоит,

Вьет венок из роз и терний...

(«Две музы», 1838).

В одном из своих писем он пишет: «Еще мне должно пожить. Пускай! Я не отказываюсь. Только, поверишь ли, право, не знаю, что наконец выйдет из этого».

Стихи октября 1838 года оптимистичнее: как-никак знакомство с будущей женой, а вскоре и свадьба. Но и это ненадолго, судя по всему, его любовь не совсем счастлива: давила нужда плюс неприятности по службе.

Друзья, оставьте утешенья,
Я горд, я не нуждаюсь в них.
.....
Коварно дружба изменила,
И чем любовь награждена?
.....
Нет, вера в счастье отлетела.
(«К друзьям». 1839).

О нет! Суровой жизни холод
Давно мечты уж потушил,
Давно судьбы тяжелый молот
Мне сталью сердце закалил
(«Отрывки». 1840).

Все, что любил, я схоронил
Во мраке двух родных могил.
Живой мертвец между живыми.
(«Воспоминания», 1845).

Уважаемый читатель, надеюсь, у тебя сложилось некое представление о внутреннем состоянии поэта (1840—1841 гг.). Приводимые ниже списки стихов Ершова, на мой взгляд, дополняют наши впечатления «о большой душе» поэта.

От того невеселые звуки
Из-под лиры моей вылетают,
Что одни лишь житейские муки
Из большой их души выжимают...

Разве в силах, друзья, веселиться,
Тот, кто волей судьбы
.....
прихотливой
Должен вечно с нуждой только
.....
биться,
Ни минуты не зная счастливой?

Кто неправду повсюду считая,
Принужден перед ней, против
.....
воли,

Головой поникать, проклиная
Участь жалкую
.....
собственной доли?

Кто для битвы почувствовав
.....
силы,

Этим силам не видит исхода,
И кого с первых дней до могилы
Провожают повсюду невзгоды?
Дайте мне на минуту очнуться
От тревог и от жизненной муки,
Из-под лиры моей раздадутся,
Может быть, и веселые звуки...

Может быть, вместо стонov
.....
ужасных
Из груди изольется моей
Много страстных, могучих,
.....
прекрасных
Песен счастья и веры в людей.

Если о желании покончить с собой мы знаем лишь по рассказам одного из родственников поэта, то следующее стихотворение, на мой взгляд, прямо говорит о таком намерении Ершова.

Жизнь прожита... Нет больше
.....
в счастье веры...

Разбиты все мои надежды
.....
и мечты!..

Тоска глубокая — без выхода,
.....
без меры

Гнетет мой ум большой...
.....
И только, только ты,

Кумир души моей, невольно
.....
сожаленье

Во мне об этой жизни шевелишь
И лаской кроткою,
.....
как будто б облегченье

Надломленной душе моей
.....
дарить...

В тяжелый год я встретился
.....
с тобою:

Синантропные биоценозы Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX века

Известно, что человек, оставивая новые районы, как бы тянет за собой шлейф из неизвестных ранее на этих территориях биоценозов. Имеются в виду не только домашние животные и сельхозрастения, но биоценозы из числа диких или одичавших, так называемые синантропные. Так, в Сибири бытовало предание, что вслед за хлебными обозами пришли в край и воробьи, столь привычные для европейской части страны, но неизвестные в местной фауне до русской колонизации¹. В Акмолинской области киргизы воочию наблюдали появление воробья и его распространение. По мнению киргизов, воробьи пришли вслед хлебным обозам и гнездились только близ жилья — на зимовьях².

П.С. Паллас в 70-х гг. XVIII в. наблюдал на юге западно-сибирской лесостепи и далее в степи многочисленные табуны одичавших лошадей, причину существования которых он усматривал в специфике выпаса лошадей не только у аборигенов-степняков, но и у местного крес-

тьянства: «Здесь есть обыкновенные большие конские стада отпускать свободно и без всякого присмотра бегать по лесам»³. В Сибири скотину вообще не баловали вниманием пастуха. Скот практически без присмотра пасся в огромных общественных покотиных. Площадь такой покотины могла составлять от одной до шести верст в длину и столько же в ширину. На вольном выпасе скот находился до осени (до снега). На севере региона чаще всего обходились даже без покотины, скотина бродила совершенно свободно. И. Вислоух писал в начале XX века, что в 1906 году на р. Куме (приток р. Конды) потерялась лошадь, ее удалось найти только в 1908 г., причем она настолько одичала, что ее едва удалось приручить вновь⁴. Любопытную деталь в поведении куланов, раскрывающую еще один механизм складывания популяции одичавших лошадей в Западной Сибири, подметил некто «Д» и рассказал об этом на страницах «Тобольских губернских ведомостей» в 1858 г.: «Если домашняя лошадь попадает в

¹ Черепанов С. И. Отрывки из воспоминаний сибирского казака. Пребывания в Сибири 1810—1848. — Казань, 1979. С. 7.

² Словцов И. Я. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 году // Зап. ЗСОИРГО. Омск, 1881. С. 96.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Академии Наук. СПб., 1786. Ч. II, кн. 2.

⁴ ОПИ ТГИАМЗ, инв. № 134. С. 24 (1914 г.).

табун куланов, то они уводят ее безвозвратно, зубами срывают с нее узду и седло, если они есть на ней, и стерегут как пленника, держа в самой середине своего табуна... В 1847 году табун куланов в 500 голов набежал в виду людей на небольшой табун, принадлежавший пикету Манакинскому (около укрепа Ак-тау) и увели 20 домашних лошадей. Об этом обстоятельстве производилось официальное исследование»⁵. В начале 90-х годов XIX века С.К. Патканов писал, что в пригородных волостях г. Тобольска серьезной проблемой были одичавшие собаки: «Эти собаки находятся в полудиком состоянии и выходят на добычу стадами в 5—20 штук. Под добычей мы разумеем, главным образом, овец соседних крестьян, на которых они устраивают правильную охоту и которых загрызают всякий раз больше, чем в состоянии съесть. Будучи весьма чутки и осторожны, они показываются лишь на рассвете. Чем больше их собралось, тем смелее они действуют в это время, они даже не останавливаются перед нападением на одиночных крестьян, пришедших на выручку своим животным. Поедают они задушенных животных не тотчас, а через несколько дней, когда предполагают, что не застанут около них людей. Вследствие осторожности собак и темноты, которая

господствует во время их походов, охота на них довольно затруднительна. Зимой их подкармливают на льду около куч навоза и мусора и стреляют из ружей, впрочем, преимущественно охотятся на черных собак, подбирая их шкуры для зимней одежды «яш»...»⁶.

В 70-х гг. XIX в. одичавшая собака была описана И.С. Поляков, которому были доставлены 3 экземпляра этих животных, убитых близ Сургута и Тобольска: «По пёстрой окраске шерсти они приближаются к собакам: от бровей до ушей у них тянется, с той и другой стороны, по рыжей или тёмной полосе; затем вся передняя часть туловища и брюхо белые, с розоватым оттенком между задними ногами; почти от середины спины до основания хвоста у самца тянется широкая темная полоса, а у самки рыжеватая. Вообще, рисунок и форма полос на шкуре самца и самки почти одинаковы и разнятся только по цвету. По величине они занимают середину между волком и обыкновенными собаками; по образу жизни эти звери подобны волкам, а по хищничеству они превосходят волков... Стадо в 10 штук, совершенно подобных вышеописанным, охотились первоначально в лесах целым обще-

⁵ Д. Кулан // ТГВ, 1858, № 8.

⁶ Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. II: Источники благосостояния жителей // МДИЭБГИИЗС. С. 154—155.

ством за северными оленями, затем приблизилось к жилью и навело страх на местных жителей своими страшными опустошениями в домашнем скоте... Все звери охотились сообща, на добычу нападали дружно с разных сторон...»⁷.

Розовый оттенок шерсти одичавших собак, описанных И. С. Поляковым, наводит автора этих строк на мысль, что в 1992 г. в д. Молчаново Тюменского района местные жители рассказывали ему о подобных животных. Крестьяне вспоминают, что сразу после Великой Отечественной войны в лесу встречались крупные волки с «красными гривами». Судя по сообщению И. Я. Слоцова (80-е гг. XIX в.), одичавшие собаки могли присоединиться к стаям волков. Так, в 1888 г. крестьяне д. Елань Кармакской волости Тюменского уезда заметили в стае волков пару «черно-бурых экземпляров». Одна из этих особей была убита и оказалась самцом собаки довольно крупных размеров⁸.

По-видимому, популяция синантропной собаки в таежной полосе региона сложилась довольно рано. Собака на севере Запад-

ной Сибири как у аборигенов, так и у русского населения использовалась не только на охоте, но и в качестве ездового животного. У русских березовцев и обдорцев собаководство известно по крайней мере с 40-х годов XVIII века⁹.

Посетивший в 1692 году Самаровский ям Э.И. Идес отметил: «Самаровцы рассказывают еще, что будто бы их собаки блудят с волками и лисицами... оне столь похожи на волков и лисич, что охотники в лесах часто ошибаются и стреляют своих собак»¹⁰.

Специфика «северного собаководства» была в том, что даже те собаки, которые содержались во дворе, по сути оставались полудикими. Такое положение дел даже вносило определенные коррективы в хозяйство русского населения региона. Так, березовцы еще в 70-х годах XVIII в. жаловались, что свиней и овец они содержат мало, т.к. «...должно их всегда содержать взаперти, иначе через час и костей не найдешь, как собаки растащат»¹¹. С. Шулгин в начале XX века записал следующий диалог с русским старожилом юрт Ермаковских на реке Конде: «По крайней мере, кур, свиней, овец имеете ли?» — «...Держать нельзя: как только

⁷ И. С. Поляков. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. С.-Пет., 1877. С. 6.

⁸ Слоцов И.Я. Позвоночные Тюменского округа и их распространение в Тюменской губернии. М., 1892. С. 27.

⁹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. — Новосибирск, 1975. С. 80.

¹⁰ Лопарев Х. Самарово — село в Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о прошлом. Тюмень, 1997. С. 43.

¹¹ Миненко Н.А. Указ. соч. С. 80.

выпустишь из ограды — поминай как звали: собаки придушат»¹².

В конце XVIII в. в Западную Сибирь были привезены медоносные пчелы, чем было положено начало западносибирскому пчеловодству. Так, в предгорьях Алтая начало пчеловодству положил некий полковник Аршеневский в 1795 г. Еще в половине XIX в. отмечалось, что «приобретая значительные выгоды от пчеловодства, крестьяне доныне чтят Аршеневского, называя его истинным благодетелем»¹³. Особенно хорошо принялся новый промысел в пределах Тобольской губернии, на Алтае и в его предгорьях (Усть-Каменогорский, Семипалатинский уезды)¹⁴. Еще П.С. Паллас отметил, что содержание пчел на русском Алтае мало чем отличалось от нахождения пчел в естественных условиях: «У подошвы Алтая русские крестьяне разводят пчел, но жизнь последних мало отличается от жизни диких пчел; они живут в пасаках в таких же гнилых дуплах, как и в лесу»¹⁵. П.С. Паллас, правда, несколько утрировал

ситуацию. Пчел содержали не в «гнилых дуплах», а в специальных колодах, но последние были действительно весьма просто устроены. Они представляли собой выдолбленные обрубки и делились на два типа: «лежачие» — на специальных подставках и «стоячие» — без таковых. Еще в конце XIX в. пчел в Томской губернии содержали в таких сооружениях¹⁶. Еще одной особенностью западносибирского пчеловодства было то, что медоносные растения здесь не культивировались, а пчела брала основной взятки на диких медоносах, произраставших на таежных елянах. Пчеловодство поэтому особенно было развито в районах, прилегающих к Чулымской и Алтайской тайге. Исходя из вышеизложенного, современники и в конце XIX века характеризовали западносибирское пчеловодство как полубортное¹⁷. Скорее всего именно это обстоятельство и явилось причиной, по которой сложилась в Западной Сибири крупная популяция дикой медоносной пчелы. О ее размерах можно су-

¹² ОПИ ТГИАМЗ, инв. № 75 (1901 г.). Л. 41.

¹³ Статистическое описание Ишимского округа // ЖМВД, кн. 4. 1843. С. 57, 6—7.

¹⁴ Сафьянова А.В. Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX—начале XX вв. // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX вв. — М., 1970. С. 137.

¹⁵ Паллас П.С. Указ. соч. С. 191.

¹⁶ Кауфман А.А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. СПб., 1892. С. 44—45.

¹⁷ Кауфман А.А. Указ. соч. С. 35; Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях по представлению чиновников Министерства государственных имуществ. СПб, 1894. С. 287.

доть хотя бы по такому факту. А.Т. Миддендорф, спустя всего столетия после ввоза в Западную Сибирь первых медоносных пчел, зафиксировал у русского крестьянства Алтая промысел дикого меда — борничество, которое считалось выгодным занятием, несмотря на большие успехи алтайского пчеловодства¹⁸.

Синантропным биоценозом в Западной Сибири является и рак. В XVIII в. он вряд ли был известен в местной фауне. Во всяком случае Фишер, описывая фауну региона, отмечал: «Сие особливо примечать должно, что хотя все реки преизобильны рыбой, нет однако раков во всех тех реках, которые выпадают в Ледовитое море»¹⁹. С.К. Патканов подметил, что для рака нет туземного названия у инородцев Тобольского округа — татар и остяков. В г. Шадринске в 1821 г. «местный богатей» Фитисов запустил в р. Исеть раков. К середине XIX века их добыча здесь стала выгодным промыслом²⁰. Другим исходным пунктом, откуда рак распространился по региону, был г. Ишим, где в 40-х годах XIX века было выпущено в одноименную реку несколько осо-

бей этого животного. Жители Тобольского округа считали, что рак появился в Иртыше в 60–70-х годах XIX в., причем в некоторых прибрежных озерах он появился только на исходе 80-х годов XIX в. В водоемах окрестностей Тобольска раки появились только в 70-х годах XIX в., на исходе же 80-х годов рак здесь был так многочисленен, «...что даже срывают с крючков наживленных чебаков, делая этот лов мало выгодным». В конце 80-х годов XIX в. рак продвинулся по Иртышу до Филинского рыболовного песка (370 верст от г. Тобольска вниз по течению Иртыша)²¹. Как мы уже отметили, в XVIII в. раки в Западной Сибири были неизвестны, но П.С. Паллас прозорливо замечал по этому поводу: «Так же и раки здесь уже известны, хотя сказывают, что оные в Урале до самого одного источника водятся и в верхней стороне реки Уя, к сибирским рекам принадлежащей, начинают появляться, так что со временем, может быть, в дальних странах Сибири разведутся»²².

Всегдашними спутниками человека были насекомые. Любо-

¹⁸ *Этцель А., Вагнер Г.* Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т.А. Аткинсона, А.Т. Фон-Миддендорфа, Г. Редде и др. СПб., 1865. С. 255.

¹⁹ Цит. по: *Патканов С.К.* Указ. соч. С. 208.

²⁰ [*Кожин И.*] Заметки о Шадринском уезде Пермской губернии члена-корреспондента Пермского губернского статистического комитета И. Кожина // ЖМВД. 1885, ноябрь. Ч. 15. Отд. 5. С. 2.

²¹ *Патканов С.К.* Указ. соч. Ч. II. С. 208.

²² *Паллас П.С.* Указ. соч. Ч. I. С. 15.

пытно, что докучливые обитатели человеческого жилья — тараканы, клопы, сверчки — пришли в Сибирь вместе с русской колонизацией. П.С. Паллас в 1770 г. еще наблюдал продвижение указанных насекомых в Западной Сибири: «...в новонаселенных между Тобольском и Ишимом деревнях тараканов совсем нет; а по Иртышу они не далее как до Омской крепости расплодились; хотя их там за несколько времени и великое множество водилось; напротив же того клопы и сверчки по Иртышу уже везде развелись... В Усть-Каменогорске за несколько лет примечены некоторые маленькие азиатские тараканы... о которых думают, что они принесены сюда с ташкентскими товарами. Сия досадная и вредная гадина так скоро здесь расплодилась, что все почти дома ими полны. Ниже буду я иметь случай объявить, что те же тараканы при новом открытии китайской торговли начали размножаться от востока даже за Сибирь; и они так малы и плоски, что в прималейших щелях скрыться могут, то не может почти быть, чтоб в короткое время и в России, через приходящие из Сибири товары сею гадиною обременены не были. И чаятельно, что и крепости на Иртыше не долго уже от оных свободны останутся, хотя доселе большие западные азиатские тараканы угнездиться там и не могли, и выше Томска на Иртыше нигде не

попадают... Года с три, то быть с того времени, как китайская торговля опять началась, развелись, или, как чаятельно, размножились здесь в Томске почти во всех домах мелкие желтые тараканы... при описании Усть-Каменогорска упомянутые. Оных отличают от обыкновенных кофейных тараканов, которых здесь не столь, названием прусские тараканы. И заподлинно знают, что они перевезены сюда купцами, на китайских границах торгующими, между товарами»²³. Таким образом, тараканы двигались в Сибирь с двух направлений и к 70-м годам XVIII в. освоили все ее пространство. По-видимому, в это время началась «великая тараканья война» в Сибири, в результате которой «мелкий рыжий» таракан сначала вытеснил крупного «кофейного» из Сибири, а затем и из европейской части страны. К сожалению, подтвердился вывод П.С. Палласа о том, что в будущем «рыжие азиатские тараканы» освоят и Европейскую Россию. Но это произошло позднее, а к концу XVIII века прусак продвинулся в Западную Сибирь. По утверждению иркутского казака С.И. Черепанова, в Иркутск черных тараканов привез его дед. Якобы однажды, находясь в Ирбите, дед Черепанова впервые увидел этих насекомых и не придумал ничего лучшего, как поймать пару, завернуть их в бумажку и поместить в шкатулку с тем, чтобы показать их в Ир-

²³ Паллас П.С. Указ. соч. Ч. II. С. 103, 257, 430.

кутке своим знакомым и домашним. Кончилось это тем, что по приезде домой он открыл шкапу, а тараканы из нее буквально брызнули. Размножились они по той причине, что в шкапулке хранились, помимо прочего, просфоры²⁴. Однако имелись и другие версии происхождения этих докучливых насекомых. По свидетельству Эрика Лаксмана, алтайские крестьяне в начале XIX века считали, что тараканы вышли из леса, т.е. считали таракана лесным насекомым. Так они думали на том основании «...что видят их иногда ползущими по улице...»²⁵.

Однако сибиряков в значительно большей степени интересовал вопрос: каким образом бороться с этой напастью? Существовали способы избавиться от насекомых достаточно экзотические, так как они были круто замешаны на суевериях. Например, камышловские крестьяне считали в середине XIX в. «...чтобы вывести из дому та-

раканов или клопов, нужно одного привязать за толстую веревку и тянуть двум мужчинам, при этом не смеяться; для вывода клопов еще несколько их кладут в гроб покойника; а для вывода тараканов такая примета: когда жених и невеста выезжают к венцу, то в дом, из коего выехали, надобно ввести таракана»²⁶. Впрочем, тараканов чаще всего вымораживали, с наступлением холодов оставляя на некоторое время жилье без отопления. Именно подобным образом рекомендовал поступить тобольским обывателям в 1776 году губернатор Д.И. Чичерин: «В тобольскую полициейстерскую контору приказ. Как ныне наступило время холодное, то за первое предлагаю во всех харчевнях и где хлеб и калачи пекут, вымораживать тараканов. Равным образом и во всех в Тобольске домах от полиции о том же объявить. Д. Чичерин. Октября 22 дня 1776 г.»²⁷.

²⁴ Черепанов С.И. Указ. соч. С. 6—7.

²⁵ Письма, относящиеся до Сибирского края, от Линнея к Лаксману и от Лаксмана к Шлецеру и Бекману. // Сибирский вестник. СПб, 1820. Ч. 9. С. 46.

²⁶ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Русского Географического общества. Вып. III. Пгр., 1916. С. 1029—1030.

²⁷ Кузнецов Е.В. Сибирский губернатор Д.И. Чичерин//Русская старина. 1891. LXXI. С. 181.

Вечером 7 июня состоялось освящение вновь открываемой в Тюмени типографии «Сибирской торговой газеты» (А.А. Крылов). <...> Новая типография имеет большую иллюстрационную машину фабрики «Кениг и Бауер в Оберцеле», а также бостонский пресс с усовершенствованным красочным аппаратом и снабжена значительным количеством разнообразных шрифтов заграничных словолитен.

№1. 9.07.

На пароходе «Нижегородец» прибыл в Тюмень, как уже у нас сообщалось, небезызвестный путешественник Носилов, прибывший с Карского моря, он сделал важное открытие для сношений Сибири с Европой, найдя прекрасный речной путь из Обской губы в Карскую, сокращающий значительно старый путь, и главное — оставляющий в стороне льды моря. Полуостров Ямал, неизвестный доселе, исследован им.

№26. 8.08.

12 августа в Тюмень возвратился из Пятигорска директор реального училища д.с.с. И.Я. Словцов.

№31. 14.08.

В Тюменском реальном училище молебствие перед ученьем было совершено 16 августа, самое же ученье началось с 18 числа. Вновь поступили в училище 41 человек, из них в приготовительный класс 27 чел.; 1 класс — 12 чел., 2-й — 1 чел., в 5-й класс — 1 человек. Всего в реальном училище находится 205 учеников, которые распределяются по классам следующим образом: приготовительный класс — 33, 1-й — 37, 2-й — 39, 3-й — 22, 4-й — 27, 5-й — 20, 6-й — 14, 7-й — 11 человек.

№35. 20.08.

Вместо тротуаров в Тюмени присутствуют (и то не везде) деревянные мостки. Конечно, большинству тюменских домохозяев было бы не по силам устройство плитных тротуаров. Это и трудно от них требовать. Но нельзя не обратить внимание на самое устройство и плохое содержание деревянных мостков.

№39. 24.08.

В окрестностях Тюмени продолжается прекрасная пора, благодаря которой созревание пшеницы и овса быстро идет вперед: яровые раннего посева уже сжаты. Жалуются на недостаток рабочих рук. Жнице платят 40 копеек, на хозяйских харчах. Уборка ржи окончена. Посев ржи окончен, показавшиеся всходы хороши и ровны. В ночь на 21 число был мороз, побивший огурцы и картофельную ботву.

№39. 24.08.

Нас усиленно просят обратить внимание на следующее. Часов в 6 по Царской улице нет возможности пройти ни одному мужчине, который не был бы остановлен гуляющими по этой улице «девицами», делающими различные предложения, которые нередко сопровождаются нецензурными словечками и т.п. Местная полиция прекрасно знает почти всех занимающихся тайной проституцией и потому могла бы принять меры против этих гуляющих по Царской улице.

№44. 31.08.

Ходатайство Тюменского общества о переводе окружного суда в г. Тюмень не осталось незамеченным и в столичной печати: в газете «Новое время» помещена статья, в которой к мотивам основательности ходатайства тюменской депутации к господину министру юстиции присоединены следующие соображения, говорящие в пользу целесообразности перенесения в Тюмень не только окружного суда, но и всех губернских административных учреждений.

№45. 2.09.

На днях в Тюмень прибудет издатель «Русского труда» С.Ф. Шарапов, который посетит дер. Кулакову, где будет показывать крестьянам, как пахать плугами.

№49. 6.09.

Вчера в 9 часов утра на пароходе Министерства путей сообщения «Тобольск» прибыл из Тобольска вице-адмирал С.О.

Макаров, сопровождаемый лейтенантом Шульцом.

Сегодня С.О. осмотрит Жабынский судостроительный завод И.И. Игнатова, механический завод Гуллета и кожевнный завод братьев Колмогоровых.

№53. 12.09.

Собственник театра г. Текутьев почему-то отказал Тюменскому музыкально-драматическому кружку в помещении. Что побудило его к этому — неизвестно. На следующий зимний сезон музыкально-драматический кружок нанял помещение за Тюменкой в д. Филимоново. Деятельность кружка начинается с октября месяца.

№54. 13.09.

С 18 сентября начнутся спектакли под управлением А.В. Дорошенко; одна из главных целей этих спектаклей, как мы слышали, дать возможность бывать в театре всем: как богатым, так и бедным, для чего и поставлены общедоступные цены.

А.В. Дорошенко избрал не Текутьевский театр, где доступно бывать только высшему и среднему классу, а цирк — театр, где рабочий может, не стесняясь ни своих костюмов, ни своих кошельков, посещать театр и чувствовать себя свободным.

№55. 14.09.

После осмотра заводов адмирал посетил музей при нашем реальном училище и нашел его действительно замечательным.

№56. 16.09.

Закладка церкви в деревне Кулаковой, воздвигаемой на средства Н.М. Чукмалдина, состоится с благословения местного преосвященного в воскресенье, 21 сентября.

№57. 17.09.

Нами недавно отмечались кражи телефонной проволоки со столбов, теперь же систематически стали красть лампы с уличных фонарей.

№57. 17.09.

Полицией совместно с нижними чинами местной воинской команды была произведена по всем притонам и в кирпичных сараях облава на всех подозрительных лиц, не имеющих паспортов или определенных занятий. В течение ночи таких подозрительных лиц забрано 186 человек.

№63. 24.09.

Разнесся слух, что г. Текутьев для своего театра думает выписать опереточную труппу во главе с артисткою Антоновой. Не знаем, насколько справедливо первое, но мы получили сведения, что г-жа Антонова сильно больна и едва ли может приехать.

№64. 25.09.

24 сентября в номере мирового судьи 2 уч. слушалось дело по обвинению купца А.И. Текутьева в мошенничестве.

Мировой судья, рассмотрев дело, постановил: считать господина Текутьева оправданным.

№65. 26.09.

В ночь на 24 сентября из материального склада при мельнице купца Текутьева совершена кража 600 мешков, стоящих 150 рублей. Кража совершена посредством выпиливания стен в заплоте и материальной при помощи коловорота.

Похитители неизвестны.

№66. 27.09.

Поправка. Во вчерашнем номере было ошибочно сообщено, что А.И. Текутьев в камере мирового судьи 2 уч. 24 сентября обвинялся в мошенничестве, в действительности же к нему было предъявлено обвинение в клевете по 1535 ст. Уложения о наказаниях.

№66. 27.09.

В местном музыкально-драматическом кружке избраны на предстоящий сезон: председателем Гр. Гр. Игнатов, заступающим его место Ив. Ив. Клеринов; старшинами Г.Ф. Колмогоров, М.Е. Колмогорова, В.Н. Колмогорова.

№69. 1.10.

С разрешения г. тобольского губернантора «Календарь Тобольской губернии на 1898 год» будет издан, как и в прошлом году, А.А. Крыловым.

№73. 7.10.

В среду, 22 октября, в здании Тюменского реального училища будет демонстрироваться для учеников синемаграф.

№85. 21.10.

3 ноября состоится освящение лечебницы общества по-

кровительства животных. Лечебница помещается в г. Тюмени по Царской улице, против казарм рядом с Владимирским сиропитательным заведением, в собственном доме.

№94. 7.11

После Нового года в Тюмени открывается гильзовая фабрика.

№122. 10.12

Стороннее сообщение

В 1893 году барнаульскому купцу Поскотинову за моим пароходом доставлялся хлеб 5385 пудов, из этого количества принято было Котовщиковым 1631 пуд, а оставшийся по настоящее время хранится у меня (4 года). В сентябре 1896 г. Поскотинов от моей конторы просил дать хлеба, но пароходной квитанции не предъявил, указывая, что фрахт уплачен Котовщиковым; расписка в уплате фрахта Поскотиновым не была представлена, почему хлеб ему и не был сдан.

В июле настоящего года Поскотинов лично предложил мне хлеб по цене; цена не подошла, меж тем я предложил хлеб принять, прося пароходную квитанцию и расписку в уплате фрахта Котовщиковым. Постников ни расписки, ни квитанции не представил и оскорбился, что вторых денег платить не желает, наговорил многое излишне и пристращал мировым судом за захват его собственности.

Все это вызвало меня поручить своей конторе на условиях пароходной квитанции и телеграммы от 10 января 1894 года написать счет и вручить Поскотинову. По получении счета Поскотинов у меня не был, видимо, по обоюдному соглашению расчет учинить не пожелал, а через поверенного возбудил уголовное преследование за захват его собственности, не обращая внимания на договор пароходной квитанции и на предъявление в уплате фрахта Котовщиковым расписки: при прошении в мировой суд Поскотинов также никаких документов не представил, а лишь одни голословные заявления. Поскотинов мог, конечно, всегда сойтись со мной миролюбиво, и ни с какой стороны судебных преследований не было бы и не могло быть. Что я требовал от Поскотинова только парохоскую квитанцию и расписку Котовщикова, могут подтвердить гг. Б. и М., бывшие при этом разговоре.

Во время разбирательства дела у мирового судьи мною было заявлено, что хлеб Поскотинова я не зазватывал, а по условию Поскотинов должен был прежде всего предъявить на получение груза документы, согласно которых уплатить мне за 90 дней полежалый по 1/4 коп. с пуда в день, и тогда получить груз.

Этот расчет с Поскотиновым в некоторой тюменской

публике возбудил разные нелепые толки: одни говорят, что Текутьев ждет с Поскогинова 14 тысяч рублей, другие — что уже получил 14 тысяч рублей. Вот эти злословные языки и побудили меня писать это. Мне прискорбно слышать это оскорбление и выносить, когда бросают грязью в лицо невинному человеку. В былое время для общего благосостояния устроено было помещение для театра единственно с целью отвращения некоторой части публики от разных грязных вертепов, я содержал группу и оркестр за свой счет не из каких-либо корыстных целей, как другие: в первый сезон я поплатился 5000 рублей, во второй сезон я держал труппу по желанию публики и получил такой же убыток, да еще с добавлением месячного тюремного заключения за то, что некоторые субъекты во время спектаклей не имели воз-

можности пользоваться бесплатными местами. В настоящее время также порицаюсь за то, что для музыкального кружка не уступил помещения, одним словом, не рискнул в недобрый час остаться без рубашки, ибо под театром лежит на десятки тысяч товару, а в былые времена были такие субъекты, что, будучи под влиянием бахуса, бросали недокурные папироски на сцене, не замечая, что есть шели, а под сценою всякое сценическое «барахло», легко воспламеняющееся. Правду сказать, если б я имел приличный экипаж, а не дровни, лучших лошадей, кучеров — ну и свернул бы когда направо—налево, совсем бы другой взгляд был на меня, а то привычка обуяла быть простолоудином, вращаться в кругу низшего и среднего класса и жить особняком. Что же я поделаю, когда родился я такой.

*Тюменский купец
А. Текутьев.*

* * *

В «Новостях Югры» опубликован отклик известнейшего краеведа региона Валерия Константиновича Белобородова о третьем номере журнала за минувший год: «...Свобода «Лукича» — это не свобода политиканствования в заранее заданных параметрах, а естественная свобода частного издания, не имеющего никакой крыши и ведущего дело на свой страх и риск в меру собственной состоятельности — не только духовной и гражданской, но и имущественной. Такая свобода — оборотная сторона ответственности. И нестандартность журнала объясняется просто, если вспомнить о том, что государство и общество — совсем не одно и то же. Журнал же — одно из немногих изданий, которые хотят выразить публично духовный интерес образованной части общества».

* * *

Редакцию журнала «Лукич» посетил известный хантыйский художник Геннадий Райшев, проживающий в г. Екатеринбурге. Он высказал свое мнение о художественном оформлении книг серии «Невидимые времена», которым занимались художник Александр Кухтерин и дизайнер Валерий Дыба-младший. Художник не в пример своим собратьям по цеху оказался сдержанным в оценке: «На уровне».

Целью его визита было приобретение двухтомника Серафима Патканова, только что вышедшего из печати.

* * *

С минувшего номера у «Лукича» появилась редколлегия. Первым в нее дал согласие войти ректор госуниверситета академик Геннадий Куцев. На появившиеся вопросы о том, будет ли теперь изменено имя журнала, доводим до сведения читателей. Предложений есть два: «Кущий Лукич» и «Лукавый Куцев». Пока специально созданная комиссия рассматривает это предложение. Но совершенно однозначно, что в следующем, 2000 году обложка журнала будет иметь шафрановый цвет.

* * *

Некоторые читатели журнала высказывают неудовольствие по поводу фактических ошибок, имеющих в публикации Е. Коноваловой «История тюменской книги» (Лукич. 1998. №№3–4). В частности, речь идет о романах М. Знаменского...

Редакция «Лукича» считает, что Е. Коновалова, как и все другие авторы, сохраняет за собой не только право на авторское право, но и право на ошибку.

* * *

После сдачи в печать двухтомника М.А. Кастрена конкурирующая фирма попыталась вменить одному из своих сотрудников продажу коммерческой тайны, связанной с именем путешественника, редакции журнала и уволить техработника из редиздатотдела института.

Господин Ц.! Смеем заверить, что имя Матиаса Александери Кастрена, знает еще и Анатолий Омельчук. Уж он-то, точно узнал о финне от вашей машинистки. Проверьте.